

КОНАН И КХИТАЙСКИЙ МУДРЕЦ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ	КОНАН И МЕН КОЛДУНА	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ	КОНАН ИНОВАСТАН ПЕЩЕР	КОНАН И ПЕСНИ СНЕГОВ	КОНАН И НЕВЕСНАЯ СЕКИРА	КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ
1	2	3	4	5	6	7	8	9
КОНАН И БАРУСЬЕ БОГОВ	КОНАН И ДАР МИТРИ	КОНАН И НОЧНЫЕ КАННИКИ	КОНАН И ГРОТ ДАНОМЫ	КОНАН И БЕРНАД ГРЯДАЩЕГО	КОНАН И БРЕМЯ ЖАЛЯЩЕ СТРЕЛЫ	КОНАН И ПСЫ ВОИНЫ	КОНАН И ТАИНСМАН ЗАА	КОНАН И БЫЧ НЕРТАЛА
10	11	12	13	14	15	16	17	18
КОНАН И ГОРОД ПАПИСЕННЫХ ЛУН	КОНАН И ИСТОРИЧЕСКИЙ СУДЕЙ	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМНА	КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО	КОНАН И ПРИСКАКИ ПРОШЛОГО	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТЕРЬ	КОНАН И ПЛАВИВКИ ВЕЗДНЫ
19	20	21	22	23	24	25	26	27
КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНИЙ	КОНАН И КОЛЬЕ КРОМА	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ	КОНАН И АЛАМЫНН ЛАБИРИНТ	КОНАН И РАСКРОТНЫЙ ИДОЛ	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ	КОНАН И АЕДИНОЙ СТРАЖ	КОНАН И ТОРГОВЫИ ГРЕЗАМИ	КОНАН И АЛАТЫРЬ ПОБЕДЫ
28	29	30	31	32	33	34	35	36
КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ	КОНАН И ПРОХИЧАЛЫ ПЛОТИ	КОНАН И БЕРГ ПРОКЛЯТЫХ	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ	КОНАН И АЛАМЫННА НЕВЕС	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ
37	38	39	40	41	42	43	44	45
КОНАН И ГНЕВ СЕТА	КОНАН И ХРАМ НОЧИ	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ	КОНАН И МЯТЫК ЧЕТЫРЕХ	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА	КОНАН И КОРОНА МИРА	КОНАН И ПОСЛАНИК СВЕТА
46	47	48	49	50	51	52	53	54
КОНАН И СТИХИЕ ЗЛА	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИЗАРА	КОНАН И СКАПИ ХАОСА	КОНАН И ЖЕРЕЛ ГАРИМА	КОНАН И СИГИ-ВИДЕ ПИАКТО	КОНАН И ПОВАЛЯЛЬ МОЛНИЙ	КОНАН И ТИГРЫ ХАНВОРИИ	КОНАН И ГЛАДИНИ БУРН	КОНАН И СЛЕД ИСПОЛНИНА
55	56	57	58	59	60	61	62	63
КОНАН И САУТА ТУМАНА	КОНАН И АНК ЗВЕРЯ	КОНАН И ОВИТЕЛЬ ДРАКОНОВ	КОНАН И НАСАДЕНИЕ МЕРТВЫХ	КОНАН И ЗАК АРИОС	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ	КОНАН И ТАНЦ ПУСТОТЫ	КОНАН И ПОСЛАНИК МРАКА	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ
64	65	66	67	68	69	70	71	72

Дуглас Брайан

КОНАН И КХИТАЙСКИЙ МУДРЕЦ

ast
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)

Б 87

Серия «Конан» основана в 1993 году

Авторские права защищены.

*Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.*

*Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 03.08.2007.

Формат 84×108¹/32. Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 22,68. Тираж 5500 экз. Заказ 2796.

Брайан, Д.

Б 87 Конан и кхитайский мудрец / Дуглас Брайан. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2007. — 373, [11] с. — (Конан).

ISBN 978-5-17-046488-3 (ООО «Издательство АСТ»).

ISBN 978-5-93698-465-5 («Северо-Запад Пресс»).

Конан-киммериец скитается по свету в поисках приключений. Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами от Вендии до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории, спасая невиновных и карая Зло.

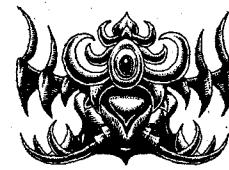
УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2007

ISBN 978-985-16-3258-5
(ООО «Харвест»)

орошо бы перековать обе задних ноги, — сказал кузнец, почесывая черным пальцем лоб под широким ремешком. — И, конечно, правую переднюю. Иначе ты погубишь лошадь, не добравшись до замка Амрок. Камни здесь злые. Превращают в лохмотья даже самые крепкие сапоги, да и подковы не жалеют. К тому же, погляди сам — дождь не уимется еще много дней. Дорога скользкая.

Конан слушал вполуха. Он уже смирился с тем, что кузнец сдерет с него по возможности больше. Кузнецы в этом весьма похожи на лекарей. Стоит невзначай попасться на глаза практикующему шарлатану с какой-нибудь пустяковой царапиной, как он найдет у тебя по меньшей мере пять смертельных хворей и примется их лечить самыми новейшими (и дорогими) снадобьями, толку от которых не больше, чем от старых и дешевых. Наиболее зловредны в этом отношении зубодеры. По счастью, Конан научился обходиться без услуг медикусов всех

мастей и пород. Но лошадь, потерявшая подкову на каменистой дороге, обречена. Губить без толку живую тварь, к тому же умную и послушную, — непозволительная роскошь. Раз уж она служит, как умеет, хозяин должен о ней позаботиться. Поэтому варвар обратился к помощи кузнеца, чья хижина, кстати сказать, была первым жильем, обнаруженным за два дня пути.

Она стояла на перекрестке большака и узкой дороги, поднимающейся в горы. Дорога эта и вела в замок Амрок, о котором Конан только что услышал.

— Почему ты решил, что я еду в замок? — спросил он у кузнеца.

— Да вид у тебя чудной, — отвечал кузнец.

В горне загудело, и красноватые отблески забегали по потолку и стенам кухни. Сам кузнец, и без того чумазый и страшный, сделался похож на подземного демона, выпрыгнувшего из жерла вулкана.

— Ты находишь, что я чудно выгляжу! — расхотелся варвар. — Посмотри сначала на себя!

По счастью, он был в хорошем настроении.

— Конечно, — молвил кузнец невозмутимо. — Ты — форменный чудак, и при этом — чужак.

— А кого ты считаешь своим? — начал сердиться Конан. — Твоя мазанка торчит здесь в одиночестве, будто прыщ на носу!

— Любой, приехавший сюда, — чужак, — рассудительно произнес кузнец.

Возразить на это было нечего. Варвар поворчал себе под нос и решил не продолжать беседы.

Ухватив щипцами раскаленную железную полосу, кузнец бросил ее на наковальню и принялся колотить молотом, рассыпая окрест длинные искры. Ему-то как раз хотелось поговорить и видно было, что случай к этому выпадает не часто.

— Вчера! Тоже! Проехали! К замку! — начал он, вставляя слова между ударами молота. — Как есть! Чудаки! Книжники!

Конан пожал плечами. Увидев, что его сообщение не произвело никакого эффекта, кузнец добавил:

— Из города! Ясное! Дело!

С этим он снова подцепил щипцами уже готовую подкову и бросил ее в ведро, полное грязноватой воды. В ведре страшно зашипело.

— Ну и что? — пренебрежительно пожал плечами варвар. — Если хозяин замка пригласил к себе ученых людей, так это его дело.

— Хозяин помер зим десять тому, — хмыкнул кузнец, закладывая в горнило новую заготовку. — Нет, эти господа приехали не по приглашению. А сегодня еще трое — но уже не ученыe. Больше похожи на прощелыг, искателей наживы. Наглые, пустоголовые и все при мечах. Что им понадобилось, как не деньги?

— Замок пуст? — спросил Конан, постепенно заинтересовываясь.

— Там живут слуги покойного графа. Джокс — мажордом, Грателло — лакей, кухарка, два конюха, псарь и шут Баркатрас, самый большой олух на триста лиг вокруг.

— Целая армия, — заметил варвар. — Им нечего опасаться грабителей.

— При чем тут грабеж? — покачал головой кузнец. — Дело в другом. Замок битком набит чудесами. О них ходят легенды. Пяток зим назад, пока кабачок старого Уинтера был открыт, там только и говорили, что о тайнах замка Амрок.

— Так уж водится у вас в Бритунии. Был бы замок, а уж всяких небылиц про него мужланы навыдумывают сами, — сказал варвар.

Кузнец сделал вид, что оскорбился, и вторую подкову ковал молча, ударяя молотом с яростью. Иногда он делал паузу и присматривался к пышущему жаром железу. Подкова, наверное, казалась ему живым существом, из которого следовало вышибить дух. Всякий раз она вела себя подозрительно, и кузнец с наскока атаковал ее, бранясь сквозь зубы. Наконец он решил, что одолел подкову, и спровадил ее в ведро к остывающей товарке.

— Я знаю, что говорю, — произнес он сердито. — Замок Амрок — чудное место, чудным был его хозяин, и ездят туда одни только чудаки. Броде тебя.

— Похоже, разговор зашел в тупик, — решил варвар и широко зевнул. В кузнице было душновато, но тепло, а главное — сухо. От этого ощущения Конан успел отвыкнуть, скитаясь под беспрерывным дождем. Теперь его слегка даже разморило.

— И что же чудного было в хозяине замка? — вопросил он лениво.

Кузнец будто того и ждал.

— Это будет целая сага. Если ты готов слушать, то я, впридачу к ней, угощу тебя капелькой спиртного. Что скажешь?

Капелька оказалась объемом в пузатый полупинтовый стакан и была такой суворой крепости, что луковица, поданная в качестве закуски, показалась сладче груши. Но дорожная усталость испарилась, словно ее и не бывало. Конан расположился на изрубленном чурбачке, а кузнец выволок из груды хлама увечный табурет и, балансируя на нем, повел рассказ.

— Сколько зим мне — я точно не скажу, но всяко больше полувека. Это я к тому, что последний граф Амрок прибыл в наши края, когда я был совсем ребенок, то есть очень давно. Я хорошо помню тот день — дождь, как и сейчас, лил и лил, а вершины скал все были затянуты тучами. Там, в этих тучах, и стоит замок. Иногда его видно и отсюда — когда грозовая молния попадает в шпиль главной башни, все строение начинает светиться мертвенно-зеленоватым светом, наподобие гнилушки.

Какая судьба постигла предыдущего графа, отца последнего, доподлинно неизвестно. В замке он почти никогда не жил, предпочитая пышный дворец своего сюзерена, герцога этих земель. С одной стороны — арендаторам было как-то спокойнее, с другой же — неуютно. Всегда приятно знать, что хозяин и покровитель где-то поблизости.

Сказывали, что предпоследний граф упал на охоте с лошади, да так неудачно, что тут же и умре.

И

Стряпчие долго разыскивали наследника, который проживал в городах уйму денег, нигде и никому не служил, ничему не учился — словом, жил, как и подобает богатому наследнику. Местные жители все ждали — кому и почем он продаст родовое поместье, а он возьми да и объявись!

Мой папаша как раз сидел за кружкой пива в заведении Уинтера, а с ним — несколько почтенных арендаторов, считавших за благо иметь в приятелях единственного кузнеца в округе. Папаша редко выпивал на свои. Никем не узнанный, граф Амрок вошел в кабачок, оглядел всех весело, спросил самого крепкого пунша, закурил трубку и как бы невзначай распахнул свой мокрый плащ. На груди его висела тяжелая золотая цепь с фамильным гербом. Посетители вскочили, как ошпаренные.

— Да, я ваш хозяин, и я вернулся, — сказал им граф. — Жить я буду в замке. Завтра можете там же поздравить меня с приездом. А теперь — брысь отсюда! Я хочу отдохнуть.

Папаша с приятелями оказались под дождем, сами не понимая как.

— Оно, конечно, как бы и хорошо, — глубоко-мысленно заявил арендатор Гвилл. — Но все же как будто и не совсем.

— Гм, — сказал мой папаша. — Его милость дал понять, что завтра он уже будет в замке. А это странно — ведь туда больше дня пути, да еще по такой погоде. Как же его милость успеет добраться за жалкий остаток ночи?

— Воистину, странно! — подтвердили все арендаторы.

— Может, у его милости — хороший конь? — предположил Гвилл, человек в высшей степени трезвомыслящий даже в подпитии.

Но папаша с большим сомнением покачал головой.

Через пару дней делегация арендаторов с традиционными дарами достигла замка. Джокс, в ту пору — зеленый юнец — встретил их в своей манере, напыщенной и чванной.

— Граф ожидал вас вчера, — сказал он. — Не знаю даже, примет ли он гостей теперь.

— Но ведь мы вышли рано поутру после того, как его милость объявили о своем возвращении, — возразил папаша. — Неужто он так сильно нас обогнал?

Джокс насупил брови.

— Граф прибыл третьего дня, — изрек он. — Это так же бесспорно, как и заплата на твоих штанах.

Спорить с ним было бесполезно, и папаша погрузился в молчаливые расчеты, из которых следовало, что граф Амрок умел летать по воздуху со скоростью почтовой голубки.

— А верно лошадь его милости очень хороша, — встрял арендатор Гвилл.

Джокс на это повел бровями и ответствовал:

— Граф прибыл пешком.

Все очень удивились такому обстоятельству. Особенно странно было, что его милость шел пешком,

как последний батрак, хотя даже у самых бедных крестьян водился в хозяйстве какой-нибудь пони или, на худой конец, мул. Джокс сурово отказался обсуждать это. Ему ясно было, что хозяин волен ездить верхом, ходить пешком или даже скакать на метле — это его господское дело.

Граф однако ж принял делегатов, усадил их по обычаю на почетные места и выслушал с должным вниманием все заверения в верности, преданности и прочая. Папаша впоследствии рассказывал, что сразу отметил насмешливый и недобрый огонек в глазах его милости. Но товарищи его, сердясь, говорили, что он врет. Каждый в отдельности приписывал открытие этого недоброго огонька лично себе, но все вместе соглашались — толку от этого было немного.

— Кое-что изменится в нашей земле, — произнес граф. — И вам лучше бы принять это как есть. Жизнь ваша была скучна и однообразна — дождь с утра до вечера, сплетни да пиво — вот и все радости. Я же намерен забавляться. Знаю, о чем вы подумали! Выбросьте это из ваших голов. Я не буду портить девок и устраивать глупые попойки. Это скучно, непроходимо скучно! Нет, я буду забавляться по-другому. Ха, ха, ха! — Он рассмеялся очень ненатурально. Но не это было странным. К ужасу моего папаши, огромная кабанья голова, лежавшая на серебряном блюде, обложенная яблоками, вдруг распахнула свою клыкастую пасть и тоже сказала: «Ха-ха-ха!» Причем из пасти выпал пучок редиса.

Больше никто этой странности не заметил.

«Да не пьян ли ты, старина?» — спросил папаша сам у себя, но отрицательного ответа дать не мог, не покривив душою, ибо перед этим выпил шесть или семь кружек.

Изрядно угостились арендаторы в замке и всех полегоньку разобрало. А дело шло к ночи, и очень не хотелось им выбираться под дождь и спускаться вниз, в темноте и слякоти. Тешила их надежда, что добрый господин уложит спать гостей где-нибудь в замке, чтобы поутру со свежими силами... Надобно сказать, что в наших краях в гости хаживали дни на три запросто, а бывало, что и неделями застrevали. Арендатор Гвилл набрался нахальства и довольно прозрачно намекнул графу, что время позднее, что его милость, вероятно, устал, и что хорошо бы его отпустить на покой.

— Ах, окажите такую любезность! — сказал граф. — Пора и вам по домам, чай, жены заждались.

— Так-то оно так, но ведь путь-то неблизок, — растерялся Гвилл.

— Что? Вздор. Чихнуть не успеете, как окажетесь внизу, в кабачке, — рассмеялся граф. — Нуте-ка, садитесь все рядом вон на ту длинную скамью и держитесь за нее крепче.

Арендаторы — народ говорчивый. «Хочет господин подшутить, — решили они, — что ж, пусть его шутит, лишь бы оброка не поднимал». Подумав так, садятся гости на скамью, и папаша мой со всеми вместе. «Никогда не чувствовал себя глупее», — говорил он впоследствии.

Граф Амрок посмотрел на эту честную компанию, хмыкнул, щелкнул пальцами... В тот же миг скамейка взлетает в воздух, опрокидывая огромный подсвечник, и летит к окну, которое в самое последнее мгновение успевает раскрыться!

Арендаторы кричали от ужаса. Один только мой папаша сохранил лицо, хоть хмель и выскоцил из его головы. Скамья летела с ужасной скоростью — только ветер свистел в ушах загулявшихся гостей. Скалы, тучи, хлещущие струи дождя — все перемешалось и мелькало перед глазами. Спуск происходил не по прямой линии, а по спирали вокруг горы, при этом на поворотах дух захватывало и в головах устрашающе шумело.

Но, как и обещал граф Амрок, скоро показался кабачок Уинтера. Скамейка плюхнулась в центре огромной лужи, подняв тучи брызг. Арендаторы еще какое-то время судорожно держались за нее, а потом разжали хватку и один за другим повалились в грязь.

— Что вы скажете на это, почтенные? — спросил папаша.

— Сдается мне, чудные дела творятся в замке Амрок, — ответил арендатор Гвилл.

— Воистину так, — согласились остальные.

Некоторое время в кабачке обсуждалось это происшествие, но никто толком не сумел его разъяснить. Скамейка несколько днейостояла в луже, не двигаясь с места. В конце концов старина Уинтер не выдержал и забрал ее себе.

— Хорошая вещь, — сказал он. — Теперь не делают таких скамеек.

Ее поставили в залу и показывали проезжающим, как большое диво. Немногие отваживались на нее сидеть. Но однажды один чудак из города, вообразивший себя очень ученым человеком, дотошно осмотрел скамейку, попрыгал на ней задом, огладил руками и молвил:

— Ваши рассказы — пустые басни. От этой трухлявой лавки ничуть не пахнет колдовством. Уж я бы почуял! Неужели вы хотели надуть меня при помощи этой рухляди, траченной червями?

Только он так сказал, как скамейка взвилась кверху, толкнула в грудь степенного мастера-бочара, отчего тот упал, и вылетела в открытую дверь. Больше ни ее, ни ученого путника в наших краях не видели.

Много произошло странного. Так, однажды коза сиротки Джилл заглянула в окно общинного старосты и человеческим голосом поздравила его с добрым утром. А на огороде нашей тетушки Эммы вырос мальчик, из головы которого торчал пучок ботвы. Он давно уже взрослый и служит в городе, в управе. Бывали и неприятные случаи, даже прискорбные. Арендатору Бибоди явился однажды скелет в одежде акцизного чиновника, и бедолага Бибоди до самой смерти заикался и тряс головой.

Граф жил затворником, никуда не ездил и никого из местных не принимал, да и мало нашлось бы желающих проведать его. Джокс аккуратно собирал

подати, и сейчас собирает в пользу графской казны. Надобно сказать, что на днях исходит срок — наследник, если таковой имеется, обязан объявиться, иначе все добро перепишут в пользу герцога.

— С кого же собирают подати? — удивился Конан. — Разве во круге, кроме тебя, остался кто-нибудь?

— Это верно, почти все разбрелись кто куда. Четыре семьи не захотели покидать этих краев, а прочие решили, что страшная погибель графа — предостережение, и хорошего ждать не приходится, — ответствовал кузнец.

— А что случилось с графом?

— Однажды Джокс спустился вниз... Я очень хорошо помню этот день. Аил дождь, прямо как сегодня...

— И все было затянуто тучами, — догадался Конан. — Давай дальше без подробностей!

— Без подробностей неинтересно, — надулся кузнец, помолчал немного, разлил по стаканам остатки спиртного и все-таки продолжил: — Джокс сразу прибежал в заведение Уинтера. Там, в компании соседей и приятелей, отдыхал после дня трудов некто Лерон, коновал, способный врачевать и двуногую скотину, то есть людей. Лечил он их все больше герцовой настойкой и кровопусканиями. Джокс обратился к нему:

— Господину нашему срочно требуется твоя помощь! — сказал он. — Мешкать нельзя.

Лерон высказался, что неплохо бы перед дальней дорогой пропустить еще стаканчик-другой, но Джокс

и слушать его не стал — ухватил за ворот и вытащил из кабачка.

Утром Лерон появился в поселке — совершенно седой, оборванный и без одного башмака. Арендаторы окружили несчастного и стали расспрашивать: что ввергло его в такое горестное положение? Лерон жестами показал, что ему непременно надо выпить. Принесли бутылочку, и поседевший коновал высосал ее одним махом, словно в ней было молоко.

— Нынче ночью я был в замке Амрок! — проговорил он, когда отышался.

— Но как же ты, почтенный, успел туда и обратно? — спросили присутствовавшие. — Никак, лежал на скамейке?

— То не скамейка была, о нет! — возразил Лерон. — Увы, я — пожилой, всеми уважаемый человек — летел верхом на управляющем, а тот, в свою очередь, оседал бронзовую кочергу. Пока мы летели, из меня вытряхнуло все мои познания в сложном искусстве врачевания, и перед скорбным ложем больного я предстал совершенным профаном. Но не это ужасно, почтеннейшие! То, что я увидел, заставило меня застонать от ужаса. На кровати лежала... половина графа Амрок, словно его рассекли надвое вдоль острым мечом. При всем этом граф оставался вполне жив, двигал рукой, ногой, ухмылялся половиной рта и щурил глаз. Ни крови, ни торчащих внутренностей — срез на вид был гладким, черным, и когда я захотел потрогать его рукой, она провалилась почти по локоть в пустоту.

— Полегче! — прикрикнул граф. — О, небеса! В этой распоклятой дыре нет даже врача, один только пьяный живодер!

— Но как это случилось с вами, ваша милость? — спросил я.

— Я ставил один очень интересный опыт, — ответил мой половинчатый пациент. — И сделался жертвой собственной неосторожности.

— Расскажите подробнее, — настаивал я. — Как же я смогу оказать помощь, если мне неясна причина болезни? Будьте откровенны — от лекарей не держат секретов.

Граф рассмеялся:

— Я могу быть с тобой откровенным только наполовину, — сострил он. — Я, видишь ли, занимаюсь наукой. Не глупой, напыщенной магией, а серьезным изучением сути вещей и их трансформацией, то есть — изменением. Понятно ли тебе это, простофия?

Я отвечал, что понятно. Когда сахар и хлебные дрожжи превращаются в напиток, украшающий жизнь, это тоже выходит трансформация. Уж не знаю, почему мне захотелось пошутить... Я тут же пожалел об этом, глядя, как половина графа Амрок извивается в конвульсивном смехе.

— Хорошая шутка — половина исцеления! — выдавил он сквозь хохот. — Половина... Ха-ха-ха!

Неожиданно вторая его часть простила рядом с первой там, где ей и положено быть. Сначала она оставалась какой-то рассеянной, нечеткой, но дово-

льно скоро сгустилась и сделалась вполне реальной. Зато первая половина расплылась, подернулась дымкой и... исчезла!

— О! О-о! — простонал граф. — Это мучительно! На его лице простила испарина.

— Пусть ваша милость простит бедного профана, — заговорил я. — Но все же непонятно...

— Чего тут непонятного! — воскликнул несчастный. — Совершенно случайно я открыл существование другого мира. И находится этот мир не где-то там, за тридевять земель, а здесь, рядом. Мы живем сквозь него и даже не замечаем этого! Иногда, правда, отдельные картины или образы попадают оттуда к нам и исчезают, никем не понятые, не разгаданные... Таинственные и прекрасные существа обитают там, неслыханные сокровища хранятся, недоступные людской алчности. Я дерзнул отодвинуть завесу, но мне показалось мало — и, никем не званный, я вторгся туда. И жестоко наказан. О-о! Мне не выбраться целиком!

— Чем же я могу помочь вашей милости? — совсем растерялся я.

— Я велел позвать тебя, потому что мне страшно... — признался граф Амрок. — Я не доверяю никому из своих домочадцев, кроме Джокса. Он — образцовый слуга, но глуп... Очень глуп. Я долго не протяну, это ясно. Хотелось перед смертью поговорить с кем-нибудь... Какая жалость, но я не смогу расплатиться с тобой за беспокойство — кошелек остался в другом кармане халата. Ха-ха-ха!

Так он попуттил в последний раз. Вскоре после этого оставшаяся половина тела подернулась облаком, и граф исчез целиком. Не успел я отойти от скорбного ложа, как с легким хлопком тело вернулось, все целиком. Большого прока от этого не было, потому что тело было мертвым.

Беглый осмотр привел к удивительным результатам — я заключил, что граф скончался не от естественных причин. На его шее имелись явственные следы удушения, как будто чья-то сильная, не ведающая жалости рука сдавила горло бедняги. Труп был еще теплым.

Я позвонил в колокольчик у изголовья. Явились Джокс и Грателло. Странно, но мне показалось, что развязка была известна заранее. Джокс деловито осмотрел тело своего господина, а Грателло показал мне лезвие кинжала, прижал меня к стене и спросил:

— О чем он рассказал тебе? Говори, и не вздумай ничего скрывать, иначе тебе не выйти живым отсюда!

— Мне скрывать нечего, — оторопело пробормотал я и пересказал содержание нашей с графом беседы. Меня разобрал страх, на этот раз — настоящий, страх за свою жизнь.

— И что ты думаешь обо всем этом? — осведомился Грателло.

— Ничего.

— Болван! Олух! Ладно, я напишу за тебя, перескажу твои слова, а ты распишешься. Это называется «свидетельские показания». Мы не хотим, чтобы нас обвинили в убийстве графа.

— Конечно, вы его не убивали, и я могу это подтвердить, — сказал я. — Вам нечего бояться.

Тут оба переглянулись и хмыкнули похожим образом, а я подумал, что касательно своего слуги граф здорово просчитался. Джокс совсем не глуп. Почему-то это открытие испугало меня еще сильнее.

В соседней комнате мажордом долго и сердито корябал пером пергамент. Конечно, он мог написать туда все что угодно. Но читал я лучше, чем пишу. Перед тем, как поставить свою подпись, я прочел написанное — там все соответствовало истине. Это меня успокоило, и я расписался.

— А теперь — убрайся! — рявкнул Грателло.

Я направился к выходу, но Джокс остановил меня.

— Жаль тебя, старик, — сказал он. — Промокнешь, замерзнешь, умрешь, чего доброго. А нам нужен живой свидетель. Садись-ка на кочергу.

— Нет уж, я спущусь пешком, как и подобает людям, — возразил я с достоинством, но проклятый мажордом хлопнул в ладони, и кочерга сама протиснулась мне между колен. Не успел я даже вскрикнуть, как уже летел стремглав, иногда разворачиваясь в воздухе, словно перепуганная ворона.

Однако мерзкая кочерга явила гнусный норов — она все время взбрыкивала, угрожая обрушить меня в ущелье. Наконец кочерга выскоцила из-под меня, да еще и наподдала прямо в воздухе. Я полетел кувырком и оказался здесь...

Выслушав этот удивления достойный рассказ, все пожали плечами и разошлись по своим домам, —

продолжал кузнец. — Мы решили, что Лорен перебрал на ночь глядя и ему все померещилось. Однако стряпчий, оформлявший завещание, подтвердил весть о кончине графа. Тогда-то все и призадумались.

Никто в этих краях не верил в науку. Старая, привычная магия как-то ближе нам, неотесанным мужланам.

— Это действительно очень похоже на магию, — с презрением в голосе прервал его Конан. — От таких историй смердит колдовством.

— Так или иначе, почти все разъехались, о чем я уже говорил, — закончил кузнец свой рассказ. Огонь в его горне давно погас, заготовка остывала, некованный конь стоял в загончике под навесом, с хрустом пережевывая лежалое сено.

— Но я в толк не возьму, — проговорил варвар. — Ты же сказал, что в замок редко кто захаживал, а потом заявил, что туда ездят одни чудаки. Чудаков-то много было?

— Порядком, — усмехнулся кузнец. — После смерти графа они зачастали туда, никому не объясняя — зачем. Понятно, что в замке Амрок хранится такое, чем хотелось бы поживиться. Но мы, здешние, — народ не слишком любопытный.

— И ленивый, — заметил Конан. — Хватит прохладиться. Я не хочу осесть здесь на веки вечные. Пошевеливайся!

Кузнецу не слишком понравился такой конец беседы, но делать ему больше ничего не оставалось,

кроме как вернуться к работе. Пока он, поругиваясь, разжигал и раздувал горн, наполня воздух кузни запахом горячего металла, Конан вышел под дождь.

Дорога, уводящая прямо к тайне замка Амрок, лежала перед ним. А опыт подсказывал: чего-чего, а приключений там будет предостаточно. Но добровольно связываться с магией варвару вовсе не хотелось, в науку он верил еще меньше, чем местные жители.

«Что там может быть? Какой-нибудь колдовской талисман или свиток с могущественным заклинанием. Мне это неинтересно, — размышлял он. — Вот если бы драгоценный камень или гора золота... Или хотя бы женщина, достойная внимания... Тогда бы я еще подумал, стоит ли лезть туда.»

В тот самый момент, когда он подумал о женщинах, на большаке появилась всадница. Вороной жеребец под ней заметно прихрамывал на обе передние ноги — злой камень здешних дорог не пощадил его подков. Даже издали она показалась Конану прекрасной — из-под капюшона выбивались мокрые пряди золотистых волос, осанка женщины была горделивой и говорила о хорошей фигуре. Когда она приблизилась, варвар не удержался и причмокнул. Глаза незнакомки оказались темно-синими, с янтарными искрами. Пунцовые губы обиженно припухли, а румянец на щеках свидетельствовал об отменном здоровье. Незнакомка грациозно спешилась, вручила поводья остоубеневшему Конану и спросила:

— Ты — кузнец?

— Кузнец в хижине, — ответил варвар, глупо ухмыляясь. — Я — путник.

Женщина оглядела черноволосого великана и в ее удивительных глазах загорелся интерес. Она произнесла что-то негромко, и Конан не смог расслышать, что именно, потому что в этот момент кузнец загромыхал своим молотом по наковальне.

— Если тебе нужен попутчик, то я готов, — заявил Конан, широко улыбаясь. — Поверь, лучшего компаньона еще поискать.

— О, да! — улыбнулась в ответ неизвестная. — Это мы обсудим. Ты — наемник?

— Иногда.

— Свободный меч?

— Более-менее.

— И с деньгами у тебя сейчас не густо?

— Бывало и гуще.

— Дорого берешь за услуги?

— Не всегда деньгами.

— Нахал, — сказала женщина, и осталось неясным: ругнулась она или выразила восхищение. Впрочем, она любила мужчин.

Ее звали Альвенель. Мужчинам, которые понравились ей больше других, она рассказывала, что родителей своих не знает, что была воспитана другими людьми, что замуж ей пока не хочется, а хочется повидать мир и узнать побольше о себе самой. Все это было чистой правдой.

— Я еду в замок Амрок, — сказала она Конану,

когда кузнец, выразительно бормоча, подковывал ее коня. — У меня там важное и серьезное дело. Возможно, потребуется крепкое мужское плечо. Об оплате поговорим особо.

— А что тебе нужно в замке? — поинтересовался Конан. — На колдунью ты совсем не похожа.

— С чего ты решил, что я колдунья? Я скажу тебе, в чем мое дело. Вполне возможно, что мне принадлежит и замок, и деньги, и земли графства. Если получится доказать это, я здорово поправлю свои обстоятельства.

— У тебя есть конкуренты, — отметил варвар. — Наверное, доказать будет непросто.

— Это уж как водится, — произнесла Альвенель. — Претендентов набьется полный замок. И некоторые из них очень самоуверенны. Мое появление они запросто сочтут серьезной угрозой для своих собственных планов. Что ж, они окажутся правы. Смекаешь, что от тебя потребуется?

Конан кивнул.

— Мне случалось быть телохранителем, хотя такого красивого тела я еще не охранял.

— Можно подумать, ты умеешь видеть сквозь одежду!

— Если нужно, я могу видеть даже сквозь стены, — заявил варвар.

Кузнец с недовольной миной принял плату, одну монету попробовал на зуб, сплюнул и удалился, думая про себя: «Кого этот верзила хотел надуть? Я же сразу понял, что он едет именно в замок! Нет, надо

было спорить. Дело тут нечисто, ясен перец. И женщина эта... Очень подозрительна!»

С одной стороны, ему было любопытно — да так любопытно, что все чесалось внутри. А с другой стороны, кузнец точно знал: что бы ни случилось, большак останется большаком, кузня — кузней, молот — молотом, а подкова — подковой. Поэтому он вытащил из-под вороха прелой соломы очередную бутылку, присел на чурбан и быстро очистил луковицу.

Дорога, ведущая к замку, петляла, подчиняясь капризам рельефа. Сначала она сама лежала на дне ущелья, но постепенно выбралась из него, изогнувшись и прошла по самой скальной кромке. Трое или даже четверо могли проехать по ней плечо к плечу без большого риска свалиться в пропасть, но все равно было жутковато. Туча, плотная, словно комок мокрой ваты, все приближалась и приближалась. Дождь то сеял, как из мелкого решета, то вдруг принимался хлестать тяжелыми струями. Ветер, стихая на краткий миг, набирал дыхание и, передохнув, начинал выть и рычать.

Спутники успели подняться достаточно высоко — у Конана дважды закладывало уши. Это не причиняло ему неудобства, только свидетельствовало о подъеме на высоту приблизительно в полторы ляги над уровнем моря.

Была глубокая ночь, и Альвенель выразила желание сделать привал до утра. Вдвоем они отыскали углубление в скале — там было сухо и почти не чувствовался ветер. К сожалению, развести костер

не представлялось возможным — не было никакого топлива. Ничего не росло в этих горах за исключением скального мха и редких, жестких травинок. Даже лошадей привязать было не к чему. Оставалось только крепко стреножить их и оставить подальше от обрыва.

Расстелив сырье одеяла прямо на камнях, компании расположились на отдых.

— Не подумай, что я жалуюсь, — сказала Альвенель, — но все же дорога не из приятных.

— Лучше ползти по скале, как муравьи, чем лететь верхом на скамейке. Кром великий! — прорычал Конан. — Если бы кто-нибудь сыграл со мною этакую шутку, я заставил бы его пожалеть!

— Летающие скамейки? А, это один из фокусов покойного графа, — догадалась его спутница. — Ты даже не подозреваешь, сколько еще интересного в том же роде осталось в замке.

— Зато, похоже, ты недурно осведомлена. Расскажи, мне ведь полезно знать, что нас ожидает, — предложил варвар, потягиваясь.

— Хорошо, — откликнулась Альвенель. — Только подвинься ко мне поближе. От тебя так и пышет жаром, словно от печки. Раз ты — мой телохранитель, так и охраняй меня, хотя бы от простуды.

Ей не пришлось просить дважды.

— Раз ты знаешь о летающих скамейках, можно тебе и не говорить, что граф был большим оригиналом при жизни, — заговорила она, устраивая голову на широкой груди Конана. — Однако же самую за-

бавную свою выходку он приберег, что называется, под занавес. «Я оставил после себя некоторое количества потомков, и ни одного законного, — написал он в своем завещании. — Однако в течение ближайших десяти зим любой человек в возрасте от двадцати семи до сорока вполне может сделаться моим преемником. Для этого ему потребуется прочитать надпись, оставленную в моем замке таинственным существом из сопредельного мира. Надпись эта находится на дубовой обшивке стены в замке графской короны. Истина, которая откроется прочитавшему, сама по себе равнозначна огромному состоянию. А к ней впридачу смекалец получит мой титул и все, что к оному прилагается. Я верю — талант и острота ума передаются по наследству. В свое время мне удалось понять значение этой надписи. Значит, и мой истинный потомок сможет то же самое. Если же повезет какому-нибудь искателю чужих сокровищ — что ж, пусть будет так. Передаю все дальнейшее в мудрые руки Провидения».

Конан фыркнул:

— Вот уж на что не следует полагаться во всем! Верный способ не дожить до старости! Кстати, откуда тебе стало известно завещание старого шутника?

— Стряпчий графа Амрок — старинный приятель моего опекуна, — отвечала Альвенель. — Так что текст завещания я услышала через три луны после кончины графа.

— А почему сразу не попытала счастья?

После недолгой паузы она произнесла:

— Я, как и ты, не доверяю Провидению и предпочитаю действовать наверняка. Мне потребовалось время, чтобы кое-что разузнать.

— Играешь подпленными костями? — прищурился Конан.

Альвенель не видела его лица, но догадалась, что губы варвара искривлены усмешкой.

— А ты никогда так не поступал?

— В том, что касается игры в кости, — нет. Но мне случалось жульничать и даже воровать. Читать нравоучения я тебе не стану.

— То-то же, — молвила Альвенель и осторожно просунула руку под рубашку на груди варвара. Грудь была горячей, бугрилась налитыми мышцами. Пальцами она ощутила биение мощного, здорового сердца.

— Граф воображал, будто бы он первый открыл существование сопредельного мира, — продолжала она. — Но он здорово заблуждался. В глубокой древности некоторые избранные хорошо знали пути в неведомое. Однажды в сопредельный мир ушел целый народ, спасаясь от орд кочевников. И напротив, племя существ оттуда перебралось к нам, в свою очередь спасаясь от преследования, а может — из-за того, что равновесие между мирами не должно нарушаться. Обо всем этом есть упоминания — в учебных книгах, бесстрастные и сухие, в людских преданиях — приукрашенные до неузнаваемости. Истина где-то между. Теперь мне кажется, что я обнаружила ее.

— Понятно, — соглашал Конан. Он не понял почти ничего, но это его не сильно заботило. Главное он ухватил — роскошная куколка нашарила где-то в пыльных книжных хранилищах верный способ обскакать конкурентов и оставить их с носом. Отлично! Большего ему знать не требуется.

Конан приобнял свою спутницу и вдохнул запах ее мокрых волос. Кром победительный! Вот что достойно его внимания. Почувствовав ласки его сильных рук, Альвенель не удивилась. «Пусть! — сказала она себе, поддаваясь их страстному жару. — Пусть! Каждый должен получить то, на что надеется...»

Когда утомленные, оба застыли, переводя дыхание, сон утяжелил их веки. Шум дождя, убаюкивающий, монотонный, заполнил собою весь мир.

Альвенель проснулась, ощущив, как неожиданно напряглось тело варвара.

— Что ты? — спросила она, но он мгновенно зажал ее рот ладонью и прошептал:

— Тихо... Не шевелись...

Плащ, которым она была укрыта, сполз, и обнаженной спиной Альвенель вдруг почувствовала чье-то присутствие — там, в непроглядном и мокром мраке. Ей стало страшно.

Испуганно всхрапывали лошади, и еще слышалось свистящее тяжелое дыхание. Донесся явственый запах гниющих водорослей.

— Осторожно переползи через меня и прижмись к стене, — велел варвар, нашупывая в темноте рукоять меча. Потом он неслышно скользнул к само-

му выходу из маленькой пещеры и замер, глядываясь во что-то.

— Не поверил, если бы не увидел сам! — пробормотал он, и в этот же миг оглушительный, визгливый крик неизвестного чудовища оглушил Альвенель.

Издав ответный боевой вопль, Конан вскочил наружу. Крик повторился, сопровождаемый на этот раз отвратительным звуком, будто стальными крючьями скребли по мокрому камню. Послышались также звуки ударов.

Не утерпев, Альвенель выглянула на дорогу. Там было светлее, чем в пещере, и она без труда разглядела варвара и его противника.

Толстое змеиное тело, свитое в тугую спираль, заканчивалось огромной рыбьей мордой с вытаращенными глазами. По бокам головы топорчились перепончатые крылья, слишком маленькие для такой крупной твари. По спине до кончика хвоста тянулся гребень, массивные плавники, украшенные когтями, скрежетали по камню. Чудовище источало запах моря.

Оно атаковало — выбросив голову с ощеренной пастью навстречу Конану, неожиданно остановило движение и коварным маневром ударило его хвостом сбоку, откуда варвар не подозревал опасности. Удар сбил его с ног. Метнувшись к упавшему, монстр изготоился уже вонзить кривые, острые зубы в поверженного врага. Но варвар только притворился оглушенным. В последнее мгновение он вскочил и вонзил меч прямо в оскаленный хищный

рыбий рот. Пасть захлопнулась с лязгом, а из ноздрей чудовища хлынула черная холодная кровь.

Альвенель подбежала к Конану, который переводил дыхание. Несмотря на свою победу, он выглядел озадаченно.

— Ты спас нас обоих! — сказала она. — Я вижу, что не ошиблась в выборе спутника.

— Конечно, ты не ошиблась, — произнес Конан. — И я понимаю, что другого такого, как я, ты не нашла бы никогда. Несколько другое — ты знаешь, как называется это пугало? Это герпедонт. Он живет в море. Понимаешь, в море. В горах ему нечего делать. Сам бы он ни за что не забрался бы сюда. Без соленой воды герпедонт протянет не больше одного дня. Как он сюда попал? Ты не знаешь?

Альвенель ничего не ответила. Она, как зачарованная, смотрела на змеевидное чудище, чей хвост бился в последней судороге.

— Что-то подсказывает мне, что неожиданностей будет еще много, — заключил варвар. — Хорошо, что лошади с перепугу не бросились в пропасть. Идем, до рассвета есть время. Нужно отдохнуть.

Расположив свое тело на одеялах, Конан скоро уснул, словно ничего существенного не произошло. Альвенель слушала его храп с завистью. Сон оставил ее. Шорох дождевых капель больше не убаюкивал. От мертвого герпедонта воняло тухлой рыбой.

— Ты прав, — проговорила она шепотом. — Неожиданностей будет еще много. По крайней мере, для тебя...

Ченси допил вино, капнув два раза на скатерть, оглядел Фаэрти и Тью, своих кузенов, подмигнул им и произнес:

— Это большое паскудство, что дядя так с нами поступил, не правда ли, друзья?

Они сидели, развалившись на дорогих стульях с высокими резными спинками, за длинным столом, установленным по преимуществу винными кувшинами. Час для усердного винопития был еще ранний — едва только перевалило за полдень. Фаэрти и Тью, к тому же, неважно выглядели после ужина — их вытянутые физиономии украшались всеми оттенками бледности.

Стряпчий Фаррель, старик шестидесяти зим, стоявший перед ними навытяжку, поглядывал на кузенов с осуждением.

— Конечно, вы — родственники покойного графа, но столь отдаленные, что ваше наличие не может отменить его завещания, — кашлянув, проговорил стряпчий. — Как я уже сказывал вам вчера — никто не помешает вам изучить надпись и попытаться разгадать ее.

Кузен Фаэрти весь искривился при звуке его голоса, а Тью мучительно икнул и в замешательстве заглянул в свой бокал. Ченси, старший среди них, пил вчера наравне с обоими, но наутро оказался свеж, бодр и насмешлив.

— Как насчет одной десятой части наследства, старишок? — спросил он у Фаррела, постукивая ногтями по столешнице.

— Простите? — стряпчий поднял брови.

— Уверен, никто не предлагал тебе столько. — Ченси снова подмигнул. — Что делать, все стали жадными, все гребут под себя — нет чтобы поделиться с ближним... Одну десятую часть от общей суммы наследства, включая земли, — и ты сообщаешь нам содержание этих демонских каракуль. Идет?

Стряпчий снисходительно улыбнулся.

— Господа не вполне верно понимают ситуацию, — проговорил он. — Ни я, ни кто другой не знает, что написано на стене!

— Вот так бессмыслица! — Ченси удивленно округлил глаза. — Как же тогда определить, верно ли разгадана надпись? Этак можно с умным видом сказать все, что в голову взбредет, — поди докажи, что написано что-то другое!

— Если надпись будет прочтена верно, немедленно произойдет нечто. И прочитавший первым заметит это, — возразил Фаррел. — Есть еще одно условие, о котором претендентам следует знать. А именно: изучать надпись, производить расчеты и прочее каждый волен, когда и как ему вздумается. Ноглашать результаты своих попыток нужно в присутствии свидетелей, в зале графской короны, не раньше вечерних сумерек и не позже первой ночной стражи.

— Здесь есть ночная стража? — поразился Тью.

— Стражи нет, зато есть колокол. Особый механизм, сконструированный графом, заставляет его звонить через равные промежутки времени. Вы разве не слышали?

— Да... — припомнил Фаэрти, оживляясь. — Действительно... А я думал — что за идиот трезвонит посреди ночи?

— Конечно, ты не знаешь, к чему это условие? — прищурился Ченси.

Фаррел важно кивнул.

— Мне это неведомо. Должен сказать, что стряпчему и не обязательно интересоваться причудами своих клиентов. Моя должность предусматривает только скрупулезное их выполнение.

— Очень удобно, — хмыкнул Ченси.

— Но не слишком умно, — встрял Тью. — Защищать интересы дурака, к тому же еще и мертвого!

— Если повезет вам, то я с тем же тщанием буду защищать и ваши интересы, — сказал стряпчий. — Вы вряд ли обратитесь к другому. Не забывайте, я служу этому дому уже много зим. Мне знакомы обстоятельства многих дел, в том числе и финансовых. Два поколения владетелей графства вполне были довольны моими услугами. Будет довольно и третью. А теперь я оставлю вас — мне нужно переговорить с другими претендентами.

И Фаррел вышел из столовой.

— Какой же ты, братец, осел, — сказал Ченси, адресуясь к Тью. — Нужно тебе было грубить старику? Нам необходимы союзники!

Тот поморщился и отвечал:

— Если ты такой канальский дипломат, дорогой кузен, то почему тебя с позором выставили с должности посланника?

— Потому что мне даром не нужна эта должность! — отрезал Ченси. — Я люблю, когда у меня много свободного времени.

— А может, потому, что ты на пиру попал персиком в глаз ванахеймскому гонцу? Умничаешь много, дорогой кузен.

— Да, попал. С десяти шагов. А ты и с трех промахнулся бы. Ты носом в собственный бокал не попадешь, братец!

Кузен Фаэрти, не принимавший участия в перепалке, неожиданно закатил глаза и, медленно поднявшись, бочком устремился прочь. Он неестественно прямо держался, хотя ноги слушались скверно.

— Ты куда? — спросил Тью. Фаэрти в ответ замычал, мотнул головой, как лошадь, и выбежал. Тью икнул и задержал дыхание.

— Что за родственничков послали мне боги! — вздохнул Ченси.

Гаспар и Тьянъ-по пили травяной отвар в библиотеке. Они поглядывали друг на друга иронически и держались оба с преувеличенной вежливостью, какая заменяет обычно хамство в ученых кругах.

— Все же сомнительно, чтобы ты, любезный Тьянъ-по, мог быть наследником графа, — говорил Гаспар. — Судя по своему портрету, граф являлся явным представителем северной расы. Строение черепа указывает на ярковыраженное бритунское происхождение, а разрез глаз исключает возможность присутствия юго-восточной крови.

— Я подошел к данной проблеме с точки зрения языкоznания, — учтиво перебил его кхитаец. — В завещании сказано: «Любой». Сколько значений в бритунском диалекте имеет слово «любой»? Нет среди этих значений, например, такого: «любой, кроме бедного китайского каллиграфа Тьянъ-по»? Сдается мне, что такого значения нет.

— Не обижайся, дружище, — лицемерно улыбнулся Гаспар. — Я просто дурно спал, вот мне и не здоровится. Проклятые молокососы, прибывшие ночью, страшно шумели.

— Мудрец должен быть снисходительным к шалостям юности, — сказал кхитаец. — Ибо истинному мудрецу известна природа этих шалостей. Пусть молодежь развлекается. Чем больше они выпьют, тем меньшие способны будут составить нам соперничество.

— О чём ты говоришь? — Гаспар даже поперхнулся отваром. — Какую конкуренцию? Эти олухи, я уверен, на родном-то языке читают с трудом. Типичные современные аристократы-вырожденцы, ослабленные внутриродовыми браками и фамильным алкоголизмом. Они способны только на глупую спесь и на бесчинства всякого рода. Даже когда их кошельки пусты, они держатся так, словно весь мир принадлежит им. Посмотрите только на эти склоненные лбы, на эти глубоко посаженные глаза, на лошадиные челюсти!

— Однако женщины, особенно — молодые находят в них определенную прелесть, — заметил Тьянъ-по. — Не так ли? Довольно часто они предпо-

читают именно таких вот спесивых юнцов мудрым и степенным мужчинам. Это загадка природы.

Гаспар покраснел. Это был полный, очень солидной внешности мужчина, старательно ухаживавший за своей окладистой бородой и обширной лысиной на макушке. Лысина отражала блеск свечей, горевших несмотря на дневное время, а борода, завитая кольцами, лоснилась и переливалась. Мантия, сшитая из добротного сукна и подбитая мехом енота, сидела на нем очень хорошо. В довершение образа Гаспар носил на шее тяжелую серебряную цепь с символикой своего университета. Он очень ее любил и начищал каждое утро бархатной тряпочкой.

Тьянъ-по, напротив, выглядел вовсе не солидно — его сухопарая фигура напоминала кхитайский иероглиф. Одежда из хлопковой ткани не отличалась изяществом, а бородка росла чахлая и не производила хорошего впечатления. Тьянъ-по совсем не походил на ученого, а смахивал, скорее, на бродячего фокусника из не очень искусственных. Только живой и умный взгляд делал этого человека приемлемым в обществе образованных людей, где, как и везде в подлунном мире, прежде всего смотрят на внешность.

Встретились они несколько дней назад на большаке и остаток пути совершили вместе. Уважая друг в друге достойных соперников, ученые мужи сблизились и подолгу общались на разные темы — все равно в дороге больше нечем заняться.

Конечно, они редко соглашались между собой — слишком различными были у них взгляды. Гаспар,

занимавшийся различными отклонениями в человеческой природе, любую беседу сводил к процессу вырождения, весьма волновавшему его воображение. Еще он очень нападал на смешанные браки, уверяя, что боги, создавшие людские расы, не одобрят нарушения их замысла.

Тьянъ-по, в свою очередь, был склонен к обобщениям в отвлеченном, философском духе и обожал рассказывать притчи. Вот и теперь, посмотрев на Гаспара из-под пушистых, седоватых бровей, кхитаец поведал историю о черепахе, которая бранила зайца за его излишнюю торопливость, и о змее, упрекавшей аиста за то, что он летает и вьет гнезда на высоких крышах. Гаспар покраснел еще больше. Ему очень хотелось тоже рассказать какую-нибудь басню, уместную в данном случае, но на ум ничего не приходило.

Но тут появился стряпчий и поведал им то, что уже стало известно трем непутевым кузенам. Ученые мужчи выслушали и призадумались.

— А что произойдет, если пренебречь указанием о времени? — поинтересовался осторожный Гаспар.

Фаррел пожал плечами.

— Ничего хорошего, — сказал он. — Три зимы назад некий жрец из Аквилонии поступил весьма неосторожно. Он заперся в зале графской короны и провел там около трех дней. Слуги оставляли ему еду у дверей и слышали, как он бродил и бормотал себе под нос. Он не выходил даже по надобности, осмелиюсь заметить. Очень упорный был человек.

— Был? — переспросил Гаспар.

— Увы. Однажды завтрак остался нетронутым, обед — тоже. Никаких звуков из залы не доносилось. На следующий день, обеспокоенный, я велел взломать дверь. От жреца остались одни только уши. Они лежали на полу возле стены, вырванные, что называется, с мясом. Подозреваю, что ему удалось прочесть надпись... невовремя.

— У одной женщины был злой муж и знатный любовник, — начал Тьянь-по скрипучим голосом. — Однажды муж решил узнать, кто ходит к его жене. Он притворился, что уехал в город, а сам, выждав несколько цу, вернулся и застал супругу в объятиях вельможи. «Глупый человек! — сказал вельможа. — И уходить, и приходить нужно своевременно!»

— Очень интересно, — сказал Фаррел. — Кстати, должен напомнить. У соискателей наследства, а значит — и у вас, осталось только пять дней. Сегодня вечером мы начнем.

Джокс следил, как кухарка режет лук. Слезы текли у нее ручьем, она почти ничего не видела, и оставалось непонятным — почему она до сих пор не отхватила себе палец.

Слуги низшего разряда давно уже привыкли, что молчаливый мажордом, возникая из темного коридора, словно призрак, часами наблюдает за их работой. Это сделалось в порядке вещей. Постоянное присутствие Джокса стало как бы непременным условием жизни. Если по какой-то причине его не бы-

ло при чистке серебра или вытряхивании ковров, все шло наперекосяк. Грателло, формально имевший больше привилегий, — и тот не решался начинать что-либо без благословения Джокса.

Кухарка шептала себе под нос — жаловалась на злой лук, тупой нож и отвратительную погоду, от которой ноют ее старые кости. Джокс слушал все это молча. Мыслями он был где-то совсем в другом месте. Несколько зим назад та же самая кухарка, имевшая на мажордома известные виды, пыталась его разговорить, но тщетно. Обозлившись, она какое-то время бранила его вполголоса совершенно непотребными словами, а он и на это не обратил внимания — стоял у двери, сложив руки на груди, и смотрел оловянными глазами.

— Высокомерный очень, — говорил про него конюх. — Важничает, что твой нобиль, только потому, что каждый день ходит в нарядном камзоле, а мы — лишь по праздникам. Да и когда здесь были праздники? Я и не упомню. Вот при графе, хвала богам, мы веселились...

Шут, существо бесполезное, но не вредное, пользовался куда большей популярности. Женщину он умел ущипнуть особым образом, после чего она целый день ходила веселая, да и с мужчинами не чинился, выпивал с ними очень охотно. В прошлом он был барабанщиком при своре каких-то наемников. В пьяной драке ему обезобразили лицо, и оно стало похоже на дурно вылепленную маску — одно ухо выше другого, нос, переломанный в трех местах,

доставал до подбородка, а нижняя челюсть с левой стороны выпирала так, будто шут держал за щекой половину вареного цыпленка.

Пока внизу, в поселке у большака, кипела жизнь, шут частенько наведывался туда и числился хорошим клиентом Уинтера. Несколько пригожих девиц, бесчинно затяжелев, говорили на него, но добродушные арендаторы им не верили — кто же прельстится такой рожей? Вероятно, они все-таки ошибались, хотя — какая разница?

В последние дни шут Баркатрас был несколько уныл — предчувствия тяготили его. Он сидел на сыром чердаке и возился там со всяким хламом, читая старым совам бесконечные монологи из классических трагедий. Оживился шут только когда узнал, что в замке остановились пятеро гостей. Потихоньку присматриваясь к ним, он решил: скоро будет случай позабавиться. Предчувствие беды не исчезло совсем — только притупилось, но это только раззадорило его.

— В нашем замке все помешаны, даже те, кто здесь впервые, — рассуждал он.

К тому же Баркатрас был человеком не без расчета. Очень может статься, среди гостей находится сейчас будущий граф Амрок. Нужно понравиться ему, удачно разыграв его конкурентов. Но как бедный шут определит наследника? Баркатрас слонялся по галерее и изобретал. Жаль, что никто не видел, какие уморительные гримасы он при этом выделявал!

До обеда оставалось совсем немного, когда Грателло с озабоченным лицом появился на кухне.

— Еще двое прибыли, — сообщил он Джоксу.

Мажордом неожиданно отверз уста и проговорил:

— Несет и несет нелегкая, словно замок превращен в постоянный двор!

От неожиданности кухарка подскочила, уронила шумовку и, не веря своим ушам, уставилась на мажордома с благоговейным ужасом.

— Кто они? — осведомился Джокс.

— Мужчина и женщина, — отвечал лакей. — Без посторонних ведут себя как любовники. Мужчина — варвар из Киммерии, силач и хвастун. Женщина походит на леди-горожанку.

— Значит, обед подавать на семерых, — распорядился Джокс.

Конан и Альвенель проделали остаток пути без приключений. Дорога увела их прямо в тучу, которая расползлась в воздухе, превратилась в свинцового цвета туман, сочавшийся дождем.

К воротам замка вел каменный мост через узкое, но глубокое ущелье. Опоры моста, замысловатой конструкции сооружения, словно врастали в скалы.

— Им сотни и сотни зим, — заметил варвар. — Так давно уже не строят. Секрет утерян.

— Это любопытно, — откликнулась его спутница. — Но, если ты не возражаешь, давай все-таки войдем в замок. На мне нет сухой нитки.

Когда они проезжали по мосту, колокол на башне звякнул два раза, коротко и тускло, и звук его, тоскливо-пронзительный, отразился от скал.

— Прямо мороз по коже, — сказал Конан, прислушиваясь.

Альвенель молчаливо согласилась с ним.

Грателло встретил их за воротами. Варвару никогда не нравились люди такого типа — скользкие, бесцветные, обладающие умением косить глазами в любом направлении, лишь бы только не встречаться взглядами с собеседником. Лакей был худ, сутул и длиннорук, однако с полным лицом, двумя подбородками и мясистым, круглым носом, которым он беспрестанно шмыгал, будто вынюхивал что-то.

— Нам нужна одна комната на двоих, — распорядилась Альвенель. — Однако с просторной кроватью. Разожги камин, чтобы можно было обсохнуть и согреться. И принеси сухих полотенец.

— И кувшин красного вина, — добавил Конан, — с хорошим куском жареного мяса.

— Скоро обед, — растерянно произнес Грателло. Он не ожидал такой прыти. Троє кузенов, явившихся вчерашней ночью, тоже распоряжались и требовали, но делали это бестолково. А эти точно знают, чего хотят, и держатся слишком уж уверенно.

Думая об этом, он пошел предупредить мажордома. Конюх принял лошадей. Свою отсыревшую поклажу новоприбывшие бросили прямо в холле. Явился мажордом — седой, как лунь, воплощение чопорности и скуки. Его кадык торчал, как зоб болотной

цапли, а из носа росли пучки черных курчавых волос.

— Ты — Джокс? — спросил у него Конан. — Я наслышан о тебе. Не вздумай предложить мне прокатиться на кочерге!

Джокс сухо улыбнулся и поклонился.

— Следующий удар колокола предваряет начало обеда, — объявил он. — Стол накроют в зале графской короны, там, где надпись. Это на третьем этаже. Ваша комната — на втором. Позвольте отнести ваши вещи.

— По крайней мере, здесь нет сквозняков, — сказала Альвенель, осмотрев комнату. Окно выходило на однообразный, в сером тумане, скальный пейзаж.

— У меня такое чувство, — произнесла она, глядя в окно и улыбаясь, — что это я уже видела. У тебя не бывает так?

— Бывает, — отвечал киммериец. — Как по-твоему, скоро зазвонит колокол?

Туман за окном медленно пришел в движение, и сразу же завыло и забормотало в каминной трубе.

— Не хватало еще и бури, — пробормотала Альвенель про себя.

Они едва успели высушить одежду, когда, на радость варвару, раздался призыв колоколу. На этот раз он звучал куда менее тоскливо.

За длинным обеденным столом все, кроме стряпчего, постарались усесться так, чтобы видеть надпись перед глазами. Бедовые кузены несколько при-

шли в себя и сидели, высоко вздернув подбородки. Их камзолы отличались друг от друга только расцветкой, волосы тоже были уложены одинаковым способом, очень модным в городах, — коротко остриженные спереди торчали ежовыми иглами и длинные на затылки — курчавились, завитые щипцами. Законодателем моды у них явно был Ченси. Фаэрти и Тью, незаметно подглядывая, копировали его жесты и развязно-звинченные движения.

Ученые мужи сидели чинно. Впрочем, Тьянъ-по все время улыбался с лукавым видом. Гаспар созерцал надпись и бормотал себе под нос — это была привычка, выработанная в университете. Когда он, бормоча таким образом, прохаживался по аллее, никто не смел отвлекать его от «размышлений».

На почетное место уселся Баркатрас, разодетый в лучшее свое шутовское платье и рогатую шапочку, обшитую бубенчиками. Время от времени он встряхивал головой, и по зале разносился нежный, хрустальный перезвон.

Альвенель дважды улыбнулась ему на это, и шут преувеличенно заважничал. Сложив хитрым образом полотняную жесткую салфетку, Баркатрас изоготовил из нее подобие бумажной игрушки в виде куропатки, уложил ее на пустое блюдо перед собой и принялся терзать салфетку ножом.

Конану очень хотелось есть. Выходку шута он принял на свой счет и ухмыльнулся. Чинная обстановка угнетала его. Наконец подали первое блюдо. Это был бульон. От разочарования киммериец едва

не замычал. К счастью, сразу за бульоном принесли сыр. Варвар отхватил себе почти половину сырной головы, распластал ее неудобным серебряным ножом и поглотил в считанные мгновения. Ему совершенно было безразлично, как поглядят на это остальные. Впрочем, когда подали наконец жаркое, все вздохнули с облегчением. Волнения способствуют хорошему аппетиту, а им было из-за чего волноваться.

— Не просто будет нам разгадать ребус графа, — заметил Гаспар сытым голосом. — Как вы полагаете, Фаррел?

Стряпчий вежливо пожал плечами.

— Уважаемый судейский чиновник останется поверенным хозяина замка, даже если им станет герцог? — спросил Тьянъ-по.

Фаррел глубоким кивком подтвердил его слова.

— Мудрым человеком был граф, — сказал хитачец. — И мудрость эта — государственного уровня. Четыреста зим назад великий Хон Пу Си сказал: «Хочешь, чтобы твой исполнитель был честен, — сделай так, чтобы он ничего не терял от своей честности».

— Разве так бывает? — усомнилась Альвенель.

— Как все мы видим — бывает, — улыбнулся Тьянъ-по.

— Граф действительно был умен, — глубокомысленно заявил Гаспар. — Я вижу в этой надписи комбинации из письменных значков по меньшей мере восьми языковых групп... Древние, так называемые «ледяные» руны соседствуют с «коралловыми» завит-

ками» островитян и «кубическим» шрифтом северо-востока. Очень любопытно...

— Мы так и не поняли, как эта мазня попала на стену! — высказался Конан. — Что за существо ее оставило?

— Да! — рявкнул Фаэрти. — Пусть нам расскажут!

Тью тоже хотел высказаться по этому поводу, махнул рукой, перевернулся соусник и сконфузился.

— Мы можем позвать очевидца, слугу Грателло, — предложил стряпчий. — И расспросить его.

— Слушать за обедом слугу? — Ченси скривил рот. — Что ж, это в духе всего остального. Зовите его!

— Ты даже не поинтересовался, хотят ли этого остальные, — брезгливо проговорил Гаспар.

— А что, разве не хотят? Вот, к примеру, единственная дама среди нас. Разве она будет возражать? — Ченси посмотрел на Альвенель и изысканно сложил губы, словно смаковал пирожное.

— Я бы охотно послушала. — Альвенель решила ему подыграть. Ее происходящее сильно забавляло.

Гаспар надулся и сердито заглянул в свой кубок. Фаррел позвонил в колокольчик. Во время всей этой сцены Конан не издал ни звука, только рассматривал всех ее участников, бросая на них короткие взгляды. Ему казалось, что он наблюдает за интересным поединком на длинных мечах, в которых несколько противников сражаются все против всех. Между людьми, вроде бы мирно соседствующими за столом, происходило напряженное выяснение отношений, внешне не очевидное, но острое и жесткое.

Грателло сделал вид, что не сразу понял, чего от него хотят, хотя с его стороны было глупо так старательно извиняться за свою несообразительность. Что-то фальшивое дребежжало в этом человеке, одетом в камзол слуги с гербом на груди. Мельком заметив усмешку Тьянь-по, варвар догадался, что хитрец тоже так считает.

— Хватит ныть, Грателло! — прикрикнул шут. — Господам хочется послушать самого косноязычного рассказчика в Бритунии, а ты изображаешь вовсе немого. Валяй, начинай!

Слуга подождал, пока затихнут наконец колокольчики на шутовской шапочке, и произнес:

— История эта поучительна и печальна...

— Скверное начало! — фыркнул Тью. — Мы не хотим, чтобы нас поучали и печалили.

Ченси толкнул его локтем в бок, а Баркатрас поклонился Тью со словами:

— Нехорошо отбирать хлеб у глупца!

Грателло продолжил:

— Его милость, как вам известно, вел жизнь уединенную, и соседи часто судачили о его воздержанности по части прекрасного пола. Он так никогда и не женился, ни за кем не ухаживал и не интересовался дамами. Одни объясняли это благочестивым образом жизни, в которой нет места слабостям. Другие приписывали его милости пороки гораздо более постыдные. И те, и другие ошибались. Им было неведомо, что наш господин хранил в своем сердце подлинное чувство к прекрасной особе.

— Кем же была эта особа? — поинтересовался Гаспар, неприятно выделив голосом слово «особа», и оно зазвучало почти как «шлюха». Альвенель при этом нахмурилась.

— Она была знатной женщиной, но ее имени и титула не нашлось бы ни в одном гербовнике Британии, — проговорил Грателло. — Она жила в сопредельном мире.

В ту ночь, когда она впервые появилась в замке, гремела гроза. Я спал у себя в комнате, на людской половине, когда в главную башню ударила молния. Грохот был очень сильный, и я проснулся. Казалось, замок заходил ходуном и сейчас рассыплется на камни. Воздух гудел. Когда я прикоснулся к своему камзолу, чтобы надеть его, он вдруг затрещал, уколол мои пальцы и прилип к ним.

— Так бывает во время сильных гроз, — подтвердил кхитаец.

— В мои обязанности входит следить за механизмом, который отмеряет время в замке. Из-за гроз механизм этот иногда останавливается. Я засветил свечу и направился к винтовой лестнице, чтобы по ней взобраться на верхнюю галерею, а уже оттуда пройти в башню.

Когда я проходил мимо графских покоев, мне послышался голос его милости — он говорил с кем-то взволнованно, как мне показалось, и испуганно. Я подумал: а вдруг в замок проникли грабители и захватили его милость врасплох? Оказавшись у его дверей, я приложил ухо к замочной скважине и сра-

зу понял, что ошибся. Граф Амрок разговаривал с женщиной. И не он был испуган, а она, причем его милость старался утешить ее и произносил всякие ласковые слова. Голос женщины был мне совершенно не знаком, да и разобрать, что она отвечала графу, я тоже не смог.

В подобных делах господину не нужна помощь слуги, даже самого преданного, и я со спокойной душой проследовал дальше. Механизм, как я и предполагал, не работал. Мне пришлось провозиться с ним довольно долго. Когда же он наконец наладился и я брел обратно, предвкушая сон в теплой постели, навстречу мне появился его милость. Он был в приподнятом настроении и говорил со мной приветливо. Я осмелился спросить, не нужно ли чего его гостье?

— Какой гостье, дурак? — рассердился он.

— Прошу прощения, господин. Верно, я задремал, и мне приснилось, — отвечал я.

— Смотри у меня, сновидец! — Он пригрозил мне кулаком, и я поскорее убрался восвояси, решив держать язык за зубами.

Спустя несколько недель как-то поутру кухарка обнаружила пропажу сладких булочек, приготовленных на завтрак. Все подумали на Баркатраса, дурака его милости, но он заявлял, что в краже невиновен.

— И сейчас заявляю! — кивнул шут так важно, что Альвенель снова не удержалась от улыбки.

— Две булочки по особому рецепту, которые испекались только для его милости ежедневно, — про-

должил слуга. — Украсть их — большая дерзость! Мы, слуги, пребывали в растерянности и страхе. Граф мог разгневаться! Из остатков теста, кое-как, кухарка состряпала что-то похожее на сдобу, а его милость все не выходил к завтраку и не требовал воды для умывания. Я не выдержал и постучался к нему.

— Что тебе нужно, болван? — спросил он из-за двери. — Я тебя не звал. Оденусь сам и выйду позже.

В этот раз я опять рассыпал женский голос. Если бы его милость обнаружил, что я подслушиваю, не сносить мне головы! Однако риск вполне оправданный. Образцовый слуга должен знать о своем хозяине больше, чем тот знает сам.

Только после полудня граф вышел из опочивальни.

— Ваши булочки на этот раз не вполне удачны, — сказал ему я.

— При чем тут булочки! — весело и удивленно воскликнул его милость. — Что ты понимаешь, тушица!

Было видно, что ему очень хорошо. Он даже подарил мне серебряную монету.

Пусть простит меня леди за такую подробность, но спальня, особенно — кровать его милости — хранила немало свидетельств тому, что граф проводил время не один. Во-первых, блюдо со злосчастными украденными булочками стояло на прикроватном столике, рядом с кувшином из-под вина. Одна булочка была недоедена и сохранила на себе следы маленьких, аккуратных зубов.

— Кром великий! — не выдержал Конан. — Хватит о булочках!

— Во-вторых, на подушке мною был найден женский волос — длинный, золотистого цвета. В-третьих...

— Достаточно! — перебил слугу Ченси. — Мы верим тебе. Была женщина. Не стоит перетряхивать при всех дядиной постели!

— Я никогда бы не решился рассказывать об этом, — дрогнувшим голосом сказал Грателло. — Если бы это не имело значения в настоящий момент! Замку нужен хозяин, а мой рассказ, возможно, поможет разгадать тайну надписи.

— А возможно, и нет, — спокойно произнесла Альвенель. — Говори дальше.

Выдержав приличную паузу, слуга возобновил рассказ. Конана не оставляла мысль о том, что Грателло только изображает обиду, так же, как недавно изображал непонятливость. Кроме того, было очевидно, что он получает большое удовольствие от рассказа.

— Прошла еще луна. Настала пора снегов. Вершины гор занесло, и даже дорога, вырубленная в скале, была малопригодна для подъема и спуска. Живущих в замке это мало беспокоило — припасов в леднике было достаточно даже для самой долгой зимы, в дровах и угле мы тоже не испытывали нужды. К тому же, если бы его милости вздумалось развеяться, он воспользовался бы одним из своих изобретений, способных переносить его по воздуху. Но граф не покидал замка. Вставать он начал поздно,

вечера проводил в своей мастерской или в библиотеке. А по ночам довольно часто общался с таинственной незнакомкой, которая — я готов был поклясться, замка не покидала и обычным путем в него не проникала. Я сделал единственный возможный для меня вывод: она просто прячется в одной из потайных комнат. Их в замке множество.

За несколько дней до зимнего солнцеворота, по времени — ближе к полудню, ко мне явился наш конюх.

— Хорошо бы тебе взглянуть на эти следы! — сказал он. — Я никогда такого не видел.

Со внешней стороны крепостной стены, у самого моста действительно были следы, оставленные на снегу... Я решил, что это проделки шута, который от безделья из дурака сделался недоумком. Видели ли вы, господа, когда-нибудь следы курицы?

— Что за чушь? — удивился Тью.

— Ты увидел на снегу следы курицы? — расхохотался Фаэрти.

— Да, господин. Следы курицы величиной с хороший сельский дом. Они были глубокими, что не удивительно при таких размерах.

— Гм... А откуда вели эти следы и где они заканчивались? — спросил кхитаец, прищурившись.

— Начинались они сразу перед мостом со стороны ворот, но на самом мосту их не было и за мостом — тоже. Казалось, что исполинская курица спорхнула с неба. Кто бы ни был это... оно обошло замок дважды и исчезло у края пропасти.

Я взял на себя смелость доложить об этом его милости.

— Это удивительно, — сказал он рассеянным голосом. — Удивительно.

— Ваша милость не желает взглянуть? — спросил я.

— Не теперь... после... — проговорил граф, и кое-что новое вдруг увидел я в лице своего господина. Не страх, не волнение перед неизвестным — то была тоска, глубокая внутренняя боль.

— Может, вашим слугам лучше устроить засаду на это чудище? — предложил я. — Тогда мы смогли бы понять хотя бы, с чем имеем дело.

— Не думаю, — отвечал он. — Понять это вам не удастся.

На свой страх и риск две ночи кряду я, конюх и мажордом Джокс дежурили на крепостных стенах в надежде подкараулить чудовище. Но оно не появлялось. Не было его и на третью ночь, когда мы бросили нашу вахту — уж сильно холодно было на стенах! А следующей ночью произошло нечто неслыханное. Грохот и ужасный вой разбудили меня и прочих слуг в замке. Доносились эти звуки со стороны ворот. Мигом мы вооружились и, прихватив пылающие факелы, бросились на стену. То, что мы увидели оттуда, испугало даже безмозглого шута!

— Воистину так, — вставил Баркэтрас.

— Чудовище, огромное, на птичьих лапах, с длинным хвостом, усеянным роговыми шипами, стояло у ворот. Зверь был покрыт крупной зеленоватой чешуей, голова его напоминала голову жабы, если

бы у жаб бывали клыки. Из ноздрей валил пар, глаза горели злобой. Конюх закричал, как ребенок, и повалился без чувств.

Чудовище пыталось ударами своего хвоста высадить ворота, и они уже начали поддаваться. Хочу заметить, ворота эти не сломать самым крепким тараном! Как ни велика была ярость этого зверя, не она им управляла, о, нет. На спине его, в особом седле сидел человек — очень большого роста, повыше господина из Киммерии. С головы до ног всадник был закован в молочно-белые доспехи. На плече его висел щит с изображением падающей звезды, а в руках он держал боевое рыцарское копье.

Всадник, приподнимаясь, на стременах, кричал злые слова, а наш господин — он стоял прямо над воротами, на смотровой площадке, — отвечал ему.

— Ты не уйдешь от моего гнева, вероломный похититель чужих невест! — раздавался громовой голос неизвестного рыцаря.

— Откуда ты знаешь язык этих мест? — насмехался его милость. — Выучил, пока шлялся по пустошам?

— Я научился твоему языку, чтобы ты понял смысл проклятий, которые я обрушу на твою голову! — отвечал пришелец. — Принимай мой вызов, иначе я похороню тебя под обломками твоих стен!

— Убирайся восвояси! — воскликнул граф Амрок. — Ты сам виноват в том, что случилось. Она больше не принадлежит тебе.

— Трус! Ночной вор!

— Глупец! Проваливай, пока цел!

Мы не стали мешкать и принялись обстреливать чудовище и всадника из луков и арбалетов. Стрелы не причиняли вреда обоям, отскакивая, как от камня. Но зверь хотя бы перестал ломать ворота. Он рычал и выл, размахивая передними лапами, — несообразно маленькими для такой большой тушки.

Его милость жестом подозвал меня к себе. От моего факела от поджег фитиль, торчавший из небольшого тугого набитого мешочка.

— Получай! — вскричал он и метнул мешочек под ноги чудовищу. Раздался взрыв, и зверь, испугавшись, метнулся прочь. Его вой, потрясающий стены, донесся издали и вдруг стих.

— Может, он упал в пропасть? — предположил я.

Его милость с сожалением покачал головой. Он был бледен, и руки его тряслись, хоть он и держался с великим достоинством.

— Он еще вернется, — сказал граф. — Но, надеюсь, не сегодня. А сейчас отправимся в тепло и отпразднуем нашу победу.

Его светлость весь переполнялся лихорадочным возбуждением. В холле он приказал Джоксу, чтобы тот немедленно подал лучшего вина на всех.

— Граф не пьет со слугами, но полководец может выпить со своими солдатами! — заявил он.

Мы были в смущении и растерянности. Еще бы — пробуждение посреди ночи, встреча с чудовищем, а теперь еще и пир! Кроме того, мы постепенно осознали, что оказались в осажденном положе-

нии. Одно дело, когда стихия не пускает вас из дома, совсем другое — когда чья-то неведомая агрессивная мощь пытается ворваться извне. Должно быть, уныние при этих мыслях отразилось на моем лице.

— Не хмурься, старина! — воскликнул хозяин. — У меня еще много чудесного порошка, произведенного по старому кхитайскому рецепту. Его действие ты только что видел. Он отпугнет от замка любую нечисть!

— Да, это замечательный порошок, — молвил Тьян-по. — У меня на родине его используют для праздничных огней, фейерверков. Очень красиво!

— Интересно, — полюбопытствовал Ченси, — а в военных целях его можно применять? Должно быть, порошок обладает большой разрушительной силой.

— Весьма большой! — подтвердил кхитаец. — Однажды, во время праздника риса, целое селенье взлетело на воздух из-за неосторожного обращения с порошком. Хорошо, что его не используют в сражениях.

— Согласен, — буркнул варвар. — В битве главное — не победа любой ценой, а доблесть. Однако граф молодчина. Может, он и испугался чудища, но сообразил взорвать свою детскую хлопушку!

— Не думаю, господин, что граф боялся чудовища; — мягко возразил Грателло. — Скорее, его мильость испытывал чувство неловкости перед его хозяином...

— Что ты болтаешь? — ухмыльнулся Ченси. — Мы уже смекнули, что дядя увел женщину из-под

носа какого-то чудака, разъезжавшего на драконе или гиппопотаме. При чем тут неловкость? Обычное дело.

Фаэрти и Тью расхохотались, покачнувшись на стульях.

— Если господа все время будут перебивать и без того медлительного рассказчика, — вставил шут, — то мы все, исключая даму, обзаведемся седыми бородами до полу, пока он закончит.

Грателло стоял, подобный неудачно сработанной статуе. Зимы, проведенные без хозяина, сказывались: былая выдержка начинала изменять ему. Он испугался, что случайно выдаст присутствующим то, что на самом деле о них думает. Чтобы этого не произошло, лакей торопливо подбежал к столу, распечатал два полных кувшина с вином и наполнил кубки гостей.

— Рассказывай дальше, — велел Тью, взмахнув полуобъединенной индюшачьей ногой, причем брызги жира пролетели в опасной близости от лица стряпчего.

Тот и бровью не повел.

— Мы вошли в залу. Вот в эту самую залу, — продолжал Грателло, вернувшись на место. — И в объятия его милости кинулась прелестная молодая леди. Я видел ее в неровном свете нескольких свечей — их было слишком мало, и тут царил полу-мрак. Но и он не мог скрыть красоты незнакомки. Ее полуопрзрачные одежды переливались — они тоже источали свет, призрачный и чарующий, похо-

жий на мерцание светлячка. Она быстро говорила на неведомом мне языке и покрывала лицо его милости поцелуями.

— Можете идти, — сказал граф нам, — пейте за мое здоровье.

И лично затворил двери за нами.

До утра никто из нас не сомкнул глаз. Все гадали — откуда взялась в замке эта женщина?

С того дня она перестала таиться. Ее часто можно было видеть рядом с его милостью. Понемногу она освоила бритунское наречие и распоряжалась нами, как госпожа. Нам оставалось только принять все как есть.

Долго ревнивый рыцарь, хозяин чудовища, не беспокоил нас. Но мы помнили о его угрозах. Починили ворота, установили на стенах котлы со смолою и навалили туда тяжелых камней. Каждую ночь один из нас дежурил, готовый поднять тревогу в случае нападения.

Но беда выбрала другой путь в замок Амрок.

Я прислуживал хозяину и загадочной госпоже за ужином. Ничто не предвещало несчастья, напротив — его милость был доброжелателен, и дама его сердца весело переговаривалась с ним. Но внезапно все горевшие свечи погасли, и зала погрузилась в темноту. Женщина вскрикнула от неожиданности, граф привстал, и тут в стене осветился прямоугольник, словно распахнулась дверь, которой там на самом деле никогда не было. В светящемся проеме стоял уже виденный мною великан в латах, а за

ним — десяток отвратительных человекоподобных существ, полуоголых, поросших шерстью. Они сжимали в своих лапах кривые сабли и щерились в зверских гримасах. Латник отдал им короткий приказ, и дикари окружили господина. Один из них приложил острую кромку сабли к его горлу, готовый отрезать голову его милости. Великан закричал на чужом языке — он обращался к женщине. Она поднялась, заломив руки и опустив голову, и направилась в эту, невесть откуда взявшуюся дверь.

— Не ожидал! — сказал латник хозяину. — Пусть это будет тебе уроком. Не буду убивать тебя в твоем же доме. Я не разбойник и не вор, вроде тебя.

— Почему ты называешь меня вором? — хладнокровно спросил его милость. — Я ничего не крал у тебя. Она сама пришла ко мне, потому что ты ей омерзителен.

Великан сжал кулаки, так что латные рукавицы заскрипели.

— Хочешь вывести меня из себя, чтобы я оборвал твою жалкую жизнь? — спросил он.

— Вовсе нет, — отвечал граф. — Я только говорю правду, ничего кроме. Но не лги — ты оставляешь меня в живых только потому, что обещал ей. Если я умру, тебе нечем будет ее запугивать, и она захочет отомстить. Знай, господин Неизвестность, я найду ее во что бы то ни стало, отыщу даже в сопредельном мире. Не будет тебе покоя!

— Ты прав! — загрохотал пришелец. — Я поклялся не убивать тебя. Но не злоупотребляй этим, жал-

кий воришка. Следующая наша встреча закончится по-другому. Я приму меры, чтобы ты не попадался мне на глаза!

Отвратительные слуги великана один за другим вернулись обратно, в светящуюся пустоту. Латник взмахнул рукой, и его не стало. Провал исчез.

Когда свечи вновь зажгли, на том месте, откуда явился грозный великан, снова была стена — ровная, крепкая какой и была прежде. Но теперь на ней пропустили письмена, те самые, которые вы видите.

— Он запечатал вход! — воскликнул его ми-
лость. — Глупец! Дешевой магией он пытается
встать на пути науки!

Граф рассмеялся, но нервное напряжение ока-
зилось сильнее его на этот раз. Он слег в горячке и
два долгих дня не приходил в себя. Поправившись,
его ми-лость заказал через господина Фаррела много
ученых книг, бумажных, пергаментных и даже па-
пирусных из Стигии.

Это стоило больших денег, но хозяин не поску-
пился. Больше зимы он корпел над ними, ставил
опыты, один из которых, в конечном итоге, послу-
жил причиной его безвременной гибели... На этом, с
позволения господ, я умолкаю.

— Все это чистая правда, — подтвердил шут, и в
его голосе не было насмешки. — По крайней мере, я
знаю столько же.

— Господин Неизвестность, — произнес Тьянъ-по
после недолгой паузы. — Любопытное прозвище.
Как жаль, что я не слышал его на языке сопредель-

ного мира... В имени этом и поэзия, и неумолимость
судьбы, и вызов.

— Все это демонщина какая-то, — сказал Чен-
си. — Не понимаю, как подобные истории вообще
могут происходить здесь, в Британии, в стране здра-
вого смысла и простого подхода к жизни!

— Не вполне согласен с этим, — молвил Гас-
пар. — Наши предки оказались подпорчены общени-
ем с пиктами, гэльцами и прочими темными наро-
дами, вся культура которых сводится к разнудан-
ным пляскам и страшным сказкам, лишенным мор-
али. Вот с нами теперь и происходит, как вы выра-
зились, демонщина.

— Разве народные предания лишены морали? —
удивился кхитаец. — Я знаю многие из них и уве-
ряю, морали в них хоть отбавляй.

— О чём они говорят? — неожиданно разозлился
Фаэрти. — При чём здесь мораль? Уж не собираются
ли они читать нам нравоучения? Они мне надоели.
Эй, Тью, Ченси, давайте перебьем их всех, красотку
только оставим, и заживем здесь господами!

— Осел! — коротко отозвался Ченси.

— Крайне неразумно, — сказал стряпчий. — Мое
исчезновение повлечет за собой расследование. Гер-
цог не поощряет убийств судейских чиновников.

— Еще одно слово про леди Альвенель, и я выб-
рошу тебя в окошко, — заявил варвар.

— А я не буду ему препятствовать, — добавил Ченси.

Фаэрти, заклеванный со всех сторон, злобно свер-
кнул глазами.

— Он пошутит! — сказал Тью. — Он всегда так шутит.

— Мы все так и подумали, — заверил его Фаррел. — Однако не угодно ли вам приступить к разгадке надписи? Время настало. Если у кого-нибудь есть соображения на этот счет, пусть он произнесет их вслух.

— У меня нет соображений, — с легким вздохом признался кхитаец. — Но сегодня, слава небесам, не последний вечер. Я подумаю еще.

— А мне так и вовсе не по себе, — задумчиво произнес Гаспар. — Возможно, я догадался. Но вот произнесу я это заклинание, дверь в сопредельный мир откроется, а оттуда на нас набросится какая-нибудь тварь... Мы ведь даже безоружны! Лучше завтрашним вечером, когда мы примем меры предосторожности.

— Вы напрасно опасаетесь, — голос Альвенель прозвучал с легкой насмешкой. — Никто не набросится, и дверь не откроется. Ни о чем вы не могли догадаться и надписи этой не прочтете никогда!

— Откуда такая уверенность? — оскорбленно на-
дился Гаспар. — Это возмутительно! Какая-то авантюристка осмеливается сомневаться в учености ма-
гистра наук, преподавателя, автора трудов...

— Ученые труды не помогут, — сказала Альве-
нель. — Этую надпись нельзя прочесть.

— Почему? — В глазах Ченси вспыхнули огоньки острого интереса.

— В самом деле, почему? — осведомился стряп-

чий и, обернувшись, взглянул на письмена, покры-
вавшие стену.

— Потому что это подделка. Ничего не значащая галиматья. Фальшивка. Надувательство.

Все вскочили и заговорили разом в сильнейшем возбуждении. Тью, который ничего в надписях не понимал и совершенно ими не интересовался, был ужасно рад слушаю погорланить. Он разразился потоком ругани и остановился только тогда, когда Ченси дал ему подзатыльник.

— Смелое заявление, — сказала Фаррел, перекри-
кивая общий шум. Странно, но в его голосе, спокой-
ном и холодном, оказались вдруг такие железные нотки, от которых многим стало не по себе. Гул за-
тих как по волшебству.

— Смелое заявление, — повторил стряпчий. — Не угодно ли госпоже подтвердить чем-либо свою версию?

— Еще как угодно, — Альвенель улыбнулась, и весьма уверенно. Ченси глядел на нее во все гла-
за. — В рассказе слуги я заметила одну неувязку. Судите сами. Граф Амрок, как подобает хозяину, на-
верняка сидел на почетном месте, там, где теперь восседает его шут. Оно удобно еще и тем, что возле него находятся два настенных подсвечника, то есть там светлее. Теперь прикиньте, какое значительное расстояние отделяло графа от открывшейся двери в сопредельный мир. Пока страшные уроды с саблями добрались бы до хозяина замка, он успел бы вско-
чить, принять бой — кстати, на стене рядом висит

меч, настоящее оружие хорошего качества. На худой конец граф убежал бы из залы, входная дверь буквально в двух шагах. «Нет, — сказала я себе, — это подозрительно». Но где же истинная надпись? Где появлялся светящийся портал? Там, за спиной графа. Вот почему он ничего не предпринял. Просто не успел. Пусть слуга снимет этот гобелен, который, кстати, совершенно здесь неуместен. Ну?!

Грателло, белый, как мрамор, стоял неподвижно. Одним ловким движением Ченси вскочил со своего места, подошел к указанному гобелену на стене, схватился за его края и рванул. Пыльная ткань упала к его ногам.

— Поразительно! — воскликнул стряпчий. — Еще одна надпись!

— На этот раз подлинная, — утвердительно произнесла Альвенель.

— Вынужден взять свои слова обратно, — процедил Гаспар. — Вы неглупы, это ясно.

— Любопытное письмо, — произнес Тьян-по. — Больше похоже на орнамент из цветов и выющиеся побегов. В Хореазме находили подобные. Интересна также и манера письма — сильная, твердая рука, штрихи устремлены вверх — так пишут на выдохе...

Конан наблюдал за происходящим очень внимательно. Он не привык разгадывать загадки усилиями ума, но обожал всякие головоломки, требующие решений, действий и хитрости.

— Пусть слуга сознется, почему он скрыл настоящую надпись, — предложил он.

Сидящие за столом посмотрели на Грателло, а тот уставился себе под ноги.

— Милейший, отвечай! — «железным» тоном вел стряпчий и нахмурился. Слуга молчал.

Конан бегло оглядел присутствующих: Шут пропал, отметил он про себя.

— Ты вынуждаешь меня принять меры, — сказал Фаррел. — Последний раз советую тебе...

Тяжелый, долгий грохот, донесшийся снаружи, прервал его. Шум перекрыл голос бури.

— Что это? — испуганно спросил Гаспар.

— Похоже на обвал, — ответил Конан, прислушиваясь. — Большой обвал.

Ченси подошел к окну, отодвинул гардину и выглянула.

— Ничего не разобрать, одна чернота, — молвил он.

— А вдруг это чудовище на куриных лапах штурмует замок? — Гаспар заметно побледнел. Он сильно жалел, что ввязался в это предприятие. Мысль о наследстве перестала возбуждать его.

— Чего гадать? Всего и делов — пойти да посмотреть, — заверещал Тью. — Если пришел этот гад, мы его подзорвем. Дядин порошок-то, небось, остался цел. Лежит где-нибудь в кладовой. А?

Очевидно было, что ему хотелось что-либо «подорвать».

На пороге залы появился Джокс. Он ступал торжественно, словно собираясь объявить о прибытии важной персоны, никак не ниже герцога по достоинству.

— Господа! — провозгласил он. — Спешу сообщить, что мост обрушился. Мы заперты в замке.

— Казался таким надежным, крепким, простоял сотни зим — и бесславно развалился, чтобы упасть на дно ущелья, — сказал Тьянъ-по. Ветер раздувал его одежды и уже унес в неизвестность смешную коническую шапочку из рисовой соломки. — Как это верно и символично напоминает мне историю о вековом дубе, который...

— Вы бы подумали, как отсюда выбраться, — мрачно произнес Гаспар.

— Тут и думать нечего, — кхитаец пожал плечами. — В замке оставались летающие механизмы, созданные покойным хозяином. Они и перенесут нас через пропасть.

— Вы готовы лететь верхом на табуретке? Вы, почтенный человек?

— Вряд ли полет на табуретке причинит ущерб моему имени, — отвечал Тьянъ-по.

Конан, цепляясь за страховочную веревку, которую держали Ченси и Тью, выбрался из пропасти.

— Не похоже, чтобы мост упал сам, — произнес он. — Ему помогли. Раствор, которым были скреплены камни, держит прочно.

— Очень возможно, — сказал Гаспар, ежась на ветру. — Слуга скрыл подлинную надпись, другой — свалил мост, оставив нас в западне... Может, они людоеды? Может, они питаются теми, кого им удается заманить в этот проклятый замок?

— И каждый раз при этом они ломают мост, —

улыбнулся кхитаец. — Думаю, мокнуть здесь дальше бессмысленно.

— Но в замке опасно находиться! — не унимался Гаспар.

— Зато там сухо и много вина! — возразил Тью. — Предпочитаю промочить горло, а не одежду!

У самого входа они услышали звон колокола.

— Ночная стража! — объявил Тьянъ-по. — Первый вечер прошел.

— Нельзя сказать, чтобы впустую! — хмыкнул Ченси. — По сравнению с нашими предшественниками мы хотя бы не бьемся над разгадкой чепухи!

Фаррел встретил их у порога.

— Негодный слуга исчез! — воскликнул он. — Воспользовался суматохой и скрылся.

— Думаете, он покинул замок по воздуху? — осведомился Тьянъ-по.

— Джокс клянется, что летательный механизм остался только один, и тот неисправен, — отвечал стряпчий. — Положение наше неутешительно.

— Прохвост прячется где-то здесь, — оскалился варвар. — Он сам говорил, что тут полно потайных комнат.

Тью поддержал его:

— Надо все обыскать, найти мерзавца и развязать ему язык!

— В самом деле, — сказал Гаспар. — Должен же кто-то объяснить, наконец, что все это значит?

— Лично я никого искать не собираюсь, — произнес Ченси и зевнул. — Ночь. Темно, как у чернома-

зого за шиворотом. Надо дождаться утра и заодно отдохнуть.

— Это разумно, — кивнул кхитаец. — Давайте разойдемся по спальням. Пусть каждый из нас как следует присмотрит за собой.

— Но ведь мы так и не узнали толком, что случилось! — Гаспар снова заговорил истерическим голосом.

Тьянъ-по, усмехнувшись тонкими губами, ответил:

— Дорогой мой! У нас будет еще много времени, чтобы разобраться.

И кхитаец легкой походкой удалился по коридору. Гаспар, втянув голову в плечи, устремился следом за ним. Их комнаты располагались рядом.

— Ты идешь? И где этот осел Фаэрти? — спросил Ченси у Тью.

Тот неожиданно взорвался:

— Я не знаю, где Фаэрти! Я не помню, чтобы меня нанимали в няньки человеку, который старше меня! Да, старше, и на целую зиму! Я спать не собираюсь. И пусть эта кхитайская гусеница мне не указывает!

— Нас с тобой, к несчастью, поселили в одной комнате, — напомнил Ченси. — И если ты среди ночи припрешься и помешаешь мне спать, произойдет нечто ужасное. Имей это в виду и делай, что хочешь. А вы, господин варвар, передайте вашей приятельнице пожелания доброй ночи. Я хотел бы поутру потолковать с ней по делу.

Ченси отобрал у Тью подсвечник и ушел вверх по лестнице.

— Сильно волноваться не стоит, — мягко произнес Фаррел. — Если через неделю я не объявлюсь при дворе у герцога, меня начнут искать и первым делом направятся сюда. Увидят, что стало с мостом, и приведут все в порядок. Спокойной ночи, господа.

— Ну так что? — Тью с надеждой посмотрел на киммерийца. — Начнем поиски?

— Пожалуй, только позже, — отозвался Конан. — Прежде я должен поговорить с женщиной. Дождись меня в зале, где мы обедали.

— Но ведь ты ненадолго?

— Если у тебя нет терпения, займись чем-нибудь, — отрезал варвар. Уходя, он совсем не подумал, в каком положении оставил своего добровольного помощника. Сам Конан прекрасно видел в темноте и хорошо запоминал расположение комнат и направления коридоров. А Тью остался один в холле без света.

— Где же демонская зала? — бормотал он, шаря в темноте, натыкаясь на стены и бранясь. Отыскав нащупью перила лестницы, Тью стал подниматься наверх, оступился и расквасил себе нос. Его ругань долго разносилась эхом по пустым переходам. Поднявшись неизвестно на какой этаж, Тью вышел в один из коридоров и побрел наугад. Здесь было светлее, но ненамного. Свернув наудачу три или четыре раза, Тью понял, что безнадежно заблудился.

Альвенель, обнаженная, при свете двух свечей сидела перед большим зеркалом и расчесывала свои густые волосы.

— Мог бы и постучаться, — сказала она. — Впрочем, я по звуку шагов догадалась, что это ты.

— Ты удивительно догадлива, — ответил варвар. — И красива. Редкое сочетание.

— Почему даже очень хорошие мужчины так глупо устроены и всегда говорят скучные, пошлые вещи? — искренне удивилась она.

Конан пожал плечами.

— Я и в самом деле признаю, что ты умна, — сказал он миролюбиво. — Сегодня ты произвела на всех впечатление. Только знаешь, мне показалось, что ты сразу отнеслась к рассказу слуги без особого доверия. Тебе известно что-то еще...

— Если ты такой внимательный, признайся, что Грателло не похож на человека, которому можно доверять.

— Это верно. — Киммериец присел на край кровати и стянул с себя через голову туннику и рубаху из грубого полотна. Женщина с удовольствием рассматривала его тело, отраженное зеркалом.

— Я насторожился, — продолжал он, — когда слуга описывал происходящее в зале, после того, как погасли свечи. Может, он видит в темноте? Тогда у него опасное преимущество перед многими из нас.

— Меня больше занимает другое, — голос Альвенель прозвучал неожиданно зло, — что он делал, когда латник-великан и его слуги угрожали графу?

Почему он ничего не предпринял? Из его повествования не следует, что к его горлу был приставлен меч. Ему ничто не угрожало.

— Он попросту трус, — с презрением сказал варвар.

— Если бы он был только трусом... — Женщина отвернулась, и Конан заметил слезы на ее глазах.

— Брось, — проговорил киммериец. — Тебе ничего не угрожает, я же с тобой. Иди ко мне. Я знаю хороший способ отдохнуть.

Альвенель поднялась со стула, подошла к нему и положила руки на плечи варвара. От запаха ее тела у Конана закружилась голова. Он крепко обнял Альвенель и уже собирался повалить ее на кровать рядом с собой, как она вдруг напряглась, вскрикнула и попыталась вырваться.

— Да что с тобой? — воскликнул Конан, но осекся.

Лицо женщины было искажено презрительностью и страхом.

— Посмотри, что у тебя за спиной, — сказала она. — Только осторожно.

Оборачиваться варвар не стал — он бросил взгляд на зеркало, в котором отражалась вся кровать целиком.

— Лучше спать с равнодушной женщиной, чем с таким отродьем, — усмехнулся киммериец. Сзади и левее его, на подушке, покачиваясь на лапах, стоял огромный скорпион, ярко-красный, с черным хвостом.

— Знаешь, откуда эта тварь? — спросил Конан, не двигаясь с места.

Альвенель посмотрела на него расширенными глазами и отрицательно мотнула головой.

— Из Стигии, — сказал он. — Его яд убивает мгновенно. Скорость и быстрота реакции намного больше человеческой. Он опаснее самой опасной змеи. Осторожно вынь из ножен мой меч и протяни его мне рукояткой вперед. Медленно...

Пока Альвенель выполняла приказ, Конан наблюдал за скорпионом в зеркало. Тот заподозрил угрозу, хвост его задрожал, а на загнутом, остром жале показалась капелька яда.

Не вытягивая руки, варвар раскрыл ладонь, и когда рукоять меча оказалась в ней, плавно сжал пальцы.

— У меня есть только жалкая доля мгновения, — сказал он. — До чего приятное ощущение. Только доля мгновения между жизнью и смертью...

Испугавшись еще больше, Альвенель заглянула в его синие глаза — в них проснулось какое-то удивительное веселье, словно не было для этого человека ничего приятнее, чем находиться на краю гибели. Потом ослепительной молнией сверкнул в воздухе клинок, и целое облако перьев взметнулось кверху.

Тьянъ-по пожелал Гаспару хорошо выспаться и юрко шмыгнул в свою комнату. Гаспар представил с тоской, как будет сейчас ворочаться на холодной кровати и думать над своим печальным положением, и его передернуло. Проклятый кхитаец! У всех узкоглазых, вследствие вырождения их расы, нервы

устроены таким образом, что узкоглазые не испытывают никаких волнений. Они слишком примитивны для этого.

Подозрительный и недоверчивый, ученый еще вчера вытребовал у мажордома ключи от своей комнаты. Красть у него было решительно нечего, но осторожность никогда не помешает! К тому же, в дорожной сумке лежит толстый свиток пергамента — черновик трактата о слабоумии среди Зимбабвийских негров. А в черновике много помарок и исправлений, а также ошибок, еще не замеченных автором, и потому неисправленных. Если проклятый кхитаец засунет в рукопись свой нос, у него будет возможность посмеяться над Гаспаром, а этого представитель передовой расы никак не может допустить.

Ключ, как это свойственно всем ключам вообще, провалился на самое дно кармана, и ученый извлек его не без труда. Потом выяснилось, что он забыл, как надлежит вставлять его в скважину. Бороздкой влево? Или вправо? Гаспар положился на удачу и прогадал — ключ застрял и теперь не желал вылезать обратно.

Пока ученый боролся с замком, на него накатил страх. С ним такое бывало в детстве в похожей ситуации. Ему казалось, что за ним гонится людоед, он приближается, он все ближе и ближе, а дверь все не открывается, и счет уже ведется даже не на мгновения, а еще меньше... Гаспар застонал от ужаса и весь вспотел.

— Как глупо, — сказал он себе. — Надо взять себя в руки.

Он отпустил ключ, торчащий из скважины, прижался спиной к стене, глубоко вздохнул и сосчитал до двадцати пяти. Стало полегче. Тогда он снова повернулся и едва не потерял сознание, даже не успев испугаться. Его напряженные нервы сократились сами по себе, и солидный ученый подпрыгнул от неожиданности, увидев перед собой бледное, перекошенное лицо.

— Господин ученый? — произнес шут (а это был он). — Вам до сих пор не спится?

— Ты чуть не убил меня, — шепотом сказала Гаспар. — Бродишь тут, точно привидение...

— Забавно, правда? — спросил Баркатрас. — Но ваша ученость так говорит, потому что никогда не видел настоящего привидения. Так вот, я на него совершенно не похож.

— А почему твои колокольчики не звенели?

— Потому что я не прокаженный и не обязан предупреждать о своем появлении, — парировал шут. — Я залепил их язычки воском. У меня дело лично к вам, и мне не хотелось, чтобы о нем знали посторонние.

— Какое еще дело? — грубо осведомился успокоившийся Гаспар.

— Я подумал, что если мы с вами разыграем ваншего ученого коллегу, вам будет приятно.

— Глупости! — Гаспар начал закипать. — Что значит — разыграть?

— Выставить дураком.

— До того ли мне, шут! — в сердцах сказал ученый. — Оставь меня в покое. Тут и без тебя хватает чепухи!

— Как скажете. — Баркатрас поклонился и исчез в темноте.

— Это неслыханно! — пробормотал Гаспар и снова взялся за ключ. На сей раз он поддался. Ученый перевернулся и снова вложил в скважину. Замок со скрипом открылся. Гаспар толкнул дверь и вошел.

В его руке горела всего одна свеча, но на прикроватном столике, в золоченом подсвечнике, их было целых три. Он торопливо зажег их все, одну за другой, а ту, что принес с собой, прилепил прямо к полированной столешнице. Бороться за наследство он не будет, значит, мебель перейдет к другому, стало быть, нечего ее жалеть.

Зола в камине еле теплилась, но ученый все равно развесил перед ним свой сырой плащ и стал снимать манитю. Он запутался головой в ее широких складках, а когда наконец освободился, взгляд его упал на подоконник.

И Гаспар закричал во все горло.

На подоконнике лежала голова Тьянъ-по, отделенная от тела, со всклокченными волосами и вздыбленной бородкой. Раскосые глаза блестели, как кусочки мозаичного стекла.

Не помня себя, Гаспар вылетел в коридор. Он продолжал кричать. Дверь за ним захлопнулась сама

по себе, и ученый оказался в полной темноте. Послышался какой-то шум и, как показалось Гаспару, прямо из стены возник кхитаец со свечой в руке, живой и здоровый. Голова его была на месте!

— Это вы? — спросил он. — Что случилось?

— Там, там! — орал Гаспар. — У меня на окне... Ваша голова!

— Моя голова? — переспросил Тьянъ-по спокойно. — Но это абсурд. Одно и то же тело или же часть его не может пребывать в двух местах одновременно. Если моя голова со мной, а я надеюсь, что это так...

— Пойдемте, посмотрим, — перебил его Гаспар. — Вы как жрец науки должны будете поверить своим глазам! Она там, говорю я.

— Может быть, вы ошиблись?

— Совершенно исключено.

— Может, это чья-то другая голова? — настаивал Тьянъ-по.

— Это голова ваша, уверяю вас! — воскликнул Гаспар. — Те же наклон лба... и борода!

Тьянъ-по пощупал свою бороду, пожал плечами и сказал:

— Ну, хорошо. Давайте взглянем.

Гаспар открыл свою дверь и пропустил кхитайца вперед. Сам он заходить не спешил.

— Ну как, убедились? — крикнул он.

— Друг мой, здесь нет никакой головы, — отвечал Тьянъ-по. — Попросту вы переутомились и съели за обедом много тяжелой пищи.

Гаспар робко вошел в комнату.

Действительно, головы не было. На том месте, где она находилась, стоял кувшин для умывания, синий, с отбитой ручкой.

В полной тишине, при погашенных свечах, Ченси лежал на кровати и размышлял: сделаться ли ему негодяем или продолжить игру честного человека. В создавшихся условиях можно было рискнуть — вернуться к предложению Фаэрти, а убийства свалить на Грателло, тем более, что последний оказался и в самом деле нечист на руку. Для человека, который с пятнадцати до двадцати пяти зим почти ежедневно слышал в свой адрес обвинения в беспутстве, никчёмности, для которого каждая подачка от богатых родственников сопровождалась унизительными сценами, это было соблазнительно. Но... Во-первых, для такого дела нужно найти хорошего союзника. Положиться на маменькиных сынков, Фаэрти и Тью, значит изгадить все дело. А где его найти, хорошего союзника? Альвенель умнее других, но уж очень бойка. Только на правах любовника с ней можно существовать, а при сообразительной леди уже находится в этом качестве мрачный длинноволосый громила... Кхитаец не годится — его, похоже, не деньги интересуют, а сама загадка как таковая. Второй ученый — трус. Предаст при любой возможности.

А во-вторых — как-то это непривычно и... скверно. Одно дело — проломить кому-нибудь голову таубуреткой в кабаке или проткнуть мечом на перекре-

стке из-за глупой, вздорной куртизанки, а другое, совсем другое — вот так, расчетливо, одного за другим извести несколько человек из-за титула и замка, который все равно скоро будет проигран в кости.

— Проклятая слабость! — выругался Ченси.

Те, кто думают, что заниматься подобными размышлениями легче, чем действовать, — глупцы. Мысли, изнуряющие, будоражащие, выматывают не хуже каторжных работ.

Когда стена, обтянутая гобеленом, над самой кроватью Ченси внезапно вздулась пузырем и в темноте, к которой успели привыкнуть глаза, промелькнуло что-то живое, подвижное и бесшумное, молодой человек решил, что это его собственные черные мысли неожиданно облеклись плотью. Через миг Ченси ощутил на себе посторонний взгляд. Два огромных круглых глаза, оранжевых, с черными вертикальными зрачками, следили за ним из темноты.

— Кто ты? — спросил Ченси. — Демон, пришедший за моей душой? Тварь из сопредельного мира? Впрочем, все равно. Проваливай.

Ворчание, похожее на дробный рокот маленького барабана, послышалось в ответ. Глаза вдруг сделались больше. Они все росли и росли, пока Ченси не понял, что они приближаются. На самом деле все произошло в одно мгновение, но для Ченси мгновение это растянулось почти до бесконечности.

Уже ощущая дыхание незваного гостя, пахнущее загустевшей кровью, Ченси перекатился к краю кровати и упал на пол. На кровать сразу опустилось

что-то грунное и коротко взрыкнуло. Ченси не стал терять времени — вскочил, выхватил из ножен свой меч, лежавший на сундуке, и принял оборонительную позу. Он был в одной рубашке, трутница осталась в кармане куртки — зажечь свечу было нечем, да и вряд ли обладатель страшных глаз позволил бы ему возиться с огнем. Ченси видел его плавный силуэт, почти неотделимый от темноты.

— Откуда же ты взялся? — спросил Ченси. — Прятался в комнате? Сидел под кроватью?

Визитер снова отреагировал на звук человеческого голоса — заворчал, как и в первый раз, очевидно, сгруппировался и опять прыгнул. Ченси рубанул его в воздухе и попал, но его самого хлестнуло чем-то горячим по плечу и щеке и толкнуло так сильно, что он потерял равновесие. Черное тело каталось, извивалось по полу. Ворчание сменилось рыком, в котором слышались ярость и боль. Ченси вскочил, примерился и ударил, целясь между горящих глаз. Что-то опять толкнуло его, и горячее потекло по бедру. Но рык превратился в визг, и скоро все стихло.

Ченси бросил меч, полез в карман за трутницей — руки у него тряслись, а правая к тому же сделалась тяжелой и плохо слушалась. Но свечу ему удалось зажечь.

— О боги! — прошептал он, оглядев комнату. Все, что возможно, было забрызгано кровью. Зверь, похожий на очень большую кошку, лежал на полу — его бока еще поднимались и опадали, а передние лапы

скребли половицы когтями. Он был густо-черного цвета, красивая шерсть его лоснилась и переливалась даже в скучном освещении.

Глянув на себя, Ченси сразу почувствовал слабость — он истекал кровью. Всхлипнув от накатившей дурноты, молодой человек отворил дверь и, пошатываясь, вышел в коридор.

Прямо перед его дверью стоял шут Баркатрас.

— Меня нужно перевязать, иначе я сдохну, как поросенок на бойне, — сказал Ченси и рухнул. Шут еле успел его подхватить.

Тью заметил свет, горевший где-то бесконечно далеко в темном коридоре.

— Уже кое-что, — сказал он себе и бросился туда. Темноты он не боялся, но ему непременно хотелось найти что-нибудь такое, что прояснило бы ситуацию. Или наткнуться на Грателло и схватить его. Тью хорошо понимал, что додуматься до разгадки ему не хватит мозгов, зато у него было много энергии и рвения. Эти ценные качества не раз выручали Тью в разных щекотливых ситуациях.

Источником света оказалась масляная лампа, висевшая на крюке, вбитом в стену. Не раздумывая, Тью снял ее и зашипел: медная дужка, служившая ручкой, раскалилась, резервуар — тоже. Нести лампу в руках было немыслимо. Поставив ее на пол, Тью поплевал на обожженные пальцы, потом снял с пояса кинжал в ножнах, поддел дужку его перекрестьем и довольно засмеялся.

— Вот что значит очень захотеть! — сказал он. — Пора пролить свет на это темное дело!

И он пошел дальше. Теперь выражение «куда глаза глядят» к нему подходило — глазам было куда глядеть. По левую руку в коридор выходило видимо-невидимо дверей, и каждая была заперта. Вероломный слуга мог хорониться за любой.

— Значит, будем ломать, — решил Тью и приступил к делу не откладывая. У первой двери замок оказался хлипким — он вылетел после первого же толчка. За дверью обнаружилась скучная комната без окон, в окторой лежали горой поломанные стулья и старые, облезлые метлы. Со второй дверью пришлось повозиться дольше, но и она не выстояла. В этой комнате, на сей раз — большой и нарядно убранной, — стояли два окованных сундука, совершенно не нужные здесь. Они были не заперты. В каждом лежала гора истлевшего, заплесневелого тряпья. Следующие две двери были прочными, высадить их не удалось, хоть Тью и отбил себе плечо.

— Обидно, — проговорил он. — Но дверей еще полно.

Потом нашелся склад негодного оружия и зараженных, худых кирас и шишаков. Поразмыслив, Тью перевесил лампу на острое навершие алебарды с щербатой рубящей плоскостью, а кинжал вернул на пояс.

Так было удобнее идти, правда, лампа все время раскачивалась. А алебарда пригодилась при взломе очередной комнаты — в ней было полно странной

посуды из зеленоватого стекла, покрытой пылью и мышиным пометом.

Таким образом Тью прошел почти весь коридор, пока сильнейший запах тления не остановил его перед последней дверью.

— Похоже, тут фамильный склеп, — предположил Тью. — Вряд ли это правильно — держать мертвцев под крышей. Отвратительный запах.

Проникать в эту комнату он не собирался и уже было двинулся дальше, как ему послышался внятный шорох, который донесся из-за двери.

— Пожалуй, посмотреть все-таки стоит, — решил Тью. — Возможно, этот проныра специально выбрал себе укрытие, куда ни один нормальный человек не сунется добровольно!

Зажав нос свободной рукой, Тью толкнул дверь плечом — она неожиданно легко распахнулась, ибо была не заперта.

— Разрази меня гром! — вскричал он, рассмотрев то, что эта дверь скрывала.

В комнате действительно было двое мертвцев. Один совсем свежий, с разодранным животом, лежал вытянувшись на столе. В его внутренностях копался другой мертвец, сгнивший почти до костей, однако не утративший способности двигаться. Жирные белые черви сыпались с него дождем.

Услышав восклицание Тью, он поднял безжизненное лицо, обезображенное разложением. Мертвец на столе был никто иной, как Фаэрти. Это открытие заставило Тью растеряться. Совсем еще недавно моло-

дой и сильный, кузен Фаэрти лежал, словно какой-нибудь неодушевленный предмет. В представлении Тью смерть была уделом старых и слабых.

— Вот так штука! — только и смог сказать Тью.

Тем временем живой мертвец, все с тем же бессмысленным выражением лица, широко растопырил руки, обошел стол и двинулся на Тью. Ноги у него не сгибались, и он переставлял их, словно циркуль землемера. Тью неожиданно ясно осознал, что сейчас его — тоже молодого и сильного — постигнет печальная участь кузена. Это показалось ему дикой нелепостью, жестокой и несправедливой. И Тью решил сражаться. С воинственным криком он взмахнул алебардой, которая погрузилась в череп мертвого противника с чавканьем, будто в гнилую тыкву. При этом лампа перевернулась, ее содержимое вылилось на упыря и воспламенилось.

Выпустив алебарду, Тью побежал по коридору. Живой труп шел за ним тяжелыми, неловкими шагами и освещал коридор, подобно живому факелу. Вонь стояла чудовищная. Пройдя шагов двадцать, мертвец рухнул лицом вперед и зачадил. Тью остановился. Его вывернуло.

— Кого это вы спалили? — раздался голос у него за спиной, и Тью подскочил на месте.

— Это ты, дурак! — сказал он, успокоившись. Перед ним стоял шут и разглядывал его бесцеремонно и насмешливо.

— Странный способ развлекаться, — заметил Баркатрас. — Я бы не додумался.

— Там, в комнате, лежит мой кузен Фаэри, — сообщил Тью. — Он умер. Его убили.

— Должен сказать, что с другим вашим родственником тоже случилась беда, — проговорил шут. — Его сильно ранила пума. К счастью, он жив.

— Откуда Ченси взял пуму? — удивился Тью, на что Баркатрас только развел руками.

— Решительно отказываюсь спать на этой постели, — произнесла Альвенель. Перья все еще плавали в воздухе. Разрубленный вместе с подушкой скорпион залил простыню и покрывало черной липкой кровью. Конан завернул убитую тварь в испачканное белье и выбросил сверток за дверь.

— Давай-ка обшарим всю комнату, — предложил он. — Вдруг здесь есть еще что-нибудь в том же роде.

Но тщательный и дотошный обыск ничего не дал.

— Любопытно, кто из моих конкурентов подбросил мне этот сюрприз? — гадала Альвенель вслух.

— Возможно, они тут и ни при чем, — молвил киммериец.

Женщина удивленно посмотрела на него.

— Вспомни герпедонта в горах, — продолжал варвар. — Стигийский скорпион — тоже диковина в этих местах. Ему нужно жаркое солнце и растрескавшаяся, сухая земля. Тут, по-моему, не обошлось без колдовства!

— А если кто-нибудь из претендентов — тайный колдун? — предположила Альвенель, но Конан сомнением покачал головой.

— Скрыть принадлежность к проклятому колдовскому племени очень трудно, — сказал он. — Колдун — это не только магия, это способ жить. Колдуны по-другому говорят, по-другому держат себя, везде ищут символы и кичатся своим знанием. Из-за этого они еще более отвратны!

— Но ведь маг может притвориться обычным человеком, — настаивала Альвенель. — И втайне посмеиваться над окружающими.

— На кого ты думаешь?

— На кхитайца!

— Нет, — возразил варвар. — Кхитаец — по-настоящему мудрый человек. Такой не будет возиться с колдовством.

— А как ты отличаешь мудрого от не-мудрого? — спросила женщина.

Киммериец нахмурился.

— Не знаю, — наконец признался он. — Отличаю и все.

— Хорошо, — сказала Альвенель. — А как по-твоему, я мудра или нет?

— Нет, — ответил Конан категорически. — Ты умна, но не мудра.

— Почему? Я ценю твою откровенность, но объясни, почему ты так думаешь?

Варвар увидел, что она задета.

— Если бы ты была мудра, — сказал он, как мог, мягко, — то давно вышла бы замуж и родила бы своему мужчине кучу красивых, здоровых детей. Не обижайся — я тоже не мудрец.

— Хватит об этом, — холодно произнесла Альвенель. — Я хочу спать.

Киммерицу вдруг показалось, что у этой красивой, обнаженной женщины, для которой нагота — самые крепкие латы — что-то сломано внутри. Киммериец слабо разбирался в душевных страданиях, но знал, что они бывают иногда сильнее телесных.

Женщина легла на голый тюфяк и закрыла свое лицо волосами. Варвар закутал ее высохшим плащом, задул свечи и тихо вышел из комнаты.

В зале графской короны шут Баркатрас пил вино.

— Где криклиwy молокосос? — осведомился у него Конан.

Шут покачнулся на стуле, вскинув ноги на стол, и заговорил:

— При покойном графе в замке выдавались веселые ночки, но такой я не упомню!

После чего он рассказал про пуму, убитого Фаэри и ожившего мертвеца, сожженного в коридоре.

— А у нас в спальне был скорпион, — кивнул Конан. — И сбежавший лакей до сих пор не объявился... Кстати, где ты сам был в тот момент, когда обрушился мост?

— Я? — переспросил Баркатрас. — Ах, да! Выходил за надобностью. Все дело в белом вине. От него пучит живот. Тебе нужны доказательства?

— Что-то я не вижу в вас вчерашнего пыла! — проворчал стряпчий, усаживаясь за стол.

Завтрак и без этого замечания проходил в атмосфере невеселой. Тью покосился на Фарреля сердито, но промолчал.

Ченси взял бокал левой рукой — правая находилась на перевязи — и произнес:

— Давайте выпьем за то, чтобы не все погибли в этом распроклятом замке!

— Я бы воздержался на вашем месте от всяких речей, — сухо хмыкнул судейский. — Наша общая задача состоит в том, чтобы выжить. Скорее всего, это будет непросто.

— Вы очень крепко держите себя в руках, — не выдержал Тью. — С чего бы это? Почему вы так спокойны? Вы — единственный, с кем ночью ничего не случилось! Это подозрительно.

— Не единственный, — молвил Тянь-по, входя в залу и церемонно кланяясь. — С бедным кхитайским каллиграфом тоже ничего не случилось. Он спал, как младенец.

— Младенцы спят крайне беспокойно и все время кричат, — язвительно заметил Фаррел. — Вы уж поверьте. У меня трое детей и восемь внуков. А ваш многоученый сосед — с ним все в порядке?

— Ночью ему привиделось, будто бы моя голова, отделенная от тела, находилась у него на окне, — поведал Тянь-по, устраиваясь на стуле. — А потом он заснул. Во всяком случае, затих. Наверное, провалляется в постели до вечера.

Варвар завтракал без аппетита, что бывало с ним нечасто. Он то и дело смотрел на надписи — на фа-

льшивую, нанесенную поверх шлифованного камня кладки, и на подлинную, словно выжженную в толстой дубовой панели. Альвенель, в глубокой задумчивости, стояла у окна и высматривала в сером ненастном небе что-то, заметное ей одной.

— Джокс! — обратился стряпчий к мажордому, прислуживающему за столом. — Ты знал Грателло многое зим. Объясни, как он мог выкинуть с нами такую шутку?

— Не могу знать, — медленным, скрипучим голосом отвечал Джокс.

— В нем не было никаких странностей?

— Странностей? — Мажордом взглянул с недоумением и оставил вопрос стряпчего без ответа.

— До сих пор непонятно, как он сломал мост, — заметил Ченси.

— Ну, это просто, — ответил ему кхитаец. — Он сам рассказал нам, что у графа хранились запасы порошка для праздничных огней. Достаточно было мешка весом в пять лян и длинного фитиля, который тлел бы долгое время. А потом — бум! И моста нет.

— Действительно, просто! — рассмеялся Ченси. — Неужели лакей мог додуматься до такого? А вот вы, который много знает о свойствах этого порошка...

— Понимаю, куда вы клоните, — улыбнулся Тьянъ-по. — Но я-то здесь, среди вас. А лакей исчез. Почему?

— Простите, леди, — Ченси повернулся к Альвенель. — Вы, бесспорно, самая светлая голова в этом замке. Что вы думаете по этому поводу?

— Ничего, — ответила она. — Я разгадала надпись и сегодня в указанное время оглашу результат.

— Много вам будет толку с этого! — фыркнул Тью. — Неужели вы не понимаете, что нас всех убьют, по одному. И вас тоже, если, конечно, не вы организовали все это.

— Мы занимаемся ерундой. — Кхитаец тактично сказал «мы» вместо «вы», и это все заметили. — Прошедшей ночью случились вещи, не объяснимые порядком вещей нашего мира. Значит, нужно понять логику мира сопредельного. Это гораздо интереснее, чем слоняться по замку в поисках коварного Грателло. Лично я устроюсь в графской библиотеке, потребую его личные записи и тщательно изучу.

— В одиночестве? — спросил стряпчий, устремив на Тьянъ-по проницательный взгляд.

— Если многоученый Гаспар не составит мне компании, то в одиночестве.

Сказав так, кхитаец доел тушеную морковь, выпил стакан воды и, торжественно поклонившись, вышел. Однако скоро он вернулся. Веселая легкая улыбка исчезла с его лица, теперь оно выражало тревогу и озабоченность.

— Я никак не могу его разбудить, — сказал он. — Господин Гаспар не подает признаков жизни.

В постели, пропитавшейся кровью, лежало обезглавленное тело Гаспара. А голова вытаращенными глазами смотрела с подоконника, одним глазом на вошедших, другим — в стену.

— Получается, вы последний, кто видел его живым, — сказал стряпчий, адресуясь к Тьянью-по.

— Последним его видел убийца, — бесстрастно ответил кхитаец.

Ченси расхохотался. Фаррел взглянул на него сурово.

— То есть, вы его не убивали?

— Дверь была заперта изнутри, — молвил Тьянью-по.

— Значит, убийца, кем бы он ни был, вылез через окно, — уверенно произнес судейский.

Кхитаец покачал головой.

— Жизненно важная часть моего бедного друга стоит на подоконнике, — заметил он. — Если бы окно открывали, она бы упала на пол.

Ченси обошел тесную комнату и оскалился.

— Значит, здесь есть потайная дверь! — сказал он и принялся стучать по стенам, сначала кулаком, а потом тяжелым подсвечником, который оставлял в побелке глубокие вмятины.

Стряпчий внимательно осмотрел мертвое тело. Правая рука покойного, сжатая в кулак, сильно заинтересовала его. С усилием судейский чиновник разогнул окоченевшие пальцы.

— Ого! — сказал он. — Кажется, несчастный помог нам изобличить убийцу.

Фаррел подошел ближе к окну, чтобы получше разглядеть свою находку. На его ладони блестела золотая брошка с небольшим красивым опалом.

— Я видел похожую на вашем вчерашнем камзоле, — произнес он, глядя на Ченси.

— Да, — отвечал тот с вызовом. — А еще такая же есть у Тью и у Фаэрти, убитого этой ночью. Если вы думаете, что это моя, то мне остается пойти в свою комнату и принести вам опровержение.

— Попешите, — посоветовал Фаррел.

Скоро Ченси стоял на пороге и демонстрировал свою брошь, которая не покидала камзола. Так же поступил и взволнованный Тью.

— Странная получается картина, — проговорил кхитаец. — Ваш родственник убил Гаспара, потеряв при этом украшение, после чего перенесся неизвестным образом на четвертый этаж, где был, в свою очередь, убит ожившим мертвецом двухмесячной свежести...

— Вы, кажется, хотели уединиться в библиотеке? — напомнил ему стряпчий. — Теперь вас никто не держит. Постарайтесь найти ответ в научных опытах графа. Но это не означает, что вы свободны от подозрений.

— Здесь никто не свободен от подозрений. — Тьянью-по поклонился и ушел.

— Зачем ты объявила о том, что смогла прочесть надпись? — спросил варвар у Альвенель. — Теперь твоя жизнь в еще большей опасности. Злоумышленник попытается добраться до тебя.

— На это я и рассчитываю, — улыбнулась женщина. — Мы будем начеку. Я знаю, что это непросто, но уж точно — не скучно.

Они стояли на галерее и смотрели вниз. Тучи застилали небо, тучи клубились у подножия замка и тяжелыми, лохматыми тушами опускались в ущелье. Совершенно непонятно было, как солнечный свет проникает сюда сквозь эту пелену. Буря минала, но шквальный ветер не утихал — он приносил откуда-то издалека маленькие ледяные крупинки.

— Должно быть, ты думаешь — зачем человек забирается в такое страшное место, строит в нем жилье, оседает на всю жизнь, когда есть зеленые равнины, леса, морские побережья? — поинтересовалась Альвенель.

— Вовсе нет, — возразил Конан. — Мне здесь нравится. Я тут как дома. Это настоящая красота, которая может существовать сама по себе. К тому же злой ветер не сбьет меня с ног, острые камни не отведают моей плоти — я сильнее. Чувствовать это очень приятно.

— Мне кажется, граф Амрок тоже так думал. Иначе он не поселился бы здесь.

— А как думаешь ты? Если у тебя получится задуманное, ты станешь хозяйкой всего этого. Тебе будет здесь хорошо? — спросил киммериец.

— Не уверена, — отвечала она. — Но замок Амрок для меня — очередная точка на линии пути. Я обязана ее пройти. Чего здесь удивительного? Разве ты, варвар, живешь иначе?

— Я просто живу, — был его ответ.

Последующее время до ужина он не отходил от нее ни на шаг. Каждый выступ скалы, каждый тем-

ный участок коридора мог таить опасность. Конан не очень-то верил в злой умысел какого-то конкретного человека. Он хорошо знал, что зло может существовать и само по себе. Часто оно селится в душе какого-нибудь слабого существа и управляет им, но бывает, что и само, во плоти, появляется в свете, в облике демона, кровожадного чудовища или стихии.

Фаррел тем временем развел кипучую деятельность. Перво-наперво он, при помощи Джокса и конюха, перенес в холл убитую пуму, дохлого скорпиона и полуобугленный, чудовищно пахнущий труп неизвестного. Предосторожности ради труп разрубили на несколько частей. Если однажды он ожил, чтобы совершить убийство, может, ожить и во второй раз. Каждый из уже неодушевленных предметов стряпчий снабдил аккуратным ярлыком с пометкой.

— Это на случай, если нас всех поубивают, и следствию понадобятся улики, — объяснил он.

— Вы так спокойно говорите об этом! — скривил губы Ченси.

— Что делать, я занимаю должность уже много зим, — молвил Фаррел. — И кому, как не мне, знать, что жертвой убийцы может стать любой. Даже судейский чиновник.

Тьянъ-по ненадолго появился из библиотеки.

— В этом трактате, — сообщил он, показывая внушительный свиток, — содержится описание научного способа оживления мертвцев. Большинство людей считают, что оживление достигается только при помощи некромантии. Но оказывается, сущест-

вуют особые препараты, позволяющие проделать эту штуку. Двести зим назад были открыты мельчайшие живые организмы, незаметные глазу. Они живут колониями, захватывая мертвое тело, и заставляют его передвигаться и совершать простые действия. Разума в них нет, один только инстинкт. Встречая живое существо, они при помощи своего носителя убивают его и заселяют труп. Так сказать, высаживают десант.

— О боги! — воскликнул Тью. — Это значит, что бедняга Фаэрти скоро тоже начнет двигаться и душить всех подряд!

— Придется выкинуть его в ущелье или сжечь, — обронил Ченси.

— Как ты можешь так говорить! Он же был твоим другом, сопутыльником, родственником, в конце концов! — изумился Тью, на что Ченси хмыкнул и ответил:

— Ты так переживаешь, словно я предложил бросить в пропасть живого Фаэрти. Но мертвому Фаэрти это все равно, как было бы все равно и мне.

— Есть какой-нибудь способ приостановить заражение? — спросил стряпчий.

— Для того, чтобы мертвец сделался послушным орудием, маленьким существам нужно много времени. Их должно образоваться в достаточном количестве, а размножаются они весьма забавным образом...

— Ну и что же?

— Холод заставляет их спать, — проговорил Тьянъ-по, огорченный тем, что его прервали.

— Господин Фаррел, — подал голос Джокс, — в подвале замка есть ледник, в котором хранятся припасы. Мы могли бы положить усопшего господина Фаррела в пустую бочку и оставить там. Он чудесно сохранится.

— Хорошая мысль, — одобрил стряпчий. — Туда же можно спрятать и тело Гаспара. Вы найдете две пустые бочки, Джокс?

— О, у нас в хозяйстве много пустых бочек, — отвечал мажордом с достоинством.

Ченси рассмеялся так, что у него открылась рана, и ему стало дурно.

Тью вызвался проконтролировать перенос тел в подвал. Особой нужды в этом не было, но молодого человека гладила любознательность. К тому же он почему-то был уверен, что преступный лакей спрятался в подвале. Эта мысль крепко застяла у него в голове. Довольно часто убежденность в чем-либо захватывала Тью, и спустя время он сам уже не мог понять, на чем эта убежденность основывалась. Но привычки рассуждать у него не было.

Вооружившись до зубов, он спустился в подвал следом за носилками, на которых покончилось тело его кузена.

Из ледника веяло стужей. Дверь, обитая железными полосами, вся была покрыта инеем, мягким, как плесень. Ледник не запирался на замок — только на массивный засов. Тью отметил, что засов опущен. Потом он подумал, что вряд ли кто-либо смог долго прятаться в таком холодном помещении, и

побрел по подвалу, между штабелей пустых ящиков, поломанных бочек и всякого другого хлама.

Однажды Тью довелось прятаться на чердаке постоянного двора от докучных и агрессивных кредиторов. Ему удалось переправить на чердак два бурдюка с вином, четыре окорока, шесть колбас и два огромных каравая хлеба. Он забаррикадировался так, что рассерженный лавочник, которому Тью был должен шесть серебряных монет, изорвал на себе чулки, ободрал щеку о доску с гвоздем и вынужден был отступить. Три дня провел Тью на чердаке. Большую часть этого времени он проспал, а все остальное время пил, ел и создавал вокруг себя некоторое подобие уюта, необходимое всякому человеку.

Теперь он искал следы этого подобия здесь, в подвале, среди гниющей рухляди. Свеча в его руке чуть подрагивала, и горячий воск обжигал пальцы, капая из переполненной плошки подсвечника. Внезапно Тью вскрикнул от радости — он обнаружил огороженное ящиками пространство, ни дать ни взять — маленькую комнатку. В центре ее, накрытый старой салфеткой, бочонок играл роль круглого стола, на котором в гнутой медной миске лежало крупное яблоко, надкусенное с одного бока. Продолговатый ящик изображал скамью, а в углу лежал тяжелый и сырой тюфяк.

Тью взял в руку яблоко, подбросил его на ладони и с неожиданной злостью швырнул в темноту. Яблоко лежало тут совсем недолго, в противном случае до него добрались бы крысы, которые во множестве

шныряли по подвалу. Проклятье! Подлый убийца был настороже и успел скрыться, уйти прямо из-под носа! А может, его предупредили? Джокс не вызывает большого доверия. Слишком уж рьяно он корчит из себя образцового мажордома... Он в сговоре с Грателло!

— Молодой господин! Подойдите пожалуйста сюда! — послышался голос Джокса.

Тью, стараясь ничем не выдать охватившего его подозрения, напустил на себя безразличный вид и вышел из укромного убежища.

Бочка с кузеном Фаэти, уже закрытая, стояла у входа в ледник. Рядом топтался конюх. Его туповатое, недоумевающее лицо в свете масляного фонаря выглядело зловеще. Джокс, с неподвижной, как у статуи, вежливой улыбкой стоял навытяжку.

— Не угодно ли молодому господину посмотреть на то, что мы нашли в кладовой? — спросил он и вытянул руку в приглашающем жесте.

«Ага! — подумал Тью. — Я зайду внутрь, и ты закроешь дверь, поймаешь меня, как в крысоловку. Ну уж дудки!»

Однако тут же ему сделалось стыдно при мысли, что мажордом поймет его испуг. Нужно было выкручиваться.

— Мне надоело держать это! — с напускным раздражением он сунул свечу конюху. — А ты посвети мне. Что вы там откопали?

— Грателло, молодой господин, — отвечал Джокс и слегка наклонил голову.

— Что ты болтаешь? — изумился Тью. — А ну, вперед!

Грателло точно был там. Он висел на железном крюке между говяжьими тушами, такой же холодный и твердый, как они. В голове его торчал мясницкий секач.

— Мы не продвинулись вперед ни на шаг! — сказал Фаррел. — Напротив, дело только запутывается.

— Он так злится, потому что кто-то пытался на его полномочия, — заметил Баркатрас. — Обычно запутыванием дел занимаются судейские.

Они снова, как вчера, сидели за обеденным столом, правда, теперь в другом порядке. Почетное место занимал стряпчий, Тью демонстративно уселся спиной к фальшивой надписи, слева от Альвенель находился Конан, а справа — Ченси. Тьянъ-по и шут расположились друг против друга. Кхитаец с улыбкой наблюдал, как Баркатрас вылепляет из хлебного мякиша разнообразных чудовищ, а потом сражается с ними при помощи вилки и ножа.

— Может, это и неважно, — произнес Ченси, — но все-таки любопытно: кем был оживший мертвец и как он оказался в замке?

Джокс, стоявший у двери, выразительно кашлянул.

— Пусть господа простят меня, но сдается мне, что это никто иной, как господин Шарлез, путешественник. Несколько лун назад он напросился в замок с целью, как он уверял, осмотреть его и зарисовать настенные барельефы в центральной башне. Я впус-

тил его, и с тех пор от него не было никаких известий. Он исчез. Но мне показалось, что господин Шарлез просто покинул замок, никого не беспокоя. Теперь, кажется, его судьба прояснилась. Он из любопытства пробрался в лабораторию его милости и, должно быть, нечаянно заразился маленькими существами, о которых говорил господин Тьянъ-по.

— Поучительно, — вставил шут. — Я бы посыпал этими тварями всех любителей шататься и глязеть на чужие замки!

— Удалось ли вам, господин ученый, постичь тайны сопредельного мира? — с некоторой насмешкой осведомился Фаррел у Тьянъ-по.

Кхитаец прищурил свои и без того узкие глаза и произнес:

— За такой короткий срок вряд ли можно что-нибудь постичь. Но кое-что я узнал.

— Что именно? — спросил стряпчий, впиваясь взором в лицо ученого.

— Например, такую вещь. Для человека, умеющего попадать в сопредельный мир, в нашем мире не существует замков, стен, крепостных рвов и оград. Перепрыгивая из одного пространства в другое, такой человек может обойти любое препятствие. В свете этого заявление госпожи Альвенель о том, что она разгадала тайну надписи, приобретает невыгодный для нее характер...

— Ах ты ведьма! — вскочил Тью. — Это ты убила Фаэрти и всех остальных тоже! Хватайте ее, пока она не просочилась сквозь стену!

Он замахал руками и подался через стол, чтобы схватить Альвенель за плечо. Конан перехватил его руку и слегка сдавил, отчего юноша вскрикнул и сразу обмяк.

— К порядку! — рявкнул стряпчий. — Почему в обществе благородных людей я должен напоминать о приличиях? Если женщина — подозреваемая, она не перестает быть женщиной!

— Благодарю вас, — улыбнулась Альвенель.

— Но она — убийца! — прошипел Тью, потирая кисть правой руки.

— И что с того? — Фаррел надулся и заговорил торжественно: — Даже если и так, что с того? Хвала богам, мы в Бритунии, в стране, где даже на мучительную казнь женщину ведут с уважением и вежливостью.

— Об этом говорить еще рано, — напомнил Конан.

Ченси взял со стола бокал, пригубил вина, немного поморщился и произнес:

— Кому-то выгодно сеять среди нас подозрительность и страх. Возможно даже, что сейчас он сидит за этим столом и насмехается над нами. Проклятье! Ему удалась его шутка. Он не дурак, и я первый признаю это. Но убийца совершил одну ошибку, и мне удалось разглядеть его промах. Дело в том, что... — Ченси внезапно закашлялся, расплескав вино на одежду. Он кашлял все сильнее и сильнее, его глаза выкатились из орбит и остекленели. Приподнявшись, Ченси судорожно мотнул головой и вдруг упал. Мертвый.

— Ничего нельзя сделать, — грустно произнес кхитаец, попытавшись нашупать у него пульс. — Это яд. Очень сильный.

— Как ты это объяснишь, Джокс? — строго спросил Фаррел.

Мажордом посмотрел на него оторопело.

— Я здесь ни при чем, господин Фаррел, — сказал он. — Это вино я взял из погреба...

— Я ни слова не сказал о вине, Джокс! Ты сам выдал себя! Почему ты решил, что яд был в вине?

— Но это же очевидно! — Голос Джокса зазвучал уверенно и твердо. — Несчастный молодой господин выпил вино и умер. Я видел, как он пил...

— Яда в вине нет, — изрек варвар. — Иначе и мне бы не поздоровилось. Я пил из того же кувшина.

— Отравленным был сам бокал, — сказал Тьяньюпо. — Посмотрите...

Он осторожно взял бокал и приблизил его к свету.

— У него острые, будто заточенные края. Ченси поцарапал губу, когда пил, и яд попал в кровь.

— Но как убийца узнал, что Ченси хочет его разоблачить? — спросил стряпчий.

На этот вопрос ответила Альвенель.

— Убийца об этом даже не догадывался. Отрава предназначалась мне. Бедный Ченси схватил по ошибке мой бокал. По счастью, я из него не пила.

— Но почему? — вопросил Тью. Он был бледен и дрожал самым жалким образом. — Почему вас хотели отравить?

— Когда я объявила во всеуслышанье, что могу

прочитать надпись, то солгала. Намеренно, чтобы меня попытались убить. Я думала, это будет нападение, и мы с моим спутником были к этому готовы. Но убийца перехитрил меня. Знайте, господин Тью, я от всего сердца жалею, что послужила косвенной причиной смерти вашего кузена...

— Я попросил бы вас, сударыня, да и всех остальных — тоже, впредь воздерживаться от таких выходок, — сказал Фаррел. — Это безответственно, по меньшей мере.

Шут, стоя над трупом, печально звякнул колокольчиками.

— Испортить такой монолог... — пробормотал он с явным сожалением.

— Вы, госпожа, сильно меня разочаровали, — молвил кхитаец. — А я думал, что нынче вечером мы узнаем тайну замка Амрок!

Обойдя мертвое тело, Конан выглянул в окно. Начинались вечерние сумерки.

Киммериец был в бешенстве. Еще несколько зим назад он бы с огромным удовольствием сломал бы какую-нибудь мебель или же бил бы кулаками о стену. Но теперь Конан только ходил из угла в угол по спальне и время от времени взрыкивал. Альвенель, скинув одежду, сидела на кровати, поджав ноги и, прикусив губу, следила за ним.

— В конце концов, это невежливо, — произнесла она, потянувшись за покрывалом. — Я готова рас-

платиться с тобой, а ты даже не смотришь в мою сторону.

— Расплатиться? За что? — сердито сказал варвар. — Я ничего не могу сделать, и это выводит меня из себя. Я будто кролик, угодивший в силки, не понимаю, что происходит, и не ведаю, что будет дальше.

— Как любой в этом замке. — Женщина пожала плечами. — Что бы ни было, оно произойдет. Тогда и посмотрим. А теперь — иди ко мне. Доверься женской мудрости и выброси из головы все неприятные мысли.

Конан послушался ее, хоть избавиться от гнетущих раздумий так до конца и не смог. К счастью, это никак не сказалось на его мужской силе. В его объятиях Альвенель трижды достигла самых высот наслаждения. Она принадлежала к тому типу женщин, что в момент экстаза затихают, будто прячутся от кого-то и утаивают свою радость, лишь изредка позволяя легкому стону вырваться из груди.

Когда киммериец сам уже был готов испытать блаженство, неожиданная яркая мысль пронзила его сознание. Все вдруг стало ясным для него, яснее белого дня. Варвар громко рассмеялся. Альвенель посмотрела на него с удивлением.

— Что-нибудь не так? — спросила она.

— Напротив, все прекрасно! — заявил Конан, улыбаясь. — Лучше не может быть...

Отдохнув, киммериец потянулся за одеждой.

— Оставляешь меня? — Женщина приоткрыла один глаз и сонно потянулась.

— Предосторожности ради я запру тебя на ключ, — отвечал он. — Скорпионов в комнате нет. Если ты не будешь выходить, тебе ничто не угрожает.

— А если убийца свалится с потолка или выйдет из стены?

— Если ему действительно нужно убить тебя, он сделает это даже в моем присутствии, — произнес Конан. — Я же не могу вечно обходиться без сна, например. Нет, мне кажется, нынче ночью у него другая цель, и я попробую нанести упреждающий удар. От этого выйдет больше толку, чем от пустого ожидания. Спи и ни о чем не беспокойся.

Одевшись, он вышел, затворил за собою дверь и пошел по коридору. Теперь на всех обитаемых этажах в настенных подсвечниках горели свечи — так распорядился Фаррел.

Самую опасную тайну замка Амрок Конану удалось раскрыть. Но теперь он должен был придумать, как остановить зло.

Джокс чистил столовое серебро. Давным-давно, когда он только начинал службу в замке, процедура эта была священным ритуалом, осмысленным и точным. С годами осмысленность только усугубилась. А в настоящий момент мажордом подозревал, что сей сакральный обряд — единственное, что удерживает мир от полета в тар-тарары.

Закончив с ножами, Джокс разложил перед собою двузубые вилки. Тут следовало выдержать пау-

зу, а после нее внимательно пересчитать столовые приборы.

— Откуда за столом мог взяться отравленный бокал? — спросил Джокс сам у себя и замер, потрясенный звуками собственного голоса. Никогда прежде ему не доводилось беседовать с самим собой. Он был смущен, словно его поймали на краже хозяйственных чулок. Но способность рассуждать, годами дремавшая в его голове, вдруг пробудилась и утихомирить ее было непросто.

— Бокалы я подал при сервировке, — продолжал мажордом. — Их было шесть, по числу гостей. И это были те же бокалы, из которых они пили накануне. Следовательно, ни один из них не отравлен. А-га... Убийца приносит отравленный бокал с собой, ставит его на стол перед леди, а ее бокал убирает. Куда он его денет? Выбросит в камин? Спрятает в своей одежде? Нет, в одежде неудобно. Камин вернее всего... но он был растоплен, и бокал лопнул бы от жара... — Тут Джокс прервал сам себя и заговорил горячо и торопливо: — Нет, Джокс, старина, все неверно. Господин Фаррел забрал отравленный бокал в качестве улики, а грязные бокалы — вот они, на столике. И их шесть...

Мажордом торопливо снял с себя фартук, набросил на плечи куртку и торопливо, бормоча под нос, зашагал в залу. Там он зажег все свечи и встал у дверей. События последнего ужина вновь промелькнули у него перед глазами. Слуга должен быть внимательным, очень внимательным... Кто-то из господ

только подумал о вине, а слуга уже обязан знать, белое или красное нужно налить... По движению руки слуге приходится судить, хочет ли господин жаркого или подать ему сыр...

Джокс вспомнил, перед кем стояло два бокала. Этот человек пил из обоих, не делая слуге замечания, не выясняя, кому не досталось бокала. Он держал перед собою оба бокала, у всех на виду, так нахально, так дерзко, что никто не обратил на это внимания.

Никто, кроме слуги.

— Не может быть... — прошептал мажордом. — Не может быть! Но зачем? О боги, зачем?

— Это же очевидно, глупец! — раздался голос у него за спиной.

Джокс поднял голову и истошно закричал.

Того, кто стоял перед ним, нельзя было назвать человеком, о нет. Человеческой, хоть и уродливой, была фигура, но голова напоминала собачью. Черный, влажный нос со свистом втягивал воздух, желтоватые клыки врезались в верхнюю губу. На затылке торчком стояла жесткая шерсть, похожая на пучки игл.

Коротким прыжком чудовище преодолело расстояние, разделяющее их. Густой звериный запах обдал мажордома, он снова закричал и кинулся прочь, налетев при этом на угол стола. Удар получился сильный, и Джокс рухнул на пол, визжа от ужаса. Клыкастая пасть склонялась над ним. Джоксу показалось, что она ухмыляется.

Неожиданный громкий оклик, раздавшийся от входных дверей, заставил человекообразное существо подскочить на месте и клацнуть зубами. На пороге стоял Конан с мечом наизготовку.

— Теперь тебе не уйти, господин Неизвестность, — произнес он. — Ты был слишком самонадеян.

— Ты думаешь? — ухмыльнулся собакоголовый и облизал клыки. — Попробуй, возьми меня!

— Стой! — закричал киммериец и замахнулся мечом, но было поздно. Чудовище крутанулось на месте и... растаяло.

— В чем дело? Что случилось? — послышалось из дверей.

Тью и Тьянъ-по, наспех одетые, стояли в коридоре. Тью был вооружен. Скоро появился и Фаррел с недовольным лицом. Джокс лежал в глубоком обмороке.

— Его надо перенести в людскую, — сказал стряпчий.

— Тогда утром мы найдем его мертвым, — ухмыльнулся варвар. — Ну уж нет. Я посторожу его тут. Бедняга здорово напуган. Еще бы! Его пытались сожрать. Только почему? Он не является претендентом на наследство. Он всего лишь мажордом.

— Должно быть, он увидел кого-то или что-то при любопытных обстоятельствах, — проговорил кхитаец. — И догадался, в чем дело.

— Я тоже догадался, — произнес Конан весело. — Присаживайтесь и слушайте, если вам интересно.

Последней в залу вошла Альвеенель.

— Крики разбудили меня, — сказала она. — Вижу, что не меня одну.

Варвар нахмурился, вынул из поясного кармана ключ от спальни и подбросил его на ладони. Альвенель при этом слегка покраснела.

— Если вы хотите что-то объяснить нам, то теперь — самое время, — хмуро сказал судейский.

— Рассказчик из меня плохой, но лучше не расскажет никто, — ответил Конан. — Я начну. Когда мы вдвоем с госпожой поднимались в замок, она поведала мне о завещании и о надписи, начертанной на дубовой панели. А надпись, которую нам показали сначала, сделана по голому камню. Та, что под гобеленом, подлинная, — действительно на доске. Я удивился.

Фаррел бросил на Альвенель быстрый взгляд и многозначительно хмыкнул.

Конан продолжал. Действительно, говорить он был не великий мастер, и некоторые фразы давались ему с трудом, от чего он, и так сердитый, злился еще больше.

— Тьянъ-по вычитал в манускрипте, что пришелец из сопредельного мира может перемещаться сквозь стены. Мы были свидетелями некоторых странных вещей, которые иначе не объяснишь. Но почему господин Неизвестность штурмовал замок, о чём нам поведал убитый Грателло? Почему он просто не возник из стены, как во второй раз?

— Это в самом деле странно, — согласился стряпчий.

— Графа Амрок предали, — пояснил киммериец. — Надпись на стене вовсе не запечатывает вход в сопредельный мир. Напротив — она и есть этот вход. Грателло нанес узор на стену и получил за предательство достойную плату, в конечном итоге — смерть.

— И кто же его убил? — спросила Альвенель.

— Ты, — отвечал Конан.

Воцарилось молчание.

Потом Тью поднял голову.

— Значит, это все-таки она извела Ченси и натравила на Фаэрти оживший труп?

— Нет, — покачал головой варвар. — Не она. Кое-кто другой.

— Как ты узнал? — Альвенель смотрела ему в глаза так, словно никого не было в зале, кроме них двоих. — Из-за того, что я оговорилась про дубовую панель?

— Просто я догадался, кто ты такая. Ты — возлюбленная графа, существо из сопредельного мира. В тот вечер господин Неизвестность не захватил тебя, ты успела уйти. Граф, изучив рисунок на стене и догадавшись о его назначении, стал разыскивать свою возлюбленную. Эти поиски привели его к гибели.

— Ты совершенно прав. — Женщина улыбалась, но глаза ее помертвели от тоски и давнего горя. — Я могу рассказать, как все случилось, если вам интересно.

— Да уж сделайте милость, — кивнул стряпчий. — А я подумаю, предъявлять ли вам официальное обвинение.

— Чур без меня не начинать! — вскричал шут, появляясь в дверях. Он быстро уселся за стол, звякнул бубенцами и скривил лицо, изображая внимательное ожидание. Увидев, однако, что дурачества его никого не развеселили, он ухмыльнулся и откинулся на спинку стула, уподобясь при этом кукле-марионетке с порванными веревочками.

— Раз я не на суде, вставать не буду, — произнесла Альвенель. — Но скажу сразу: я готова отвечать перед законом вашего мира. Своей цели я не достигла и уже, наверное, не достигну. Подлого предателя мне удалось покарать, но убийца моего избранника попрежнему недостижим. Если мне не случится уничтожить его, господин Фаррел обвинит в случившемся меня одну. Я могла бы улизнуть в любой момент, но не стану этого делать.

— По всей видимости, держать ответ придется по всей строгости, — молвил стряпчий. — Вам угрожает колесование в лучшем случае.

Женщина нетерпеливо повела плечом.

— Не будем пока возвращаться к этому. Итак, Грателло предал своего господина. Тайно сговорившись с его врагом, он нанес на стену письмена, открывающие коридор между мирами. Господин Неизвестность — так его имя переводится на ваш язык — вероломно напал на графа, но я, из страха перед этим жестоким ревнивцем, сбежала. Много зим я проклинала себя за это! Лучше было бы погибнуть. Но в тот момент мое бегство спасло графу жизнь. Господин Неизвестность кинулся за мной в

погоню и оставил его в покое. Я тогда еще не знала, кто был предателем. Это выяснилось здесь, третьего дня. Грателло переврал подлинные события и этим выдал себя.

— Как случилось, что он не узнал вас? — спросил Тьянъ-по.

— В каждом мире есть свои обязательные условия, — ответила Альвенель. — В вашем такой условностью является внешность...

— То есть, вы не та, за кого себя выдаете? — насторожился Фаррел.

— А вам бы хотелось увидеть меня такой, какая я есть от рождения? Подумайте, может быть, не стоит?

Стряпчий задумался и кивнул.

— Возможно, вы правы, — сказал он. — Оставим это. Скажите лучше, при каких обстоятельствах вы познакомились с покойным графом Амрок?

— Согласно закону своего народа, я была сосватана еще до рождения, — поведала Альвенель. — Согласно другому закону, мой супруг имел право убить меня после первой брачной ночи, если его не удовлетворит состояние моей целомудренности. Так вышло, что до свадьбы я увлеклась другим. Господин Неизвестность узнал об этом и угрожал мне. «Брачное ложе станет ложем твоей смерти», — заявил он. Отказаться от брака со мною он, однако, не желал. Ему нравится убивать. Он пьянеет от безнаказанности. В нашем мире за ним известны такие преступления, рядом с которыми убийство — детская шалость.

Я решила убежать от него. Мне посчастливилось обнаружить один из коридоров — он ведет в укромную пещеру недалеко отсюда. Там граф и нашел меня, после чего тайно привел в замок. Этим же коридором воспользовался господин Неизвестность, когда пытался взять замок штурмом. По счастью, он находится слишком далеко от замка и не имеет над ним силы. Поэтому ревнивому убийце и понадобилась помощь Грателло. Итак, я скрылась, уводя за собой погоню.

Граф пытался разыскать меня. Он решил, что я вернулась в сопредельный мир и однажды отправился туда. Но вероломный слуга предупредил жестокого нобиля, и произошла катастрофа. Человек, которого я любила, попался в ловушку и был хладнокровно убит. Я же в это время находилась далеко от него... Спасаясь, я попала в большую переделку и чуть не погибла, но судьба помогла мне выжить. Скажу только, что перенесенная мною болезнь и душевное расстройство отняли у меня память.

Один добрый человек вывез меня из зачумленного города и взял под свою опеку. Несколько зим кряду я всерьез считала себя его дочерью. Однако воспоминания постепенно вернулись ко мне. Я решила отомстить и воспользовалась завещанием графа как предлогом. На самом деле оно меня не интересует.

Мой враг оказался хитрее. Он освоился в вашем мире и считал замок своим пограничным поместьем. Его устраивало отсутствие законного хозяина. Я уве-

рена, что придумывая жестокости, которые он обрушил на вас, господин Неизвестность получал удовольствие.

— Получается, что любой из нас на самом деле может оказаться им? — кхитаец поморщился. — Ведь он не может оставаться невидимым, не так ли? Для того, чтобы действовать среди нас, ему нужно принять чей-то облик.

— Совершенно верно, — подтвердила Альвель. — Теперь он точно знает, что я — это я. А мне до сих пор неизвестно, под чьей личиной он скрывается.

— Зато мне известно, — сказал Конан. — То есть, разгуливая по замку он представлялся каждым из нас, по очереди. Уличить его было невозможно. Но я знаю, под чьим обличьем он прячется сейчас. Пора и вам узнать.

С этими словами киммериец трижды хлопнул в ладоши, и по этому сигналу из-за занавеса выпрыгнул... шут Баркэтрас.

— Гоп-ля! — вскричал он. — Два дурака в одной комнате — это слишком!

— Полегче, куманек! — воскликнул его двойник, сидевший за столом. — Количество дураков можно сократить, никто и не заметит!

— Хватит! — рявкнул Конан, поднимаясь. — Ты попался в мою западню. Я подговорил настоящего Баркэтраса затаиться, предположив, что ты заметишь его отсутствие и выберешь именно его обличье.

— Тебе — конец! — закричал Тью, обращаясь к мнимому шуту. Он вскочил, схватил свой стул и, замахнувшись, обрушил страшный удар на шутовского двойника, который ломался и приплясывал в жуткой пантомиме.

Однако в самый последний момент лже-шут увернулся. Ловкость и быстрота его движений пре-восходили возможное. В следующий миг двойник стал выше ростом, а уродливая его голова у всех на глазах стала вытягиваться, преображаться. Загривок взъерошился колючей шерстью, желтый огонек заплясал в глазах. Собакоголовый ощерился и одним ударом когтистой лапы повалил Тью навзничь.

— Вам все равно не поймать меня, — прорычал он. — А я по очереди убью вас всех, и это меня по-забавит. А тебя, распутная дрянь, я убью с особым удовольствием.

— Нет-нет-нет, — проговорил кхитаец, качая головой, словно фарфоровая игрушка. — Удрать у вас не получится. Попробуйте, если хотите.

Собакоголовый клацнул зубами, развернулся, заворчал и на короткую долю мгновения сделался прозрачным, но неожиданно, с сильным хлопком, отлетел к противоположной стене.

— Понимаете, — пояснил Тьянъ-по, — мне удалось прочитать эти письмена.

— Почему же вы раньше не сказали? — поразился стряпчий.

— Мне не улыбалось владеть таким наследством, — вздохнул кхитаец. — Бедному каллиграфу ни

к чему соседство с сопредельным миром. Слишком много суеты. Ну так вот — если прочитать значки в обратном порядке, что я только что сделал про себя, коридор между мирами закроется. Чтобы открыть его, вам придется разгадать шифр. Это несложно, но потребует времени...

— А его у тебя нет! — с этими словами варвар выхватил свой меч. — Поднимайся и дерись, гадина.

Собакоголовый не заставил повторять вызов дважды. Он встал на ноги, встрихнулся, сделался еще больше ростом, причем обрывки шутовской одежды на нем пропали, словно втянулись в плоть, а вместо них засияли белые латы с шипами на наруках и поножах.

— Мелкие гнусные твари! — изрыгнул он. — Сначала я уничтожу вас, а потом пойду войной на ваш гнусный мирок!

И белый латник бросился на Конана, с убийственной силой молотя закованными в броню руками. От соприкосновения доспехов с клинком Конана посыпались в стороны яркие искры. Меч не мог причинить собакоголовому никакого вреда — на латах не оставалось даже царапины. Альвенель закричала, когда господин Неизвестность нанес киммерийцу удар по голове. Конан пошатнулся, но устоял на ногах. Кровь из рассеченного лба заливала ему глаза.

— Крепкая голова, — оскалился белый латник. — Интересно, с какого по счету удара она лопнет?

Варвар сделал вид, будто с трудом переводит дыхание. На самом деле он в уме рассчитывал свои да-

льнейшие действия. Когда собакоголовый кинулся на него, киммериец чуть подался в сторону, одним прыжком вскочил на пиршественный стол и оттуда рубящим ударом дотянулся до незащищенной головы противника.

Господин Неизвестность яростно зарычал, но рык его перешел в визг и поскуливание. Он зашатался и рухнул в агонии.

К завтраку Джокс настолько пришел в себя, что мог прислуживать за столом. Тью тоже чувствовал себя недурно, но глядя на него Конан подумал: «Нескоро этот юнец вернется к своей беззаботности».

— Подумать только, — разглагольствовал Фаррел, — этот мерзавец вчера так хорошо исполнял свою роль, что никто из вас не догадался, в чем дело. Я мирно спал в своей комнате, а он сидел за столом и вешал о законе от моего имени!

— И даже вел следствие, — хмуро подтвердил Тью.

— Как же ему это удалось? Должно быть, вместе с моей внешностью он позаимствовал и мой здравый смысл.

— Очень возможно. — Тьянъ-по улыбнулся. — Есть такая притча. На старости зим достопочтенный Ю повредился в уме. Ему казалось, что он — журавль. Старика поместили в дом призрения, но однажды его увидели гуляющим по улице. Тогда у него спросили: «Почтенный Ю, как вы выбрались оттуда? Там ведь стража у ворот и очень высокий забор. Неужели вы перелезли через него?» Ю отве-

чал: «Я перелетел. Для журавля это совсем не сложно».

— Хорошо бы и нам так повредиться в уме, — хмыкнул стряпчий. — Впереди — несколько недель плена. Помощь раньше не подоспеет.

— Может быть, я смогу починить один из летающих механизмов, — молвил кхитаец. — Но мне бы не хотелось, честно говоря. Изобретения графа, возможно, и хороши, но человечество до них еще не додросло. Если всякий начнет летать по воздуху, нарушая законы природы, такая поднимется суета, что страшно и подумать.

— А зачем Грателло взорвал мост? — вдруг спросил Тью.

— По приказу белого латника, я полагаю. Тому хотелось вдоволь поиграть с нами, прежде чем убить. Для этого нужно было отрезать нас от мира. Следующему владельцу придется вводить в употребление голубиную почту, — сказал Фаррел.

— А почему граф так четко указал время, в которое можно было расшифровывать надпись? — Тью мрачно оживился, в нем проснулось любопытство.

На этот вопрос ответила Альвенель.

— В указанное время коридор между мирами размывается, — сказала она. — Графу не хотелось, чтобы кто-нибудь случайно пострадал. Вот и все. Если бы он знал...

— Я потороплю помочь, — неожиданно произнес киммериец. — Мне надоел этот замок и его тайны. Жаль, что науку и магию нельзя запретить. Все эти

летающие скамейки и прочее не сделают жизнь лучше. Я ухожу.

— Как вы преодолеете пропасть? — удивился Фаррел.

— Спущусь на дно, а потом поднимусь на другую сторону. Это займет пару дней. Жаль только, что коня придется оставить. Ничего, добуду нового.

— Ты ведь мог уйти раньше, — молвила Альвенель, заглядывая в его глаза.

— Не мог. Я иногда нарушаю обещания, но это был не тот случай.

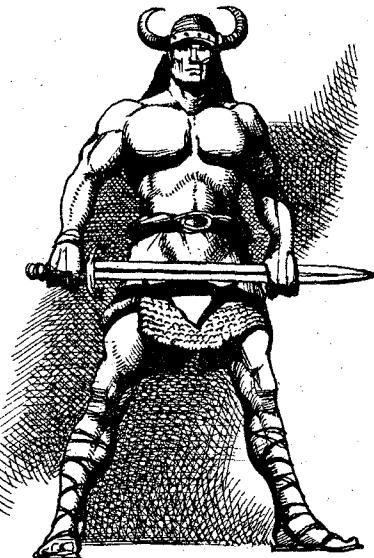
— Я иду с тобой. — Альвенель решительно поднялась из-за стола. — Мне тоже нечего здесь делать. Месть свершилась. Законный наследник — Чан Тянь-по. А господин Фаррел не предъявил мне обвинения. Значит, ничто меня тут не держит.

Их действительно никто не удерживал. Собрав в дорогу свои нехитрые пожитки, оба без сожаления покинули замок Амрок. Пройдя в пути через множество опасных приключений, они расстались у границ Бритунии. Никто из них не знал, доведет ли судьба свидеться еще раз, и они попрощались навсегда.

Замок Амрок стоит и поныне. В найденных документах значится, что Тянь-по уступил его Тью, а тот, в свою очередь, продал замок герцогу. Слуги дожили свой век, и теперь в голых мрачных стенах обитают только сумерки, дождевая сырость и воспоминания.

ОТДАЙ МНЕ СВОЮ МОЛОДОСТЬ

Бескошный караван медленно двигался из царственного Султанапура в Шадизар. Десять верблюдов везли поклажу, тщательно увязанную и украшенную кистями. Далее, запряженная четверкой лошадей, катила по дороге повозка. И какая это была повозка! На крыше колыхался белый пышный султан, окна были забраны тонкими занавесками, полупрозрачными, но непроницаемыми для дорожной пыли. Несколько погонщиков, обванных, смуглых, низкорослых, напоминающих, скорее, разбойников, гарцевали на конях вокруг повозки и верблюдов. Это были заморанцы, которые предпочитали голодать сами, лишь бы сыты и ухажены оставались их лошади. Кем бы ни был хозяин этого каравана, он умел подбирать людей для ухода за животными.

Двое сонных пышнотелых и богато разодетых стражника покачивались в седлах по обе стороны повозки. Эти люди, родом из Турана, служили за плату и были совершенно равнодушны к нуждам своего работодателя. Впрочем, тот, надо полагать, хорошо знал, что делал, нанимая их. Они служили ему не столько для охраны, сколько для представи-

тельства, и всякий, увидевший этих великолепных воинов в расшитых халатах, вооруженных длинными пиками, подумал бы: «Да, вот, должно быть, важный господин едет в этой красивой повозке!».

Именно такая мысль и мелькнула в голове у предводительницы разбойников, что пробиралась горными тропами в пустынной местности между Замором и Тураном. Эта женщина была не слишком молода — ей уже минуло двадцать, а для здешних краев, да еще при таком образе жизни, который она вела с юных зим, это много. Банда досталась ей «по наследству» — от любовника. Сказать по правде, то была весьма жалкая шайка оборванцев, которые промышляли тем, что отнимали зерно и припасы у крестьян, отправлявшихся в город, чтобы заплатить налоги.

Акме — так звали женщину — была рабыней в Заморе. Смуглая, черноволосая и тощая, она ценилась дешево на невольничьем рынке и потому прежний хозяин, торговец тканями, всегда брал ее с собой, когда отправлялся из Аренджуна в Султанапур со своим товаром. Девушка готовила для него лепешки на плоских раскаленных камнях и обслуживала его прихоти. Если ее и украдут, рассуждал купец, то невелика будет потеря.

В конце концов, так и произошло, когда Большой Пузан со своей шайкой встретился ему на караванной дороге. Только потери оказались куда больше, чём рассчитывал купец: все ткани забрали, повозку разломали, а самого хозяина — всего этого добра уби-

ли, потому что он пытался торговаться, требовать «справедливости», совал какие-то жалкие монеты в попытках откупиться и страшно надоел Большому Пузану. «Назойливый был человек» — так он выразился, вытирая саблю об одежду убитого.

Девушка осталась с грабителями. Им не было дела до того, что она почти черна, худа и костлява. Пузану наоборот нравились худенькие. А она оказалась к тому же сметлива, дерзка и не боялась крови. Ее стали брать с собой в дело...

Теперь нет Пузана, нет и большинства прежних его лихих товарищей. Сброд, а не воинство грабителей, но других ей не найти. Акме носила просторные черные шаровары, длинную рубаху, перехваченную поясом, и синий шарф, которым закрывала лицо до самых глаз. Из-под шарфа спадали на спину четыре тонких, длинных смоляно-черных косы, похожих на хлысты. Только по этим косам и можно было угадать женщину, так мало женственного оставалось в худой, гибкой фигурке.

Акме подняла руку. Пятеро грабителей замерли в седлах.

— Пора! — выдохнула предводительница, и они помчались вниз, в долину. Лошади умело выбирали дорогу, ступая по знакомой тропе, которая, если глядеть на нее, не зная, выглядела просто убийственной.

В караване заметили неладное. Роскошные туранские толстяки забеспокоились, зашевелили копытами. Повозка остановилась. Погонщики схватились за но-

жи, кони их ржали и вертелись на месте, вздымая пыль.

Один из охранников пал на месте, не успев даже вытащить копье из держателя. Разбойник, проносясь мимо него, отмахнул на всем скаку мечом, и голова с выпущенными глазами покатилась по песку.

Второй ощерился и выставил копье. Всадник, который убил первого охранника, не успел повернуть коня, и со всего маху насадил себя на копье. Длинное древко словно бы выросло у него из груди.

Конь убитого заржал и поднялся на дыбы, выдергивая копье из рук туранца. Тот ахнул... и остался безоружным. Исход схватки казался предрешенным. Бандиты окружили четверых заморанцев и начали теснить их.

— Сдавайтесь! — звенящим, как медь, голосом выкрикнула Акме.

Заморанцы молча отбивались. И вдруг натиск на них стал слабеть. Кто-то врезался в нападавших с тыла. Двое повалились на песок, не успев издать ни звука, третий с мечом в руке развернулся навстречу неожиданному противнику.

На него глядели два пронзительных синих глаза.

Синие глаза в этих краях считаются дурными. Может быть, потому, что очень редко встречаются. Это на севере матери суеверно скрещивают пальцы и пллюют через плечо ребенка, чтобы его ненароком не испортил черноглазый незнакомец. А здесь, на востоке, такую же реакцию вызывают светлоглазые люди.

Особенно такие — огромного роста, дочерна загорелые, мускулистые, с растрепанными черными волосами. Похожие на дикого зверя.

Зубы блеснули на красивом лице чужака.

— Хочешь один на один? — спросил он на туранском.

Разбойник молча замахнулся саблей. Он не успел пожалеть о своей дерзости. Длинный меч северянина легко отбил удар сабли. Сила этого чужака была неодолимой. Следующий удар длинного меча раскроил голову разбойника вместе со шлемом.

При виде этой неожиданной поддержки заморанцы осмелились и решительно пошли в наступление. Разбойники, которых вместе с Акме оставалось всего трое, начали отходить, стараясь держаться так, чтобы опасный чужак не смог зайти им в тыл.

Один из заморанцев метнул нож. Лезвие вонзилось бандиту между лопаток, и он упал на спину своей лошади. Испуганное животное потащило его прочь. Последний припал к шее коня и стал нещадно погонять его, но тут случилось неожиданное: конь споткнулся о труп стражника, лежащий пополам тропы, и упал.

Разбойник забился, как рыба, выброшенная на берег, в попытках освободить ногу, придавленную боком лошади. Галдя и крича, словно морские птицы, заморанцы подбежали к нему, и один из них пронзил лежащего мечом.

Незнакомец, прищурив синие глаза, наблюдал за расправой. По его лицу невозможно было сказать,

как он к этому относится. По его лицу вообще трудно было что-либо сказать.

Предводительница разбойников почему-то медлила. Наконец она решилась и подъехала поближе к чужаку.

— Кто ты? — спросила она повелительно.

Он молча смерил ее взглядом с головы до ног.

Она сняла шарф с лица. Он продолжал смотреть на нее, неподвижно и безмолвно, словно оценивал прежде чем приступить к торгу. Лошадь заплясала под ней, и девушка машинально погладила ее по шее.

— А ты кто? — спросил чужак.

— Акме.

— Чья ты женщина? — Он кивнул, показывая на трупы разбойников.

— Ничья! — гордо выкрикнула она. — Я была их предводительницей.

Он насмешливо прищурился и покачал головой с шутливым укором.

— Очень некрасиво, — сказал он.

— Как ты можешь осуждать меня! — вспыхнула Акме.

— Некрасиво врать взрослому мужчине, — пояснил незнакомец.

— Это кто здесь взрослый мужчина? — донесся голос из повозки.

Оба как по команде повернулись на звук. Незнакомец прикусил губу, словно досадуя на себя за то, что не догадался заглянуть в повозку.

А голос между тем продолжал:

— Это ты взрослый мужчина? Ну-ну-ну, очень глупо! Я мог перестрелять вас из лука, пока вы тащили друг на друга глаза и разбирались, кто из вас страшнее! Ну, Конан, отвечай! Ведь это ты?

Голос начал казаться Конану очень знакомым. Он приблизился к полуопрозрачному окну и проговорил:

— Да, это я. А это... неужели ты, Тьянъ-по?

Занавеска отодвинулась, и из окна высунулась круглая физиономия ученого кхитайца. С тех пор, как Конан расстался с ним в замке Амрок, прошло несколько зим. За эти зимы киммериец приобрел несколько новых шрамов и стал ощутимо тяжелее, крепче — он входил в возраст зрелости. А кхитаец остался таким же, каким и был, — похожим на подростка, щупленьким и в то же время мудрым какой-то древней, вековечной мудростью, которая всегда оставалась для Конана непостижимой.

— Ну и ну! — сказал Тьянъ-по. — Вот это встреча!

— Ты теперь важный господин, — засмеялся киммериец. — Путешествуешь как богач. Немудрено, что на тебя напали. Почему ты взял только двоих охранников?

— А сколько ни возьми — если уж нападут грабители, то беда! — пояснил кхитаец. — Возьмешь пятерых — убьют пятерых. Лютые люди в этих горах. Мне, Конан, жаль пятерых. Чем меньше людей погибнет, тем лучше.

— Взял бы хоть стоящих, — продолжал Конан. — А то от этих никакого проку! Я все видел. Я был не далеку, когда началось это безобразие.

Он посмотрел в упор на Акме, которая прикусила губу и ответила дерзким взором.

— А тех, от которых есть прок, — тех жалко, — сказал кхитаец.

— У тебя удивительная логика, — фыркнул варвар.

— Кхитайская, — скромно потупился Тьянъ-по. — Я стал богат.

— Почему ты не живешь в замке? Он ведь достался тебе по праву!

— Мне дали за него хорошие деньги. Там отвратительная погода, знаешь? — Кхитаец засмеялся. Глаза его превратились в две тоненькие щелочки. — Правда, перед тем, как уехать, я забрал оттуда кое-какие книги и записи покойного графа Амрок. Изучал их на досуге, кое-что построил.

— Ты же не хотел строить летательные механизмы! — вспомнил Конан. — Боялся за законы природы или что-то в этом роде.

— Зато я построил очень точную клепсиаду, которые умеют замедлять время. Незаменимы для любовников, которым хочется побывать наедине подольше.

Конан поднял брови, но ничего не сказал. Как он уже признавался, логика кхитайца так и осталась выше его разумения.

— Что будем делать? — спросил наконец Конан. — Так и будем здесь стоять и ждать, пока солнце нас расплывит?

— Это было бы слишком по-философски, — согласился кхитаец. — Я направлялся в Шадизар. А ты?

Конан призадумался. Он тоже собирался навестить этот город, который считался раем для воров, город богатых бездельников, голодных и жадных авантюристов, роскошных женщин, томящихся от скуки, — а главное, город несметных богатств, которые тоже любят приключения и охотно переходят из рук в руки. Но рассказывать обо всем этом кхитайцу, человеку преуспевающему и обладающему странным складом ума, не хотелось. Поэтому киммериец в конце концов проговорил:

— Почему бы и нет? Составлю тебе компанию.

— Отлично, — молвил кхитаец и хотел было задернуть занавески, но Конан остановил его:

— Погоди. Последний вопрос — насчет этой женщины.

Узкие глаза равнодушно скользнули по лицу Акме, чуть зацепили шелк у нее на груди. Потом Тьянъ-по проговорил:

— Оставь ее себе, если хочешь. Мне она не нужна.

— Может быть, кто-то из твоих людей захочет предъявить на нее права? — полюбопытствовал киммериец.

Тьянъ-по наморщил лицо.

— Умоляю тебя, Конан! Перестань. Мне совсем не хочется, чтобы ты перебил моих чудных заморанцев. Они так хорошо заботятся о лошадях и верблюдах! Где еще я найду себе таких слуг? Нет уж, скажешь им, что женщину я отдал тебе — и все.

Акме смолчала. Это молчание сказали Конану куда больше, чем слова. В том, как держалась повер-

женная предводительница разбойников, ощущалась давняя привычка к подчинению.

— Ты ведь была рабыней, не так ли? — обратился к ней Конан.

Она сверкнула угольно-черными глазами.

— Может быть!

— Останешься пока со мной, — примирительным тоном сказал ей киммериец.

— Если ты думаешь, что я... — начала она сквозь зубы, но Конан оборвал ее:

— Никогда в жизни, ни одну женщину я не взял против ее воли. В конце концов, я не так уж дурен, чтобы не найти себе подругу. Но если ты не останешься со мной, этим воспользуются бравые ребята из свиты нашего кхитайца.

Акме молчала. Конан похлопал ее по плечу, как будто она была пареньком:

— Это совет, Акме.

Она молча тронула коня и поехала рядом с киммерийцем.

В Шадизаре у Тьянь-по было интересное дело. Один из тамошних ученых по имени Малогай работал над эликсиром вечной молодости и, как он писал своему ученому другу, сильно продвинулся на пути к успеху. В ответном письме Тьянь-по выразил сильное сомнение в этом. Малогай прислал посыльного, который ворвался в роскошный дом кхитайца и выкрикнул: «Мой господин говорит, что он — не хвастун, а ты, уважаемый, — чванливый невеж-

да» — после чего упал без чувств от усталости. Выполняя волю своего хозяина, он скакал к его ученому оппоненту день и ночь, загнал коня и остаток пути пробежал пешком, лишь бы побыстрее сообщить ему порученное.

Тьянь-по осмотрел лежащего, молвил: «Какая преданность!» и распорядился ухаживать за ним получше. А сам начал собираться в дорогу. Что-то не понравилось ему в сообщении Малогая. Слишком уж тот самоуверен. Как бы и в самом деле не оказалось, что эликсир найден.

«Это было бы катастрофой, — размышлял Тьянь-по. — Конечно, такое снадобье стоило бы очень дорого. Оно было бы по карману только богачам и правителям, большая часть из которых заслуживает не вечной молодости, а скорейшей кончины. Очень-очень плохо»

Однако, будучи настоящим ученым, Тьянь-по предпочел явиться в Шадизар лично и разобраться во всем на месте. Поэтому он взял несколько книг, незаконченный трактат «О свойствах времени», над которым время от времени работал, прихватил в подарок коллеге чистых пергаментов и связку кхитайской рисовой бумаги, погрузил все это на верблюдов — и отбыл.

Нападение разбойников не обескуражило его. Он знал, что в любом случае отнять у него могут только его жизнь. А жизнь кхитайца, с точки зрения грабителей, стоила очень мало. К тому же он верил, что не умрет раньше, чем иссякнет отпущененный

ему богами срок. Эта идея подробно была разработана им в трактате «О свойствах времени». Появление Конана, столь своевременное и как будто случайное, лишний раз доказывало, что ххитаец прав: никто не может присвоить твое время, если оно твое (таков был один из тезисов его сочинения).

Шадизар предстал перед путешественниками в лучах заката — прекрасный город с высокими разноцветными башнями. Солнце окрашивало позолоченные шпили в кровавый цвет, играло на золотых бусинах, обвивающих круглые купола, бросало отблески там, где в окна были вставлены хрустальные пластины. Великолепие Шадизара каждый раз поражало путника — независимо от того, как часто это зрелище открывалось его глазам. И Конан, который видел Шадизар далеко не впервые, остановился, заороженный. Город, как распахнутая шкатулка с драгоценными камнями, пылал в ярких красках пышного заката.

Акме смотрела на него, полуоткрыв рот, как ребенок. Конан увидел, что в ее расширенных блестящих зрачках отражаются городские башни. Девушка показалась ему колдуньей, так странно горели ее глаза. Впрочем, он тотчас отбросил эту мысль как заведомо глупую. Будь она колдуньей, она не стала бы связываться с этими жалкими грабителями. Нашла бы себе что-нибудь поинтереснее.

«А может быть, и нашла», — мелькнуло у него в голове. Но размышлять на эту тему было сейчас некогда. Маленький караван становился на ночлег,

чтобы войти в город утром. Тьянъ-по был состоятельный и важным человеком, ему совершенно не хотелось пробираться по темным улицам и расспрашивать прохожих о том, где здесь дом ученого Малогая. К тому же он хотел произвести впечатление на коллегу своей повозкой, эскортом и верблюдами, а в темноте все это великолепие просто пропадет.

Тьянъ-по остался ночевать в повозке. Там у него имелось шелковое одеяло, маленькое полено, которое он подкладывал себе под голову, и колючая плетеная циновка. Конан не представлял себе, как человек может спать в таких условиях, однако маленький ххитаец преспокойно подсунул полено под шею, вытянулся на циновке и тотчас мирно заснул.

Акме не отходила от Конана ни на шаг. Она снова замотала лицо шарфом, но глаза ее так и двигались, следя за заморанцами. Когда киммериец устроился возле костра, девушка молча легла рядом с ним. Конан хозяйски сгреб ее за плечи и прижал к себе. Так они и проспали всю ночь.

Прикосновение к Акме не понравилось киммерийцу. Она была костлявой и горячей — слишком горячей, как будто ее снедает внутренний жар. Однако девушка ничем ни хворала. Конану показалось, что он обнимает какое-то животное, маленькое, верткое, молчаливое. Утром он поскорее встал и отошел от нее подальше.

— Ты изменился, — заговорила она, приближаясь к нему. — Почему ты изменился ко мне, господин?

— Для начала, я тебе не господин, — сказал киммериец. — Избави меня Бэлит от такой рабыни! Кто ты такая, Акме?

— Не знаю, — сказала девушка и заплакала под своим покрывалом.

Ее слезы вызвали у Конана отвращение. Он попытался скрыть это, отвернувшись, однако Акме что-то почувствовала и больше к нему не приближалась.

Шадизар встретил их праздничным шумом. Здесь всегда царило веселье. Ревели быки и верблюды, ржали лошади, вопили упрямые ослы. Люди кричали, смеялись, бралились, расхваливали свой товар, шумно требовали денег, вина, справедливости, восхищались походкой и взглядом проходящей мимо красотки, стяжами лошади, искусной огранкой драгоценного камня... А запахи! Запахи пряностей, жареного мяса, раскаленных углей, свежевытканного полотна, сладкого женского пота, густых и тягучих благовоний, конского навоза, розовой воды... Чем только не пахнет в Шадизаре! Этот город оглушал и опьянял. Тьянъ-по, сидя в повозке, нюхал высущенную лилию, обладающую тонким, легким, изысканным ароматом, а уши заткнул тряпочками.

— Здесь все для меня слишком пряно, — пояснил он, когда Конан заглянул к нему в окно. — Попроси возницу, чтобы поскорее доставил нас к дому Малогая.

Но «поскорее» не получалось, и повозка с верблюдами медленно тащились по запруженным улицам.

Дом Малогая стоял в восточной части города. Из окон верхних этажей открывался прекрасный вид на башни, зато нижние комнаты смотрели прямо на мусорную свалку и глухую стену соседнего дома. «Что поделаешь, — оправдывался Малогай, — мы живем в большом городе. Где много людей, там много мусора».

Конан не мог с ним не согласиться.

Малогай был полной противоположностью Тьянъ-по: рослый, грузный, вечно потеющий лысый человек в засаленном парчовом халате. Чистенький и скромный Тьянъ-по рядом с ним как-то терялся.

Но только до тех пор, пока они не начинали разговаривать. Как хорошо было известно Конану, кхитаец никогда не лез за словом в карман и спорить с ним было опасно. Тут уж внушительный Малогай терялся и даже как будто становился меньше ростом.

Правда, из их ученых споров киммериец не понимал ровным счетом ничего...

Малогай очень обрадовался гостям, велел слугам, чтобы те разместили их на верхнем этаже, подали фруктов, вина и сладких булочек с изюмом, а также принесли благовонные палочки и розовую воду. Все это было доставлено. Слуги, сгорающие от любопытства, входили к гостям по очереди. Один принес корзину с яблоками, поглязел украдкой на пришельцев — странную пару представляли собой рослый киммериец и маленький кхитаец — и удалился. Но не успел опуститься за ним тяжелый бархатный за-

навес, как на пороге комнаты робко возник второй — с персиками на блюде и вином в кувшине. Третий слуга доставил ароматические угольки и палочки.

Конану надоело это паломничество. Он схватил слугу за плечо.

— Приходите уж сразу все. Сколько вас тут?

Слуга чуть дернулся, словно пытаясь высвободиться, но хватка у киммерийца была железная, и слуга обмяк.

— Нас, господин? — переспросил он, глупо моргая. — Нас тут... десять. То есть... если считать женщин. А конюхи...

— Никаких конюхов! — велел Конан. — Пусть придут сразу десять слуг. Быстро!

Для внушительности он взревел страшным голосом и выпустил плечо. Слуга мгновенно скрылся. Кхитаец смеялся, беззвучно трясясь и щуря глаза. Он сидел на стопке ковров у стены, под нишней, где стоял медный кувшин — единственное украшение этой комнаты, — и прихлебывал холодное вино из широкой плоской чашки. Конан мрачно сжевал персик, подошел к окну и выплюнул туда косточку.

Тем временем у занавески послышалось шуршание и тихое перешептывание. Конан повернулся в ту сторону и гаркнул:

— А ну, все вошли! Живо!

Слуги один за другим показались в комнате. Конан прошелся перед ними, как полководец перед строем солдат перед битвой.

— Итак, — заговорил он громким, рыкающим голосом, — вы явились сюда для того, чтобы поглазеть на гостей своего господина. На огромного великана и крошечного карлика. Оба — страшные уроды. Так вам сказали? — Он повернулся к слугам, выпучил глаза и оскалил зубы. — Признавайтесь, жалкие недомерки!

Вперед на подгибающихся ногах вышел пожилой слуга в дорогом халате — куда более чистом и новом, чем у Малогая.

— Нет, господин, — заговорил он, кланяясь. — Нам сказали, что к нашему хозяину приехали диковинные чужеземцы.

— Увидели? — вопросил Конан.

— Да, господин, — трясущимися губами вымолвил пожилой слуга.

— Вон отсюда! — крикнул Конан так, что кувшин в нише зазвенел и долго еще не мог успокоиться. Любопытных слуг как ветром сдуло.

Конан обернулся к Тьянъ-по, страшно довольный своей шуткой. И тут только он увидел, что ученый кхитаец скорчил невообразимо ужасную рожу, широко растянув длинный рот, сузив глаза и раздув ноздри.

И ученые коллеги с наслаждением погрузились в свои многочасовые споры о сущности времени и способах воздействия на последнее. Малогай полагал, что сумел подобрать состав эликсира, который позволяет изменить состав тела человека настолько,

ЧТО ЭТОТ ЧЕЛОВЕК НАЧИНАЕТ ЖИТЬ КАК БЫ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ И ПОЭТУМУ НЕ СТАРЕЕТ. ТЬЯНЬ-ПО ДЛЯ НАЧАЛА ВЫДВИНУЛ МНОЖЕСТВО ВОЗРАЖЕНИЙ, ОСНОВАННЫХ НА ГЛУБОКОМ ЗНАНИИ СВОЙСТВ ВРЕМЕНИ. В ЧАСТИНОСТИ, УТВЕРЖДАЛ КХИТАЕЦ, ВРЕМЯ МОЖЕТ БЫТЬ ЗАМЕДЛЕННО, НО ОЧЕНЬ НЕНАДОЛГО, НА КОЛОКОЛ ИЛИ ДВА. И СОСТАВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА ТУТ НИ ПРИ ЧЕМ, ВАЖНА РЕАКЦИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НА ДАННОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО...

Конан был не в состоянии и нескольких мгновений выслушивать эти разговоры. Для себя он определял проблему так: толстяк в грязной парче придумал шарлатанское зелье и хочет продавать его подороже, а кхитаец отказывается состряпать для этого пойла наукообразную книгу, которую можно было бы распространять среди глупых шадизарских богатеев...

Конечно, рассуждал сам с собой Конан, надуть здешних толстосумов — святое дело. Но, с другой стороны, у Тьянь-по имелось собственное понятие о чести. И это понятие не позволяло маленькому ученику идти против совести. Он служил науке, как умел, и делал это совершенно честно.

Киммериец счел за благо не вмешиваться в отношения двух ученых мужей. В конце концов, у киммерийца и собственных дел по горло. И первое из них — Акме.

Чем больше он думал об этой девушки, тем больше она его настораживала. А она, как назло, не отходила теперь от него ни на шаг. Проведя ночь на кухне, у порога комнатки, где спала стряпуха, она

выбралась во двор и подстерегла Конана возле коноюшни.

— Я еду в город, — предупредил киммериец. — У меня там дела. И мне не нужны провожатые.

— Возьми меня с собой, господин! — взмолилась Акме.

— Сиди дома! — велел Конан грозно. Он заметил в дверном проеме Тьянь-по, который делал ему какие-то таинственные знаки и усиленно гримасничал, кивая круглым сморщенным в ухмылке лицом.

Киммериец бросил Акме и быстрым широким шагом приблизился к Тьянь-по.

— Что? — спросил он шепотом.

— Важный разговор! — отозвался ученый кхитаец и поднял вверх тонкий палец, измазанный тушью.

Они прошли во внутренний дворик — гордость апартаментов Малогая. Там имелся небольшой сад, за которым тщательно ухаживали, а в центре, орошая зеленую клумбу, бил небольшой фонтанчик.

— Лучшего места для секретов не найти, — молвил Тьянь-по. — Послушай-ка меня, Конан, я напакнулся на очень неприятное дело...

— Куда ни погляди в этой бренной жизни, повсюду отыщется неприятное дело, — заметил Конан.

— О! — воскликнул Тьянь-по, изобразив удивление. — Неужто и тебя поразила мудрость высокочтимого Лу Ку, который написал в своем трактате «Увядающий цветок»: «Один человек купил обезьяну, чтобы она красила дни его старости, — но что же?...»

— К делу! — перебил Конан, которому совершенно не интересно было слушать про кхитайскую обезьяну. — Я хочу выбраться в город. Что ты там обнаружил?

— Мне кажется, ты мог бы помочь мне...

И они углубились в разговор. Поначалу говорил один кхитаец, быстро, отрывисто, нанизывая слово на слово, точно бусинки на нитку, а Конан слушал и делался все мрачнее и мрачнее. Потом Тьянь-по замолчал, и тогда настал черед киммерийца. Он произнес всего одну фразу, но эта фраза заставила Тьянь-по расплыться в улыбке. Ученый похлопал Конана по плечу и быстрыми шажками удалился в дом, а Конан вернулся к конюшне.

Акме все же увязалась следом. Когда он смерил ее грозным взглядом, она украдкой показала ему кинжал, спрятанный в одежде.

— Я могу быть тебе полезной, — тихо сказала она одними губами, но он ее понял и махнул рукой:

— Ладно.

Особенных «дел» в Шадизаре у Конана как будто не было. Для начала он побродил по рынку, ненароком спрашивал о знакомых ворах. Кто-то давно покинул Замору, кое-кого колесовали на площади. Несколько человек погибли в схватках с городскими стражниками. О новых личностях, процветающих ныне в Шадизаре, Конану рассказывали скучно и неохотно. Побаивались. Однако киммериец выглядел силачом-простофилей, поэтому в конце концов ему выложили почти все.

Среди местных воров сейчас заправляет некий Сардар, личность темная и мрачная. Поговаривали, будто он умеет связываться с духами умерших. И будто бы эти духи, под воздействием разного колдовства (а Сардар знает много заклинаний), выкладывают грабителю все, что знают, о семейных сокровищах. Где хранятся реликвии, где сделаны тайники, какие драгоценности имеют очень большую цену, а какие представляют собой дешевую поделку. Сардар — так сказали Конану — наносит удары редко, но всегда попадает точно в цель, и если уж он решится кого-нибудь обокрасть, то берет всегда наилучшее и действует безошибочно.

Все это очень не понравилось Конану. Такие люди, как этот Сардар, терпеть не могут чужаков, орудующих в «их» городе. Они присваивают себе всю добычу и ревниво ее охраняют от посторонних. А Конан не отказался бы сейчас от хорошего фамильного ожерелья. Или от десятка золотых браслетов. Деньги никогда не задерживались в руках киммерийца, какими бы крупными и сильными ни были его ладони.

Акме, которая повсюду следовала за ним, ежилась и плотнее куталась в свой шарф, когда киммериец заговаривал с шадизарскими ворами. Вероятно, кое-кто из местных грабителей знал ее по лучшим временам, подумал Конан, и ей не хочется, чтобы знали о ее поражении. Разузнав все, что хотел, Конан зашел в маленькую таверну на краю рыночной площади и взял вина для себя и своей спутницы.

— Тебе все равно не удалось бы удержать при себе банду, — сказал ей Конан, желая утешить девушку. — Ведь после смерти твоего мужчины разбежались почти все, не так ли?

— Трусы, — прошептала она. — Он собирал себе отряд не так, как другие предводители. Он брал только тех, кто от него зависел. Тех, кому спас жизнь, кого купил на невольничьем рынке или кого пощадил во время набега. Он думал, что они будут ему преданы. А потом, умирая, взял с них слово, что они станут служить мне.

— Никогда не предполагал, что Большой Пузан был столь наивен, — вздохнул киммериец.

Акме сверкнула глазами.

— Он связывал их заклятием, — сказала она тихо. — Поэтому они и подчинялись ему. Ну, теперь ты услышал все, что хотел, не так ли? Когда его убили, сила заклятия постепенно ослабла...

— Ясно, ясно, — прервал киммериец. — Избавь меня от подобных разговоров. Если бы Большой Пузан был жив, я лично прикончил бы его. Ненавижу, когда является какой-то умник и при помощи чар забирает у тебя волю.

Девушка промолчала. Конан сердито выпил свое вино и заказал еще. Он обдумывал, как ему лучше встретиться с Сардаром.

Но, как выяснилось, Сардар уже все решил за них обоих, и вскоре к Конану за стол подсели двое. Оба обладали неприметной внешностью и к тому же прятали свои лица в тени.

— Ты спрашивал о человеке по имени Сардар, — тихо проговорил один из них. — Мы можем познакомить тебя с ним.

— Еще есть время остановиться, — добавил второй. — Если сегодня до закрытия ворот ты исчезнешь из города, то Сардар забудет о том, что ты интересовался его делами.

— Нет, нет, — неспешно отозвался Конан. — Мне очень интересно, не сомневайтесь. Сейчас допью вино, и пойдем.

— А это кто? — кивнул бандит в сторону Акме.

— Мой слуга. Молчаливый парнишка. По правде сказать, совсем молчаливый — у него отрезали язык.

Бандит взял в руки одну из кос Акме и выразительно цокнул:

— А это что?

— Волосы, — сказал Конан. — А ты что подумал?

— Женская прическа.

— Говорю тебе, это парень! — рассердился Конан. — И у него НЕТ ЯЗЫКА. — Последние слова он особенно подчеркнул, адресуя их, скорее, Акме, чем своим собеседникам.

Все четверо встали и направились к выходу из таверны.

— Вероятно, существует возможность усиливать воздействие эликсира молодости на личное время каждого человека за счет личного времени другого человека, — говорил Малогай.

Узкие глаза Тьянъ-по вдруг округлились.

— Ты хочешь сказать, что... нашел способ забирать время у одного и отдавать другому? — прошептал он, словно не веря услышанному.

— Приблизительно так, — важно кивнул Малогай.

— Но ведь это безнравственно, — сказал кхитаец очень спокойным тоном.

— Возможно. Пользуемся же мы услугами рабов, — возразил Малогай. — Мы забираем личное время у наших слуг и за счет этого увеличиваем собственное свободное время. Более того. Нанимая стражников, мы отдаляем себе отчет в том, что они обязаны умереть вместо нас в случае нападения разбойников.

Тьянъ-по, который совсем недавно пережил именно то, о чем говорил Малогай, молча кивнул. Однако в рассуждениях своего ученого оппонента он ощущал нечто крайне неприятное.

— Все-таки эти люди живут свою жизнь, — сказал Тьянъ-по наконец. — Даже если они тратят ее на то, чтобы обслуживать нас. А забирать молодость — даже у никчемного, глупого раба... Нет, как хочешь, но это безнравственно. И кроме того, чужое добро никогда не приносит пользы. Послушай одну притчу, которая тебе все объяснит. Два человека делили наследство и никак не могли решить, кому взять большой горшок, а кому — маленький. Оба, разумеется, хотели получить большой. Когда они пришли к правителю, он велел: «Следует разделить наследство пополам. Разбейте оба горшка и раздайте обоим на-

следникам черепков поровну». Возможно, так получится и с разделенной молодостью.

— Чисто механистический подход! — возмутился Малогай. — Механистический и умозрительный. Я предлагаю поставить эксперимент!

— Согласен, — медленно кивнул кхитаец. — Кто участвует?

— Между прочим, у меня длинный список шадизарских вельмож и богачей, — хвастливо заметил Малогай. — Все они умоляют меня продлить им жизнь. Любой из них готов попробовать эликсир хоть сегодня.

— А у кого ты намерен забирать время?

— Найдем, — уверенно сказал Малогай. — Главное — начать. Я хотел бы, друг мой, чтобы ты вел записи.

— Моим наилучшим каллиграфическим почерком, — заверил его Тьянъ-по.

Сардар обитал в убогой покосившейся лачуге, стоявшей на окраине Шадизара, среди мусорных куч и дешевых притонов. Однако стоило Конану переступить порог, как он поневоле зажмурился от яркого света. Внутри лачуга выглядела совершенно иначе, чем снаружи. Ее стены оказались каменными. Снаружи их облепляла грязная солома, но это оказалась просто маскировка. С потолка на тонких цепочках свисали медные лампы, заправленные лучшим маслом. Отполированные бока ламп отбрасывали яркие искры, все блестело и переливалось. Чисто

выбеленные стены были украшены золотыми кувшинами и кальянами для курения, стоявшими в многочисленных нишах, а под нишами стопкой лежали красивые султанапурские ковры.

Полуобнаженные девушки подбежали к гостям и принялись виться вокруг них, одаряя Конана обольстительными улыбками. Киммериец ласково щипнул одну из них за бедро, она рассмеялась, закрыла лицо в притворном смущении и убежала.

Навстречу посетителям встал Сардар. Это был жилистый невысокий человек, такой смуглый, что казался плохо умытым. В его ушах качались массивные золотые серьги, курчавые волосы перехватывала головная повязка, украшенная золотыми подвесками в виде маленьких лошадей и быков.

Он сделал приветственный жест. Конан не заставил повторять дважды — уселся на ковры, скрестив ноги. «Немой мальчик» встал за спиной у своего «хозяина». Сардар лишь бегло смазал его взглядом и устремил все свое внимание на огромного киммерийца.

— Вина? Фруктов? — любезно проговорил он. Холодный изучающий взгляд странно контрастировал с приветливым тоном его голоса.

— Благодарю, — неопределенно ответил Конан. — Ты хорошо живешь, Сардар, — добавил он, выразительно осматриваясь в жилище бандита.

Тот пожал плечами.

— На меньшее не согласился бы никто, — сказал Сардар. — Меньшее не достойно человека.

— Шадизар — прекрасный город, — уклончиво произнес Конан.

— Мне доводилось видеть другие города, но лучше Шадизара я не встречал, — согласился Сардар.

— В Шадизаре человек может позволить себе хорошее жилье, — сказал Конан.

— Еда может быть скучной, одежда — простой, но жилье должно радовать, — сказал Сардар.

В таком духе они обменивались любезностями еще некоторое время, а потом Сардар решил перейти к делу.

— Я слышал, ты прибыл в город вместе с ученым кхитайцем?

— Не могу отрицать, — произнес Конан.

— И этот кхитаец, как говорят, остановился в доме ученого Малогая? — продолжал Сардар.

— И это невозможно опровергнуть, — молвил Конан.

Сардар рассмеялся, сверкнув зубами, и ударил киммерийца жилистой рукой по плечу.

— Вот это речь учитного человека! Однако скажи мне, незнакомец, наверное, ты слышал нечто, что поможет украсить мое жилище и создать твое?

Конан посмотрел прямо в глаза заправиле шадизарских воров.

— Эликсир вечной молодости, — произнес он.

Они посмотрели друг другу прямо в глаза и начали улыбаться.

Вечером этого дня Конан и Тьянъ-по имели продолжительный разговор. Маленький кхитаец рассказывал об открытии своего шадизарского коллеги и его грандиозных планах, а огромный киммериец повествовал о Сардаре и его «скромном жилище».

— Ты можешь обокрасть какого-нибудь богача, — говорил Тьянъ-по, очень волнуясь, — и если ты не попадешься на краже и не будешь повешен, то ничего в мире не изменится, ни для тебя, ни для богача. Ты обеднеешь так же быстро, как богач опять обогатится. Но этот эликсир вечной молодости будет отбирать у людей то, что никогда не сможет к ним вернуться. Нет-нет-нет, это следует остановить.

— Как? — спросил Конан. — Я знаю только один способ: Малогая убить, его зелье выпить, а книги сжечь. Я всегда так поступаю с колдунами.

— Малогай — не колдун, а ученый, — возразил Тьянъ-по. — И есть другой способ. Вот послушай.

Жил один слепец, который хотел попасть на небо. Однажды над ним решили подшутить и сказали: «Мы только что побывали на небе — как там хорошо! Там журчит вода, поют женщины, топают небесные лошади. Там очень красиво. Жаль, что ты не можешь этого увидеть». — «Но я хотя бы услышу все это», — сказал слепец, и шутники, взяв его под руки, повели его куда-то. Они привели его на высокий холм. Под холмом женщины стирали белье, пели и стучали вальками. «Вот там — небесное царство», — сказали шутники. Слепец слушал и говорил: «Какие удивительные звуки я слышу на небе!»

— К чему ты это рассказал? — спросил киммериец.

— К тому, что человек верит в то, во что хочет верить, — ответил Тьянъ-по. — Главное — половчее его обмануть.

Они долго обсуждали детали своего плана и разошлись по кроватям, когда было уже далеко за полночь, и белая луна высоко стояла в роскошном бархатном небе над Шадизаром.

Первый эксперимент Малогай решился провести над самим собой, а в качестве человека, который отдаст ему свою молодость, был избран Сардар. Малогай считал, что затеял дело одновременно и полезное — ибо что может быть полезнее, чем избавить общество от такого головореза, как Сардар? — и выгодное, поскольку вечная юность оставалась недостижимой мечтой человека на протяжении многих тысячелетий. А когда в Шадизаре увидят, к чему привели эксперименты Малогая, богачи валом повалят к нему в дом и принесут ему огромные, несметные сокровища. «Я буду юн, прекрасен и богат!» — заключил он, глядя на Тьянъ-по блестящими, счастливыми глазами. Малогай так увлекся своими мечтами, что даже не удивился тому, что кхитаец не проявляет ни малейшей зависти и не пытается ухватить хотя бы малую толику счастья, выпавшего на долю коллеги.

Что касается Сардара, то он лелеял совершенно иные планы. Он намеревался представиться вымышленным именем и явиться в дом ученого под

личиной богатого торговца солью — так он условился с Конаном. С собой он брал всего трех своих людей, полагаясь на собственную силу и ловкость. Когда глупый Малогай поделится с ним своим открытием (а Сардар справедливо полагал, что вид больших денег развязывает ученому язык), главарь шадизарских воров завладеет орудием беспредельной власти. Ради эликсира вечной молодости сильные мира сего лягут к его ногам, как покорные овечки. И тогда... При одной мысли об этом «тогда» у Сардара начинала кружиться голова, и губы его растягивались в пьяной улыбке.

Визит «торговца солью» происходил ночью, под покровом таинственности. Несколько темных теней произнесли несколько условленных фраз, после чего двери в дом Малогая приотворились, и тени проникли внутрь. И вновь воцарилась тишина на улицах спящего Шадизара.

Трое бандитов остались внизу, среди слуг Малогая. Сардар, закутанный в белое просторное покрывало, медленно поднялся по витой лесенке и оказался на втором этаже. Молчаливый слуга проводил его в господские покои. По пути Сардар быстрым, цепким взглядом осматривался по сторонам, но ничего стоящего не обнаруживал. Судя по всему, Малогай жил не бедно, но сокровищ не накопил и все свои деньги тратил на еду и содержание дома.

Комната, где ученый ждал своего посетителя, была обтянута войлочными драпировками, так что внутри напоминала шатер кочевника. Сардар мгно-

венно понял, для чего это сделано: ни один звук не доносился отсюда наружу. Умно, подумал вор. И недальновидно со стороны Малогая. Потому что никто не придет ему на помощь, когда настанет время Сардaru завладеть ключом к безграничной власти.

Малогай встретил своего гостя сидя на подушках в углу. Он даже не поднялся, поскольку был занят последними приготовлениями. Маленький ххитаец в скромной черной одежде смирно сидел за плечом ученого — Сардар заметил его, но решил не принимать во внимание. Ххитаец держался очень тихо и производил впечатление слуги или помощника. Убить шуплого коротышку не составит труда.

В другом углу комнаты на коленях стояла молодая женщина, закутанная в прозрачный голубой шелк. Сардар плохо понимал, для чего здесь нужна женщина. Возможно, для того, чтобы клиент, завладевший вечной молодостью, мог сразу по достоинству оценить полученный дар.

— Приступим, уважаемый, — начал Малогай торжественно. — Времени мало. Луна вступила в свою полновесную фазу и скоро начнет терять жизненную силу.

Сардар кивнул, приняв важный вид. Он уселся, скрестив ноги, на маленьком коврике, расставленном прямо в центре комнаты, расслабился, как ему по рекомендовали, и принял из тонких рук женщины плоскую чашу из очень простого фаянса. В чаше плескалась какая-то жидкость, на вид напоминающая ячменное пиво.

— Прошу тебя, уважаемый, выпей, — прошептала женщина.

Сардар медленно провел по ней взглядом. Она вдруг показалась ему знакомой. Не то чтобы он знал ее когда-либо — нет, скорее, он видел ее, причем совсем недавно. Но размышлять над этим не было времени. Ни одна женщина не играла важной роли в жизни Сардара.

Малогай прикоснулся к какому-то прибору, похожему на водяные часы, и перевернул колбочку. Вода, окрашенная красным, медленно потекла по узкой трубке. Кхитаец зажег благовонную палочку, и комната наполнилась странным запахом. Улыбаясь, Сардар поднес к губам чашу. Кинжал, спрятанный под одеждой, приятно холодил кожу. Его прикосновение радовало, как рукопожатие верного друга.

Тепло пробежало по жилам Сардара. Он закрыл глаза, откинул голову назад и стал ждать. Что-то происходило с его телом. Монотонно напевал Малогай, вода капала в клепсидре — громко, слишком громко падали капли, красные и тяжелые. В висках оглушительно стучала кровь. Кожа на лице то растягивалась, то вдруг сморщивалась. Сардар чувствовал, как жизненная сила течет по его телу... течет... вытекает!

Он открыл глаза. Свет в комнате как будто потускнел. Женщина, которая вызывала у него хищный интерес, теперь показалась ему скучной, как досадное недоразумение. А Малогай вдруг раздулся и сделался очень розовым и гладким. Пухлые его руки

сильно тряслись, губы приоткрылись, как у слабоумного, покрасневшие глаза наполнились жидкими слезами.

Сардар вскочил на ноги и вдруг понял, что его ноги, прежде такие сильные и крепкие, не желают его слушаться. Он сделал шаг и едва не упал. «Я слишком быстро омолодился, — подумал он в смятении. — Я еще не владею собственным телом. Вот в чем дело».

С Малогаем явно творилось неладное. Кряхтя и задыхаясь, он приподнялся над подушками и упал. Кхитаец наблюдал за происходящим с бесстрастным лицом, похожий не на человека, а на маленькую бесчувственную обезьянку. Малогай забарахтался на полу, выкрикивая бессвязные проклятия.

— Что ты сделал? — разобрал Сардар. Он вдруг понял, что ученый обращается к этому неприятному кхитайцу. — Что ты натворил, а? Почему?

Кхитаец молчал. Молчала и женщина. Что-то странное происходило и с ней. Она делалась выше ростом, лицо ее непрерывно менялось, в глазах вспыхнуло пламя... Настоящее пламя! Сардар видел, как они сделались красными и провалились в орбиты. Волосы женщины взметнулись, покрывало упало на пол, и она наступила на него босой ногой. Черное худое тело женщины больше не было человеческим. Его лизали языки пламени.

Она раскинула руки в стороны. Огонь свисал с ее рук, словно плащ, но ничто в доме не загорелось. И вдруг женщина засмеялась.

Это был звонкий счастливый смех свободного существа.

— Так вот ты кто! — послышался голос, и в комнате показался киммериец. Сардар метнул взгляд в его сторону: Конан, скрывавшийся за занавесом, выступил на середину комнаты и приблизился к пылающей женщине. — Ты — огненный дух!

А она глядела на него пламенными очами и смеялась, смеялась.

— Как вышло, что тебя поймали и заточили в теле невольницы?

— Не знаю! — хотела огненная дева. — Не помню! Не хочу знать!

— Это сделал Большой Пузан?

— Нет! Тот человек умер! Не хочу помнить!

— Конан, — громко произнес кхитаец, вмешиваясь в разговор варвара с освобожденным духом. — Погляди-ка на наших друзей. Кажется, они сильно недовольны друг другом.

Действительно, Сардар наконец обнажил кинжал и шатаясь приблизился к Малогаю, а тот сжал в кулаки жирные слабые руки и принял угрожающую позу.

— Ты обманул меня! — сипло проговорил Сардар. Теперь, когда процесс завершился, он превратился в дряхлого старца. Не добравшись до Малогая, он остановился и закашлялся, тряся длинными седыми волосами.

— Что... что ты сделал? — обратился Малогай к кхитайцу. Он выговаривал слова, странно булькая.

Малогай сделался теперь немощным и расплывшимся, и было видно, что за эти несколько мгновений он постарел на два десятка зим.

— Я? — изумился кхитаец. — Почти ничего. Кое-чем воспользовался, кое-что подкрутил, изменил состав... Ты не имел права забирать молодость у одного человека и передавать ее другому! Я предупреждал тебя об этом. А Конан и его горячая подруга мне чуть-чуть помогли. Вот и все.

Пока старцы пытались убить друг друга, еле двигая слабыми руками, Конан, Тьянъ-по и огненный дух покинули комнату.

— Вещи я уже собрал, — сообщил кхитаец. — Времени у нас нет.

— Вы — мои друзья, — произнесла огненная дева. Ее звонкий голос исходил не из губ, но доносился изнутри языков пламени, как бы зарождаясь в самом сердце костра. — Что я могу для вас сделать?

— Это обязательное условие полного освобождения духа, — пояснил Тьянъ-по. — Прежде я только читал об этом в одном ученом трактате... Кажется, «Дух воздуха превращается в госпожу».

— Ясно, — перебил Конан.

— Ты очень тороплив, — укорил его кхитаец. — Следует внимательно относиться к наследию прошлого. Освобожденный дух должен помочь своим освободителям. Милая Акме! — обратился он к духу. — Просим, тебя: перенеси меня, Конана, все наши вещи и верблюдов...

— И повозку, — вставил варвар.

— Не перебивай! — возмутился Тьянъ-по. — И повозку... Перенеси нас со всеми этими вещами в мой дом в Султанапуре!

И не успел он закончить последнее слово, как все вокруг завертелось, и исчезло, словно они с киммерийцем провалились в глубокий, обмороочный сон.

Дом Тьянъ-по в Султанапуре был просторным, но убранным очень скромно. Большую часть имущества кхитайца составляли книги и различные приборы. Кроме того он питал настоящую страсть к посуде, однако позволял себе держать в доме лишь несколько чрезвычайно ценных чаш. «Чем меньше у тебя сокровищ, тем более ценные они для тебя, — объяснил он. — Я могу созерцать их часами, и они позволяют мне поддерживать дух в должной чистоте».

Конан ничего не понял из этих объяснений. Дух огня весело разгуливал по всему дому, то вылетая из окон, то развлекаясь с растопленной жаровней.

— Осторожней, — беспокоился Тьянъ-по. — Тут везде книги!

— Нужно покончить с нашими желаниями, — сказал Конан. — Оха, вероятно, исчезнет после того, как выполнит определенное количество наших желаний.

— В таком случае, — произнес Тьянъ-по, — милая Акме, достань мне, пожалуйста, трактат кхитайского ученого Бу Пу «Устройства для обжига фарфора». Тот, что со схемами и тысячью рисунками. Он

хранится во дворце императора... Все равно никто не читает эту книгу, а мне она необходима.

Пламенеющая дева рассмеялась откуда-то из садика, где Тьянъ-по держал не клумбы с цветами, а... камни. Впрочем, там рос и какой-то искривленный кустик, который, по уверению хозяина дома, весной покрывался белыми цветами. «Он напоминает мне о скорой преходящести земной жизни», — сказал кхитаец.

Книга хлопнулась откуда-то с потолка. Она была горячей, почти раскаленной, и кхитаец обжегся, когда схватил ее в жадном нетерпении.

— Боги! — застонал он. — Это она! Много зим я вожделел ее, много зим я не спал ночей, мечтая о том, чтобы прикоснуться к ней хотя бы на миг!

— А если сюда явятся люди императора, чтобы отобрать ее у тебя, а тебя предать казни? — спросил Конан.

Кхитаец поглядел на своего спутника хитро.

— Вряд ли они догадаются, куда она подевалась, — сказал он, пожевав губами. — Кроме того, ее давно никто не читает. Прежде чем они хватятся пропажи, пройдет очень много зим. Нет-нет-нет, эта книга останется здесь и никто не отберет ее у меня.

Конан пожал плечами. Он никогда не понимал подобного отношения к книгам. Книги, конечно, могут содержать полезный или забавный текст, но сама рукопись, вся эта выделанная телячья кожа, покрытая письменами... Почему ученые приходят в священный трепет при виде всего этого?

Тьянъ-по, ликуя, извлек с полки маленькую бутылочку, полную мутноватой белой жидкости.

— Отпразднуем! — провозгласил он, разливая напиток по микроскопическим чашечкам.

Конан глотнул с опаской. Напиток оказался крепким, и киммериец неожиданно для себя опьянил.

— Что это?

— Ничего страшного, — пробормотал Тьянъ-по. — Изредка можно выпить. Просто пьяная вода.

— У меня тоже есть желание! — сказал вдруг Конан заплетающимся языком. — Ты свои исполнил, а я? А я... я хочу... я желаю...

Огненная дева появилась в комнате и склонилась над плечом варвара, обдавая его жаром.

Конан поднял голову и взглянул в ее узкое прекрасное лицо.

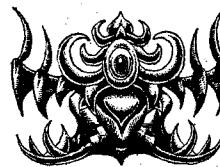
— Акме! — произнес он важно. — Я хочу такие же туфли, как у турецкого премьер-министра!

Звенящий смех наполнил дом Тьянъ-по. На мгновение оранжевая вспышка освобождающегося пламени ослепила обоих сотрапезников, а затем Акме исчезла — свободная навеки.

Конан потягивал «пьяную воду», изготовленную кхитайцем, и время от времени поглядывал на свои ноги. Парчовые туфли с красными кисточками выглядели на могучих ступнях киммерийца сконфуженно.

ИЕРОГЛИФ ЖЕЛАНИЙ

1

Краденая мудрость

В

сякий, кто увидит пагоду, выстроенную мудрецом и чародеем Тин-Фу на склоне горы Размышлений, поймет, почему Тин-Фу считается одним из величайших мыслителей Китая. Все в этой пагоде обладает глубочайшим смыслом. Три ее яруса подобны трем возрастам жизни, так что первый выкрашен веселой желтой краской, второй — деятельной красной, а третий — созерцательной голубой. Колокольчики, повешенные под кровлей, все обладают различной формой, уподобляясь небесным животным, что шествуют один за другим, знаменуя смену времен года.

Тин-Фу не всегда был мудрецом, хотя в это трудно поверить. В незапамятные времена он пас овец на склонах этой самой горы, у которой в те годы даже не было имени — была она такой же дикой и неосмыслиенной, как и сам Тин-Фу. Родители его происходили из знатного рода, однако вследствие несчастий, что обрушивались на злополучную семью на

протяжении нескольких десятков зим, очень обеднели. Поэтому свою дочь они продали купцам, а сына отдали в услужение некоему господину Дэхайю в уплату одного из многочисленных своих долгов. Господин Дэхай приставил юношу к овцам и надолго забыл о нем.

У Дэхая имелись куда более важные дела. Он пытался утвердиться при дворе кхитайского государя в качестве Первого Советника (ну, на худой конец — Второго), для чего ему требовалось непрерывно вести интриги против своих врагов и умащивать лестью своих союзников. И тех, и других у Дэхая было много, и ему пришлось нанять особого мудреца, который за умеренную плату подсказывал своему повелителю: кто именно из окружающих его людей в данный момент является его другом, а кто уже сделался врагом. Ситуация менялась каждый день, так что Дэхай едва успевал следить за ее ходом.

До того ли ему было, чтобы следить, как живет-поживает юноша, сын его должников, которому поручено пасти овец на склоне безымянной горы, лохматой и неосмыслиенной, подобно самому этому юнцу!

Раз в луну Тин-Фу навещал отца и мать и каждый раз видел, что они все больше стареют, что беды все больше угнетают их; однако, сострадая им всем сердцем, сын не мог избавить их и от малой толики несчастий. У них в доме болели куры и дохли утки, которых мать выращивала, надеясь прокормить семью зимой. То и дело обрушивалась кры-

ша, и у отца не хватало сил починить ее. Кредиторы забирали все деньги, какие только удавалось выручить. То один, то другой из старииков принимался кашлять, и Тин-Фу знал, что любая болезнь может оказаться для его родителей последней.

И вот однажды глубокой ночью на дом стариков был совершен набег. Кто-то, невидимый в темноте, спустился с горы и налетел на убогое строение. Запылали стены, огонь охватил крышу. С криком выбежали старики наружу, и тотчас зарубили их бандиты. Немногочисленный скарб — все, что осталось от этих разорившихся аристократов, — так и остался нетронутым. Но все-таки имелось нечто, что бандиты захватили и вывезли с собой.

Когда Тин-Фу в очередной раз приехал навестить родителей, он увидел их непогребенные тела, сожженную хижину, а посреди нее — ямку, выкопанную уже после того, как пепел остыл. Так он узнал о том, что в доме его старииков родителей хранилось некое бесценное достояние.

Долго думал юноша, как ему поступить, и наконец решил взять на себя священное право мести за убитых. Он распустил волосы — а они были у него длинные, вымазал лицо грязью и поклялся не есть ничего, кроме травы, покуда не свершится отмщение.

Неизвестно, смотрели ли на него боги, покуда он давал свою клятву. Ничто вокруг не шелохнулось, даже лягушки сидели в траве неподвижно. И стал Тин-Фу бродить по стране, точно утративший рассу-

док, тряся разлохмаченными грязными волосами, ворочая чумазым лицом и блестя горящими глазами. Многие уже узнавали его на улицах кхитайских городов и говорили друг другу:

— Это безумный Тин-Фу, у которого убили родителей. Он ищет тех, кто сделал это.

И многие прятались, когда он появлялся, потому что боялись, как бы он не принял их за убийц и не вздумал мстить невиновным. Однако Тин-Фу никого не трогал. Бродил среди людей и вглядывался в их лица, как будто хотел разобрать на них письмена. И вот однажды на рыночной площади маленького городка Го остановил его весьма уважаемый старик. Этот человек с длинной седой бородой и извивающимися, точно два угря, усами, бесстрашно взял сумасшедшего за руку и повел за собой. О, чудо, — Тин-Фу пошел за ним послушно, точно дитя! Многие дивились, глядя на эту картину. Мудрец отвел молодого Тин-Фу на склон горы, необжитой и страшной, и показал ему на овец, что разбрелись кто куда.

— Чьи это овцы?

— Господина Дэхая, — ответил Тин-Фу и удивился тому, как трудно сходят с его губ человеческие слова. За время своего безумия он почти разучился говорить по-человечески.

— Кто этот господин? — продолжал вопрошать мудрец.

— Некогда наша семья попала от него в зависимость, и он отобрал все наши имения, — стал рассказывать Тин-Фу.

— Я спрашивал не это, — произнес мудрец.

— Господин Дэхай — придворный, который хочет стать Первым Советником, — сказал Тин-Фу. — Я думал, это все знают.

— Это все знают, — согласился мудрец, — но не все это осмыслили как следует. И ты, произнеся это вслух, должен был кое-что понять.

— Что? — спросил Тин-Фу, который ровным счетом ничего не понял.

— Твоя семья мешала господину Дэхую, — объяснил мудрец. — Господин Дэхай внимательно следит за всеми, кто мог бы стать препятствием на его продвижению к цели.

— Далек ли он от своей цели? — спросил Тин-Фу. Мудрец тихо рассмеялся.

— Ты тоже умеешь задавать вопросы! — воскликнул он. — Пожалуй, я мог бы взять тебя в свои ученики.

Тин-Фу медленно провел рукой по своему грязному лицу и задумался: хочет ли он расставаться со своим новым образом жизни, чтобы переменить его на прямо противоположный? Желает ли он отныне проводить свои дни в созерцании, заучивании и слушании?

Мудрец смотрел на него и посмеивался, но ничего больше не говорил.

Тогда Тин-Фу сказал:

— Когда я осматривал пепелище родительского дома, я заметил ямку — как будто оттуда забрали нечто небольшое, глубоко зарытое под землю.

— У твоих родителей имелось нечто, чего жаждал Дэхай, — сказал мудрец. — Поэтому он устроил так, что они утратили все свое богатство. Он хотел, чтобы они отдали ему в уплату долга то, чем обладали, и то, чем он столь отчаянно стремился завладеть.

— Стало быть, это господин Дэхай — мой заклятый и кровный враг! — произнес Тин-Фу. — Я должен был сразу это понять и не бродить по городам людей, утратив рассудок. Но как я мог догадаться? Ведь он единственный относился к нашей семье по-доброму, когда нас постигли все наши несчастья! Он дал мне работу и не отбирал у нас последнего, позволяя кое-как существовать в убогой хижине...

— Зато другие кредиторы были к вам чрезвычайно суровы, — напомнил мудрец. — Скажи, откуда тебе известно, что это не господин Дэхай подговаривал их проявлять такую нечеловеческую жестокость? И кто были те разбойники, что убили твоих мать и отца? Не подосланые ли Дэхаем?

Тин-Фу заскрежетал зубами. Несколько мгновений он только и делал, что тряс головой, скрипел зубами и мотал волосами. И пока он это делал, грязь отваливалась с его тела высохшими кусками, так что он становился все чище и чище. И когда наконец Тин-Фу успокоился, мудрец увидел перед собой вполне благообразного молодого человека, готового внимать рассуждениям и задавать правильные вопросы — те, которых ожидает учитель, дабы дать на них правильные ответы.

Они поселились на склоне безымянной горы и построили там небольшую хижину из тонких стволов бамбука. Тин-Фу жил на пороге хижины, а его учитель — внутри. Все свое время они проводили в рассуждениях и разговорах. Иногда Тин-Фу уходил в лес, чтобы набрать для учителя съедобных трав и плодов. Сам же он время от времени ставил силки, ловил птиц или вытаскивал, насадив на остrogу, рыбку из горного ручья, однако учителю об этом не рассказывал. Мудрец строго осуждал убийство любого живого существа и даже старался не выходить из хижины летом, дабы случайно не раздавить жука или муравья.

Учитель рассказывал ученику о медленном ходе звезд по небу и о смене правителей Китая; обучил его сложной придворной иерархии и родословным знатных родов, которые сплетались сложнее, чем нити в ковре. Постепенно Тин-Фу начал понимать, что его семья действительно представляла угрозу для честолюбивых замыслов Дэхая. Но что же хранилось в доме его родителей? Чего домогался Дэхай?

— Поняв это, ты поймешь и все остальное, — сказал ему учитель. — К несчастью, это — единственная вещь, которую нельзя постичь одним лишь созерцанием. Тебе придется отправиться в путь и разобраться в этом не в духе, но в телесной оболочке. Увы! Этот путь и труднее, и дольше, и таит в себе больше опасностей совершить ошибку, но другого выхода нет.

— Но я вернусь сюда? — спросил Тин-Фу.

Мудрец кивнул.

— Со временем этот дом станет твоим, как стали твоими мои познания.

И Тин-Фу, одевшись странствующим торговцем, отправился в долгий путь, а его учитель остался один на склоне безымянной горы.

* * *

И вот перед путником открылся город Небесных Властителей. Еще издалека увидел Тин-Фу позолоченные крыши с изогнутыми карнизами — такие формы препятствуют проникновению злых духов внутрь помещения.

Перед воротами он заметил скопление народа и смешался с толпой. Там явно происходило нечто чрезвычайно важное. Действительно, вскоре из ворот выбежали стражники в ярко-желтых шелковых халатах, вооруженные огромными кривыми саблями. Громко крича, они принялись расталкивать толпу, чтобы люди расступились и освободили место перед воротами. Отесненный вместе со всеми, Тин-Фу терпеливо ждал. Впереди он видел только сверкающие на солнце желтые спины солдат императорской гвардии.

Затем на площадь перед воротами начали выходить знатные люди. Глазам было сложно смотреть на шелка всех возможных цветов, вышитые и украшенные драгоценными камнями. На высоких головных уборах также блестали самоцветы. Некоторые носи-

ли в прическах цветы. Все эти люди выстроились по обе стороны от ворот. Наконец важный человечек, низкорослый и кривногий, выбежал из ворот, держа на вытянутых руках деревянный поднос, имевший форму облака. Этот поднос он поставил на паланкин, украшенный изображениями драконов. Паланкин подняли к верхней площадке ворот, где уже ждал специальный человек. Этот человек развернул длинный лист бумаги и громко прочитал:

— Указ Владыки! Верный наш слуга Дэхай своими заслугами заслужил любовь и доверие нашего сердца! По этой причине он назначается Вторым Советником! Его семья получает земли вокруг города Го! Он награждается алмазом «Мизинец Несравненной»! Он будет награжден личным поцелуем Владыки в присутствии всех придворных!

Затем глашатай торжественно вложил свернутый лист в клюв позолоченного деревянного феникса.

Феникс был изготовлен с величайшей тщательностью, ведь деревянному подобию выпала величайшая в мире честь изображать самую красивую и самую почитаемую птицу среди пернатого племени. У нее горло ласточки, клюв петуха, шея змеи, хвост рыбы, лоб журавля, расцветка перьев дракона, спина черепахи. Перья этой птицы имеют пять цветов, которые означают пять основных добродетелей: человеколюбие, долг, пристойность, знание и верность. Феникс редко летает и при полете ее сопровождает стая маленьких птичек. Эта великая птица милосердна, она не ключет насекомых и не питается живы-

ми существами и травами: пищей ей служит бамбук, а жажду она утоляет только из самого чистого родника.

Поэтому самые важные указы владык объявляли не иначе, чем через феникса, и Тин-Фу прибыл в столицу как раз вовремя, чтобы увидеть, как это происходит.

Раскрашенную деревянную птицу осторожно спустили с башни на площадь, и кривоногий коротышка принял ее и поставил на паланкин. Процессия медленно втянулась в ворота.

— Куда они теперь? — спросил Тин-Фу у своего соседа, изогнувшегося под невероятным углом, чтобы хоть что-то разглядеть между плечами солдат.

— В Палату церемоний, — сказал горожанин. — Там с указа снимут копии и разошлют по всей стране... Эх! Уже второй раз этот Дэхай оказывается героем императорского указа, изданного с помощью феникса! А это, брат, не шутки.

— Кто такой Дэхай? — спросил Тин-Фу, притворяясь незнающим. — За что ему оказывают подобные почести?

— Ах ты, бедный глупый деревенщина! — сказал горожанин. — По всему видать, что пришел издалека, и не могу предсказать тебе счастливую судьбу в этом городе, где не жалуют дураков!

— Так кто такой Дэхай? — повторил свой вопрос Тин-Фу.

— Он нашел способ укрепить прическу государыни, которая укладывает волосы в форме облака. Ма-

лейшего дуновения ветерка достаточно, чтобы это совершенство было нарушено, — ответил горожанин. Как всякий житель столичного города, он был в курсе всех дворцовых сложностей и сплетен. — А Дэхай изобрел жесткий каркас, который не портит внешнего вида прически и придает ей прочность.

Из услышанного Тин-Фу сделал совершенно правильный вывод о том, что Дэхай имеет своих людей в окружении государыни и что эти люди представили капризной, занятой исключительно своей внешностью женщине Дэхая в качестве человека совершенно незаменимого. Такая новость огорчила Тин-Фу. Теперь будет труднее подобраться к Дэхай. Однако он не терял надежды.

Поблагодарив соседа, он начал пробираться к другим воротам, ведущим в город, — к воротам для простонародья.

Город Небесных Властителей был роскошным и многолюдным. Несколько дворцовых строений отделялись от шумных улиц высокими стенами. А на улицах кипела настоящая давка. Прохожие не шли, а бежали — кто туда, кто сюда; на прямых коромыслах раскачивались корзины с рыбой, зеленью, домашней утварью. Кто покупает, кто продаёт, все кричат, шумят, размахивают руками. Двухколесные запряженные маленькими косматыми лошадками тележки тянутся нескончаемыми вереницами. Движение то и дело задерживается. На рыбных, мясных, овощных, посудных рынках собираются толпы народа. Холпают на ветру холщовые рубахи и штаны, со-

ломенные шляпы оживленно вертятся во все стороны. Под четырехугольными зонтиками прямо на мостовой сидели занятые своим делом бродячие ремесленники, цирюльники, харчевники. Огонь в маленьких медных плошках горел перед ними жарко и весело, исправно совершая предназначенную ему работу: плавить, жарить, кипятить, коптить. А между прочими повсеместно располагались бесчисленные нищие отвратительного вида — слепые, паралитики, покрытые зияющими ранами.

Город весь был изрезан узкими переулками, застроенными одноэтажными глинобитными домами с окнами, обращенными во двор.

В этих строениях дворики были точно пчелиные соты: со всех сторон они замыкались главным домом и флигелями. Юго-восточная сторона — счастливая — обычно была занята жилищем хозяев, а юго-западная, несчастливая, — хозяйственными пристройками.

Тин-Фу долго бродил по городу, плутая в лабиринтах улочек. Здесь было столько народу, что для еще одного человека, казалось, попросту не находилось места. Ему негде было даже сесть на мостовой.

В конце концов, отчаявшись найти выход из своего бедственного положения, Тин-Фу решил обратиться к учителю, который остался далеко отсюда, на склоне безымянной горы. Отыскав место на углу двух забытых людьми улочек, Тин-Фу вбил в землю свой дорожный посох, а поверх него надел свою же дорожную шапку — и так получилось у него некое

подобие тощего человека с немного искривленной спиной. Этот «человек» из посоха совершенно напоминал учителя. Тин-Фу склонился перед ним в почтительном поклоне и спросил:

— О, многомудрый наставник, вот я и очутился в городе Небесных Владык! Но нет здесь для меня даже малого клочка земли, куда я мог бы промостить свою тощую задницу!

Затем он выпрямился и сделал вид, будто слушает. Несколько нищих, сидящих поблизости на земле, зашевелились, но вставать не спешили. Остановилось несколько прохожих. У одного из корзины высовывался еще живой угорь. Он разевал рот и пучил глаза, как будто его в высшей степени изумляло увиденное.

Тин-Фу зашел за палку и, выглядывая оттуда, скрипучим старицким голосом ответил сам себе:

— О заднице ты печешься, неразумный! Подумал бы лучше о том, куда пристроить свою голову! А если голова будет пристроена, то и для задницы место найдется, — уж голова-то надумает, куда ее промостить!

Низко поклонившись палке с надетой на нее шапкой, Тин-Фу снова превратился в ученика.

— О, многомудрый наставник! Я положу твою речь прямо в мое сердце! Но скажи, куда мне деть мою голову, если она здесь нужна не больше, чем иные части моего тела?

И снова отвечал за наставника:

— Употреби ее для размышлений!

Несколько женщин хихикали, прикрывая лицо пестро расшитыми рукавами. А Тин-Фу разошелся. Он то кланялся посоху, то сурово отчитывал сам себя за глупость, а затем принимался унизенно благодарить «учителя» за урок.

Вдруг общий смех замолк. Толпу зевак растолкали слуги, и в переулок медленно, важно вполз паланкин, лежащий на спинах дюжих носильщиков-северян.

Из паланкина показалось круглое красное лицо. Черные глаза сердито щурились. Он высунул руку и вяло шевельнул толстым указательным пальцем. В то же мгновение к Тин-Фу подбежал верткий человечек — до этого он вился возле дверцы паланкина, готовый выполнить любое поручение находящегося внутри господина.

— Мой повелитель желает знать, что здесь происходит? — вопросил он у Тин-Фу строго.

Тот вежливо поклонился сперва в сторону паланкина, а затем и верткому человечку.

— Я всего лишь беседую с моим наставником! — ответил он, и ни один мускул на его лице не дрогнул, предательски намекая на возможность улыбки.

Верткий человечек сердито огляделся по сторонам.

— Но я не вижу здесь никакого наставника! — воскликнул он наконец. — Это всего лишь дорожный посох, сбитый и кривой!

— Но поверх него надета шапка, — возразил Тин-Фу, — а эта шапка принадлежала великому

мудрецу! Разве не сказано: «Надлежит воздавать почети сану и титулу, невзирая на внешность носящего сан и титул»?

Сбитый с толку, доверенный слуга важного господина обернулся к паланкину. Он явно не знал, что ему надлежит делать. Не то проучить наглеца, не то посмеяться над ним и дать ему пару монет.

Но важный господин в паланкине решил по-своему.

— Ты остроумный малый, — вымолвил он. — Чтобы найти ответ, тебе не приходится лазить к себе за пазуху.

— Это так, — с низким поклоном отозвался Тин-Фу, — я предпочитаю извлекать слова из-за чужих пазух, поэтому-то меня и называют вором и бьют палками везде, где только ловят на воровстве.

Господин засмеялся.

— Я хочу видеть тебя в своем дворце, — сказал он. — У меня сегодня был хороший день. Властелин пожаловал меня званием Второго Советника, и я намерен поделиться моей удачей, дабы она не вздумала меня покинуть, сочтя скучердяем.

У Тин-Фу захватило дух. Перед ним был сам господин Дэхай! Естественно, они не узнали друг друга. Прошло слишком много времени с тех пор, как они виделись в последний раз. Дэхай с тех пор стал одеваться в разноцветные шитые шелка, растолстел, сделался красен и одышлив, да и годы взяли свое — он постарел. А Тин-Фу превратился из мальчика в молодого мужчину. И если мальчик был вечно голден, с озлобленным взглядом и тощими слабеньки-

ми руками, то молодой мужчина обрел уверенность в себе, осанку мудрого человека и взгляд того, кто знает себе цену.

Низко-низко поклонился Тин-Фу господину Дэхяю.

— Это счастливейший день в моей жизни, — проговорил он дрогнувшим голосом. С этими словами он выдернул свой посох из земли, нахлобучил шапку опять себе на голову и, ни слова больше не сказав, зашагал вслед за паланкином.

* * *

Так вышло, что Тин-Фу поселился во дворце Дэхая и получил бесценную возможность наблюдать за своим кровным врагом вблизи. Он смешил Дэхая, и тот считал его забавным и совершенно не опасным малым. Слуги дома по-разному относились к новому любимчику господина. Большинство — с полным равнодушием: время от времени Дэхай жаловал своим вниманием то одного, то другого человека, играя с людьми, как с куклами, но с течением времени новые забавы приедались ему, и Дэхай забывал их. Бывшие любимцы, получив некоторое количество благ — кто сколько успел ухватить, — отправлялись кто куда: одни уезжали, и след их терялся, другие находили себе работу в большом доме, третий, обвиненные в каком-нибудь вздорном преступлении, заканчивали свои дни в водной тюрьме. Тюрьма эта была особенно ужасна своей сыростью: заключенные

жили в ней, погруженные по колено в воду. Их кости страшно ныли, их плоть гнила, и они умирали в темноте и страшных мучениях.

Естественно, Тин-Фу рассчитывал избежать подобной участи. Ему требовалось узнать секрет своих родителей, похищенный Дэхаем, причем сделать это надо было прежде, чем господину Дэхяю надоест слушать шутки и поучения своего нового домочадца.

Единственным настоящим, открытым врагом Тин-Фу в его новом доме сразу стал управляющий. И во все не потому, что почтенный слуга опасался влияния нового человека, нет. Просто управляющий обладал склонностью к выпивке, о чем все знали, но никто не говорил. Это считалось простительной слабостью почтенного слуги.

Даже господин Дэхай не решался сделать замечание столь заслуженному человеку, хотя тот и стоял много ниже его на иерархической лестнице, потому что управляющий служил еще его отцу и обладал определенным «теневым влиянием»: говорили, будто некоторые из наложниц Небесного Владыки были его дочерьми или внучками. Впрочем, это сохранялось в тайне.

Как бы то ни было, Тин-Фу скоро заметил, что господину Дэхяю чрезвычайно хочется сделать своему управляющему выговор относительно злоупотребления горячительными напитками, но, учитывая некоторые «теневые возможности», он не решается это сделать. И тогда Тин-Фу прилюдно рассказал следующее:

— Один молодой человек пристрастился к вину настолько сильно, что даже ночью не мог обойтись без него. Когда он ложился спать, то рядом с кроватью на земляной пол ставил бутыль с вином. Приснувшись ночью, он протягивал руку к бутылке, отпивал немного и вновь засыпал. Однажды с ним произошло невероятное: когда он по привычке протянул руку к бутылке, злой дух схватил его и стал тащить под землю. Услышав отчаянный крик, родственники молодого человека поспешили к нему в комнату, но было поздно: они увидели только его голову, погружавшуюся под землю, будто в воду...

Все кругом засмеялись, и громче всех веселился господин Дэхай. А управляющий стал мрачнее ночи и заскрипел зубами. Услышав этот звук, Тин-Фу понял, что нажил себе смертельного врага. Однако он не счел это опасным, поскольку ему важнее было войти в доверие к своему господину и угодить ему так, чтобы его вечная бдительность заснула крепким и сладким сном, как если бы она накурилась порошка черного лотоса.

На следующий день Тин-Фу увидел, что управляющий ходит вокруг дома и что-то говорит работникам. Прислушавшись, Тин-Фу понял, чего хочет старый почтенный слуга: он решил установить прямо перед воротами во двор прочную стену. Известно, что духи летают чрезвычайно стремительно, но двигаются они только по прямой. Если один из таких духов захочет покарать управляющего за его пристрастие и утащить под землю, он налетит на стену,

ударится о нее и возвратится вспять, так что управляющий сможет жить (и пьянистовать) совершенно спокойно.

Посмеявшись над стариком, Тин-Фу ушел.

Господин Дэхай был назначен Вторым Советником по делам иероглифов при дворе Небесного Владыки, а это означало, что в его обязанность входило следить за иероглифами по всей столице и за ее пределами. У него имелся целый штат сотрудников, которые ходили по улицам и собирали клочки исписанной бумаги, которая была уже не нужна. Ибо сказано: «Письменность священна, и знающие письменность — священны». Ни в коем случае нельзя бросать исписанную бумагу в грязь. Некоторые считают, что это может привести к слепоте, хотя господин Дэхай в своих указах утверждал, что подобные святотатцы бывают убиты громом. Он даже возил с собой урну, украшенную изображениями сплетенных между собой драконов, золотого и зеленого, и выставлял ее на видном месте везде, куда ни прибывал по своим делам. В этой урне хранился прах одного вельможи, который совершил однажды ужасное злодеяние. Однажды он получил письмо от своей матери, которая в немногих словах выражала свои нежные чувства к отпрыску и выказывала озабоченность распутным образом жизни, который тот ведет в столичном городе, вдали от родительского пригляда. Прочитав это письмо, молодой вельможа так разгневался, что бросил бумагу в грязь, наступил на нее сапогом и разорвал, не прикасаясь к ней

руками. И тотчас с неба сошел огонь, послышался громовой раскат — и вот от молодого человека осталась лишь кучка дымящегося пепла.

Несколько благочестивых слуг собрали этот пепел в урну, и теперь она передается от одного Советника по делам иероглифов к другому — в знак назидания и наглядного примера того, как не следует относиться к иероглифам и исписанной бумаге.

Подчиненные Советника подбирали любые клочки, даже самые ничтожные, если на них виднелись следы иероглифов, и складывали их в специальные корзины.

Один раз на Новолуние, по улицам шествовала особая процессия в сопровождении музыкантов. Слуги, одетые в черные одежды с большим вышитым иероглифом на спине, несли большие корзины с пеплом от сожженной бумаги. Они доходили до реки, в которую опускали этот пепел при громком пении красивых похоронных гимнов, и темные воды реки расступались, оттуда высовывались черные пальцы Речной Богини, которая бережно принимала пепел и уносила его в глубину. Лишь пепел от нечестивых писаний (а имелись и такие) плыл дальше по поверхности реки, чтобы затем осесть на берегах грязноватой пеной и исчезнуть в безднах земли, не оскверняя речных глубин.

Затем собравшиеся посмотреть на процессию — а таких всегда находилось очень много — слушали Наставления о сохранении иероглифов. Их зачитывал особый глашатай, одетый также в черное, — ос-

вещенные факелом, видны были только кисти его рук и лицо, а все прочее терялось во мраке:

— Тот, кто готовится собирать, очищать и сжигать бумагу с написанными иероглифами, будет обладать тысячию добродетелями и продлит себе жизнь на двенадцать зим! — возглашал этот человек, и, судя по самодовольной улыбке, блуждавшей по его лицу, он ощущал внутри себя всю тысячу добродетелей, каждая из которых напоминала по вкусу сладкий пирог. — Очищающий бумагу станет почитаемым и богатым! Его дети и внуки будут добродетельными! Тот, кто будет разрезать бумагу с написанными на ней иероглифами на полоски и раздавать населению для защиты от злых духов, тот приобретет пятьсот добродетелей и будет любим без порицания!

Тин-Фу, который участвовал в подобном ритуале впервые, слушал этот перечень не без удивления. Он тоже был приучен относиться к слову с почтением, особенно к написанному, но увиденное в городе Небесных Владык его поразило. Назначение господина Дэхая было по-настоящему важным, если принимать все, что здесь происходило, всерьез.

Глашатай перешел к более низким добродетелям, связанным с бумагой. Голос его зазвучал тише и сделался менее торжественным, более сердечным. Совершенно очевидно, что теперь он говорил о вещах, доступных практически каждому из слушающих:

— Тот, кто будет запрещать кому-либо уничтожать грязную бумагу с написанными иероглифами,

приобретет пятнадцать добродетелей и станет преус-
певающим и разумным человеком.

«Странно, — подумал Тин-Фу, — ведь запретить
кому-либо что-либо сделать куда труднее, чем не
сделать или сделать это самому... А добродетелей
меньше. Впрочем, в жизни всегда так. Завтра нужно
будет рассказать господину Дэхаяу притчу на эту те-
му...»

Тем временем голос глашатая изменился еще раз.
Теперь он гремел гневно. Глаза метали молнии в со-
бравшихся. Не оставалось никаких сомнений — вот
теперь он имел в виду не себя и своих собратьев, но
тех, кто топтался перед ним на берегу медленно тек-
ущей реки:

— Тот, кто будет произвольно сжигать бумагу с
написанными иероглифами, пострадает от десяти
пороков и десяти заболеваний! Тот, кто будет в гне-
ве бросать на землю бумагу с написанными иерогли-
фами, пострадает от пяти пороков и утратит разум!
Тот, кто будет бросать бумагу в грязную воду, будет
наделен двадцатью пороками и постоянно страдать
от болезней глаз!

Толпа внимала и, казалось, испытывала неподде-
льное удовольствие от собственного страха. Это
удивляло Тин-Фу. Впрочем, как говорил ему учи-
тель, один человек никогда не устает удивлять дру-
гого.

А глашатай замолчал ненадолго, после чего при-
нялся яростно размахивать вокруг себя ревущим
факелом:

— Вон! Все убирайтесь отсюда вон, жалкие нечес-
тивцы! Священная река не желает видеть вас на
своих берегах!

И люди начали разбегаться, исчезая в темноте по
одному.

* * *

Одним из увлечений господина Дэхая было раз-
ведение золотых рыбок. В прудах в его дворце пла-
вала множество крошечных очаровательных созда-
ний. Одни были красноватые, другие — почти
желтые, встречались и белые с коричневыми пятна-
ми на боках. Поначалу Тин-Фу считал, как и все,
что это увлечение было лишь прихотью богатого и
знатного вельможи.

Но один случай полностью изменил его представ-
ление об этом.

Управляющий дома господина Дэхая не оставлял
мысли отомстить новому слуге. Ради этого он вхо-
дил в дружбу с такими низкими людьми, как коню-
хи, убиральщики, мойщики посуды. Всем им он на-
шептывал, что Тин-Фу слишком чванится своей
украденной мудростью, которую он похитил у сво-
его прежнего наставника. «Он оставил беднягу ни с
чём! — уверял управляющий, и низшие слуги слу-
шали его с полным доверием. — Этот бедный быв-
ший мудрец теперь совершенно нищ! Ни одной
мысли не приходит в его голову, ни одна идея боль-
ше не посещает его разум. Лишь беды, пороки и бо-

лезни преследуют его по пятам с тех самых пор, как Тин-Фу украл его мудрость!"

С некоторых пор Тин-Фу стал находить в своей одежде насекомых, а в миске с лапшой и супом — грязь и камушки, о которые легко сломать зубы. Однако он решил не придавать этому значения. Скоро он подберется к тайне покойных родителей, завладеет ею — и тогда сможет в полной мере отомстить кровному врагу своей семьи.

И вот настал день, когда управляющий зашел в своей злобе слишком далеко. Он выловил из бассейнов несколько рыбок и подложил их в миску к Тин-Фу. Во время трапезы господин Дэхай призвал Тин-Фу и повелел развлекать себя забавными рассказами, покуда он сам наслаждается пищей.

Тин-Фу сказал:

— Одна рыба не верила в бессмертие и перерождение душ. Она была так упрямая, что не слушала наставления других рыб, которые были старше, опытнее и мясистее, чем она.

— Какая же это была рыбка? — спросил господин Дэхай, поливая рис соусом и заранее посмеиваясь.

— Золотая рыбка, вроде тех, что плавают в прудах посреди садов моего господина, — невозмутимо ответил Тин-Фу. — Она была легкомысленной, потому что у нее вырос длинный прозрачный хвост. Общеизвестно, что рыбки с такими хвостами уподобляются красивым женщинам и становятся чрезвычайно легкомысленными... Об этом можно прочитать в летописях, — добавил он.

— В каких? — удивился господин Дэхай.

— В летописях рыбьих царств, разумеется, — с самым серьезным видом отвечал Тин-Фу. — Итак, наша рыбка не верила в переселение душ и упорствовала в своем убеждении. Наконец, ее выловили из пруда и отправили в кастрюлю с супом. И что же? Плавая среди овощей и вареной лапши, она ворчала: «До чего же отвратительные водоросли в этой проклятой луже!»

Господин Дэхай посмеялся, отодвинув от себя миску, а затем спросил, желая продолжить шутку:

— Откуда же тебе известна эта история?

— Мне рассказали ее другие рыбы, — сказал Тин-Фу. — Когда сегодня утром я гулял в садах моего господина.

— Неужели одна из моих рыб попала в суп? — нахмурился господин Дэхай.

— Да, — сказал Тин-Фу, перестав улыбаться. — Кто-то из ваших слуг выловил ее и подсунул мне в миску, даже не сварив хорошенъко.

Господин Дэхай вскочил. Лицо его побагровело от ярости.

— Кто это сделал? — спросил он. — Разве не ты сам — любитель лакомиться рыбой?

— Я люблю рыбу в похлебке, но я этого не делал, — сказал Тин-Фу. — Потому что если бы я осмелился употребить в пищу одну из золотых рыбок моего повелителя, я сперва сварил бы ее; а тот, кто подсунул мне бедняжку в похлебку, даже не потруился этого сделать, так что я съел ее сырой.

— Отвратительно! — закричал господин Дэхай. — Я не желаю больше слушать!.. Или... нет. Скажи, кого ты подозреваешь в совершении этого преступления?

— У меня и в мыслях нет подозревать кого-либо из преданнейших слуг моего господина, — ответил Тин-Фу. — Меня лишь огорчает огорчение моего господина. И я не хочу, чтобы господин считал меня причиной этого.

— Перестань путать меня своими мудрыми речами! — сказал Дэхай. — Я знаю, что вся твоя мудрость — краденая!

— Это правда, — согласился Тин-Фу.

— Я должен немедленно осмотреть моих рыбок, — объявил господин Дэхай. — Ты пойдешь со мной. Если случится так, что ты проглотил одну из самых ценных моих рыбок, я отрублю тебе голову.

— Но ведь я сделал это не нарочно! — возразил Тин-Фу.

— Ты будешь наказан! — отрезал Дэхай. — Мне нет дела до того, почему ты это сделал и кто на самом деле виновен в твоем преступлении.

— Мы все виновны в преступлениях друг друга, — согласился Тин-Фу.

Дэхай с подозрением покосился на своего «придворного мудреца», но тот замолчал и больше не произнес ни слова.

Они вместе начали обходить пруды. Управляющий вместе с несколькими своими приспешниками следил за господином Дэхаем и Тин-Фу. Они замер-

ли, надеясь на то, что им удалось нанести Дэхаяу удар достаточно чувствительный, чтобы тот, разгневавшись, уничтожил выскочку и изгнал его из дома.

Однако Дэхай перевел дыхание с облегчением.

— Все самые ценные рыбы цели и невредимы! Молись духам своих предков, Тин-Фу, ибо они уберегли тебя от страшной участи!

Тин-Фу склонился перед господином Дэхаем и только тогда решился спросить его:

— Но чем же ценные те рыбки, что сохранились? Уверяю вас, мой господин, что та бедняжка, которой я откусил голову — по злодейскому умыслу каких-то тайных недоброжелателей — была весьма хороша собой, с ровной красноватой чешуей.

— Ценны не красные рыбки и не золотые, — отвечал, отдуваясь, Дэхай, — но те, что несут на своей чешуе некоторые знаки, напоминающие иероглифы... — Он осекся, как человек, который внезапно сообразил, что разоткровенничался и зашел слишком далеко, а затем проговорил совершенно другим тоном: — Я как хранитель иероглифов обязан следить за такими вещами.

Однако Тин-Фу понял, что господин Дэхай заботился совершенно о другом.

* * *

Пользуясь случаем, Тин-Фу заглядывал в господские комнаты. Иногда он якобы искал какой-нибудь свиток, в другой раз его как будто интересовала некая одежда, забытая им или его господином. И вся-

кий раз он ухитрялся осмотреть одну из комнат обширного жилища господина Дэхая. Ему повезло только на пятый раз. Недаром говорят, что пять — счастливое число! В одной из гардеробных стоял небольшой ларец с изображениями львов по четырем углам. Быстро заглянув внутрь, Тин-Фу увидел, что в ларце хранится маленькая нефритовая рыбка с иероглифами, вырезанными на искусно сделанной чешуе. Точнее, эти знаки напоминали иероглифы, потому что они не складывались ни в какое из известных Тин-Фу слов. Вероятнее всего, это было некое заклинание. Настолько важное, что некий мастер вырезал его на чешуе нефритовой рыбки, а важный вельможа поместил в ларец...

Тин-Фу внимательно осмотрел ларец. Это была очень старая вещь. Бродячий мудрец провел ногтями по стыкам между досочками, а затем поднес ногти к глазам. Да, он увидел то, что ожидал: ногти почернели от земли! Эта вещь долго хранилась, закопанная в землю. И хотя ее тщательно очистили и отмыли прежде, чем поместить в эти роскошные покои, частички почвы сохранились в почти незаметных щелках.

Жаркая волна захлестнула Тин-Фу. Не тот ли это ларец, что хранился закопанным в земляной пол, в убогой хижине его несчастных родителей? Не то ли это сокровище, за которым охотился господин Дэхай?

Он забрал нефритовую рыбку и быстро выскользнул из покоев.

Ему предстояло совершить несколько важных поступков. Следовало собраться с силами и хорошо все продумать, иначе его постигнет неудача, и смерть его будет так ужасна, что, умирая, он позавидует демонам, поедающим собственные внутренности.

Для начала Тин-Фу утащил большой медный кувшин с плотной крышкой. Эта пропажа осталась незамеченной — кухарка почти не пользовалась кувшином, находя его слишком некрасивым и неудобным. В доме господина Дэхая полагали, что пищу следует готовить используя лишь красивые вещи, дабы их изящество передавалось блюдам и превращалось в изысканный вкус.

Затем он выловил несколько пестрых рыбок, украшенных узором, отдаленно напоминающим тот, что имелся у нефритовой рыбки.

И наконец Тин-Фу угнал самого быстрого скакуна из конюшни своего господина. С кувшином, в котором плавали рыбки, с нефритовым талисманом за пазухой, на прекрасном коне, он несся по бескрайним кхитайским степям, плутая и запутывая следы.

За ним была погоня. Сразу десяток слуг господина Дэхая преследовали дерзкого вора. Сам господин Дэхай с обильным кровоточением из носа лежал в глубине своих покоев на прохладных шелковых подушках, а две наложницы курили перед ним порошок черного лотоса, выпуская изо рта узорные дымы, представляющие различные животных.

Тин-Фу недаром был пастухом и учился у мудреца — он ушел от погони. Один за другим возвра-

щались в столицу сконфуженные слуги. Самые дальновидные предпочли скрыться в лесах, потому что господин Дэхай отправил всех остальных в водную тюрьму.

* * *

Настал день, когда Тин-Фу достиг старого домика из стеблей бамбука. Здесь он некогда жил со своим наставником и внимал его мудрым поучениям. Завидев издали это хрупкое строение, притулившееся на склоне горы, Тин-Фу внезапно постиг, что отныне эта гора больше не считается безымянной, но носит название горы Размышлений. Это понимание наполнило его радостью, и он погнал вперед коня.

Затем, когда подъем стал слишком крутым, Тин-Фу спешился и повел коня в поводу, а возле порога хижины снял с него седло и узду и, похлопав животное по шее, сказал:

— Беги прочь, прекрасный конь, ибо ты отныне свободен!

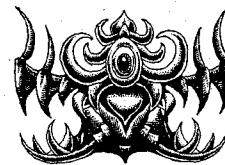
И конь, заржав, поспешил воспользоваться своей свободой.

Мудрец находился в хижине. Он слабо дышал, но, завидев вернувшегося ученика, успел ему улыбнуться.

— Нашел ли ты то, что искал? — спросил наставник.

— Да! — воскликнул Тин-Фу.

— Очень хорошо, — сказал наставник и скончался.

2

Варвар в пагоде

ружба с кхитайцем может далеко за-
вести, — сказал Конан и огляделся по
сторонам.

Со старым своим приятелем Тьянь-по он сидел в саду и угощался. Впрочем, эту пищу иначе, чем кошмарной, киммериец назвать не мог: белый рис почти без соли, какая-то черноватая жижа («соус», как ему пояснили) и сырья рыба, нарезанная ломтиками толщиной с бумагу.

— Коровьей ляжки, конечно, нет? — на всякий случай спросил Конан.

Маленький ученый кхитаец тихонько посмеялся.

— Наша еда тоже сытная, — сказал он. — Надо только привыкнуть.

На загорелом лице варвара отразился неподдель-
ный ужас, и Тьянь-по засмеялся громче.

— Не вижу ничего смешного! — объявил Конан. — Ты — злобная кхитайская обезьяна. Впрочем, я рад тебя видеть, Тьянь-по.

— Я тоже, — отозвался кхитаец, становясь серьезным.

— Сказать по правде, я забрел так далеко по одному важному делу... — начал Конан и остановился, заметив, каким внимательным сделался взгляд его приятеля. Варвар насторожился: — Что?

— Ничего, — заверил Тьянъ-по. — Ты всегда чем-то занят, Конан.

— Это правда, — он самодовольно хмыкнул и тут же погрустнел. — Деньги исчезают из моих кошельей быстрее, чем если бы их украли. И самое обидное — это я сам их у себя ворую!

— Ты их тратишь, — успокаивающе проговорил Тьянъ-по. — На себя.

— На женщин и разные глупости, которые на первый взгляд кажутся вполне достойными моего внимания, — вздохнул Конан едва ли не с раскаянием. — Иногда я скучаю по ним.

— По кому? — не понял кхитаец.

— По деньгам! И тогда снова пускаюсь в приключения. Вот и сейчас... Мне предложили привезти из Кхитая живую птицу Феникс. Обещали хорошо заплатить.

— Кто? — спросил Тьянъ-по.

— Солидный человек. И очень богатый. Первый министр при султанапурском дворе.

— Интриги! — Тьянъ-по нахмурился. — Все-таки ты варвар.

Конан не на шутку обиделся.

— По-твоему, я не разбираюсь в интригах?

Маленький кхитаец быстро покачал головой.

— Совершенно! Султанапурский министр выражался иносказательно, но ты не догадался, о чем он говорит. Думаешь, он отправил тебя в безобидную экспедицию по ловле забавных и диковинных животных?

— Однажды я поймал диковинное животное! — сообщил Конан. — Называется «ип-туип»! Свистит презабавно, а лопает зерно и фрукты.

— Птица? — не понял кхитаец.

— Нет, пушистый зверек такой... Как-нибудь расскажу. Это была удивительная экспедиция. Попутно я уничтожил чудовище в женском обличии по прозванию Красная Гиена. Но это так, между делом. Главное — ловля пушистого зверька.

— В случае с фениксом ты никакого зверька не найдешь, — предупредил кхитаец. — Султанапурец имел в виду похищение одной из жен Небесного Владыки.

— Что? — Конан поперхнулся и почувствовал, как зернышко риса попало ему в дыхательное горло. Несколько мгновений варвар оглушительно кашлял, затем, весь красный, пробормотал: — Объясни!

— Фениксом в Кхите называют императрицу, — сказал Тьянъ-по, посмеиваясь, по обыкновению, в длинные тонкие усы. — В Султанапуре затевают какую-то сложную игру. Видимо, нечто связанное с продажами шелка и бумаги. В опасную игру затеял играть министр, если подсыпает человека похитить важную персону! Пахнет войной...

Конан сердито схватил кувшин и выхлебал почти половину его содержимого. Тьянъ-по схватился за голову:

— Это нельзя пить так! Это не вино! Тебе будет дурно!

— Водичка, — фыркнул Конан, и тут у него перед глазами все поплыло, а лоб схватило так, словно какой-то невидимый палач перетянул его веревкой. — Что это? — выдавил он с трудом. Глаза его полезли на лоб, рот непроизвольно раскрылся.

— Рисовая водка, — маленький кхитаец выглядел искренне огорчённым. — Я же угощал тебя в прошлый раз, когда ты учили моих учеников разумьям о человеческом пути!

— Забыл, — прохрипел Конан. — Буду я еще помнить всякие мелкие подробности про эту вашу... рисовую...

Он хватал ртом воздух и тяжело вздыхал. Тьянъ-по вскочил с места и засуетился рядом, то просовывая маленькие прохладные ладошки ему под рубаху, то прикладывая пальцы к вискам варвара. Наконец боль отпустила, и Конан перевел дух. Его могучая грудь поднялась и опустилась, как кузнецкий мех.

— Уф! — вскричал Конан. — Блаженство! Теперь я понял, для чего вы пьете эту гадость!

— Надеюсь, ты отказался от мысли похищать Феникса? — осторожно осведомился Тьянъ-по.

— Проклятый министр еще намекал, мол, только такому великому вору, как я, это под силу... — вспоминал Конан, мрачнея.

— Как вообще вышло, что министр завел с тобой подобные речи? — не переставал удивляться Тьянъ-по.

— Ну... Возможно, я находился в тюрьме... В Султанапуре, — нехотя пояснил Конан. — Я только предполагаю это, учти. Это... как там ты учишь своих учеников?

— Неважно, — Тьянъ-по быстро махнул рукой.

— Ну вот... Он захотел меня видеть. Я, возможно, утащил нечто... очень ценное. И пропил это. За одну ночь. Министр был поражен моими способностями. Он поил меня ВИНОМ, — Конан особенно подчеркнул последнее слово и глянул на своего приятеля с легкой укоризной, — угощал виноградом и МЯСОМ, — еще один недовольный взгляд, — а после завел речь о Фениксе...

— Может быть, я не угощаю тебя ВИНОМ и МЯСОМ, — парировал Тьянъ-по, — но и на верную погибель не посылаю. Впрочем, если тебе хочется чем-то занять время, могу предложить тебе кое-что занятное. И как раз связанное со зверюшками, коль скоро ты у нас такой великий охотник на пушистых зверьков.

— О, — сказал Конан и начал ковырять в зубах.

— Да, — продолжал кхитаец. — Правда, это нечто мокрое и скользкое.

— Змея или министр? — уточнил Конан.

— Рыбки, — сказал кхитаец.

Наступила тишина, и собеседники услышали, как где-то в густой листве верещат обезьянки.

— Зачем тебе, Тьянъ-по, какие-то рыбки? — спро-

сил наконец Конан, решив, видимо, выяснить, уж не сошел ли с ума его собеседник.

— Я тебе расскажу всю историю, — обещал Тьянь-по, — а ты уж решишь, стоят ли эти существа нашего внимания.

В двух днях пути отсюда есть гора, которую называют горой Размышлений. На ее склоне находится пагода, выстроенная мудрецом и колдуном по имени Тин-Фу. Он очень стар, этот Тин-Фу. Никто не знает, сколько ему лет. О нем рассказывают разные чудеса. Я и сам рассказываю о нем одну притчу. Весьма поучительную. Все мои ученики знают ее. Хочешь услышать?

— Если она имеет отношение к делу, — проворчал Конан.

— Собственно, в ней и заключается наше с тобой дело, — заверил приятеля Тьянь-по. — Слушай.

Жил некогда человек, у которого имелся кровный враг. Человек этот был молод, беден и неизвестен, а враг его был, напротив, богат и знатен и занимал важный пост при дворе Небесного Владыки.

— Давай сразу с именами, чтобы я потом не запутался, — попросил Конан.

— Имена здесь не важны, — заверил его кхитайца. — Не перебивай. Долго думал молодой человек, как отомстить кровному врагу.

— Убить — и нечего думать! — фыркнул варвар. — Вы, кхитайцы, вечно разводите церемонии.

— Убить его было очень непросто, ибо он жил в роскошном доме, окруженный множеством слуг и

охраны. Кроме того, как я уже сказал, его хорошо знали при дворе Небесного Владыки. Поэтому молодой человек поступил иначе. Он похитил у своего врага нечто очень ценное, а затем скрылся.

— Так, так, — Конан заметно оживился, — кажется, мы подходим к сути нашей задачи.

— Именно, — кивнул Тьянь-по. Он уже смирился с тем, что киммериец непрерывно его перебивает. — Это были золотые рыбки.

— Из золота?

— Нет, живые золотые рыбки.

— Я тебе в любой луже этих рыб наловлю хоть ведро, — сказал Конан и насупился. — Ты за дурака меня держишь, Тьянь-по?

— Никогда! — заверил его кхитайец. — Я не настолько глуп, чтобы считать дураком человека с такими кулачищами, как у тебя, любезный Конан!

Конан счел за лучшее промолчать. Кхитайец продолжал:

— Узор на чешуе этих рыбок напоминает некий иероглиф. На самом деле это — заклинание, и тот, кто завладеет такой рыбкой и прочитает заклинание, тот исполнит любое свое желание. По одному на рыбку.

— А она, что ли, от этого дожнет? — опять уточнил Конан.

— Не знаю, — отмахнулся Тьянь-по. — Я еще не пробовал. Итак, наш молодой человек выкрадал несколько рыбок и нефритовое изображение, на котором был вырезан заветный значок. Теперь ему пред-

стояло выводить рыбок — до тех пор, пока он не добьется нужного узора на их чешуе. А это занятие, требующее времени. Нужно скрещивать определенные виды рыбок, отбирать самое удачное потомство, опять скрещивать...

Шли зимы. Наш молодой человек старел. Он не оставлял надежды вывести нужную разновидность рыбок и с их помощью отомстить своему врагу. Зиму за зимой он повторял свои опыты. Зиму за зимой терпел неудачу, но не оставлял работы... И вот наконец он узнал, что его кровный враг умер.

«Я потратил почти целую жизнь на то, чтобы услышать эту весть! — воскликнул он, когда ему сообщили об этой смерти. — И вот я добился своего!»

— Не понимаю, — сказал Конан. — Можно получить удовлетворение, отправив в Серые страны своего врага лично, собственными руками перерезав его горло. Но прожить жизнь в ожидании, пока он умрет... Не понимаю!

— Он поступил как настоящий мудрец, — пояснил Тьянь-по. — Настоящий мудрец никогда не будет мстить лично. Нет, он сядет у реки и будет ждать, пока воды пронесут мимо него труп его врага. Так и случилось с нашим бывшим молодым человеком. И когда он осознал это, он осознал также, что сделался мудрецом. Он перестал быть мстителем.

Поэтому он построил пагоду на склоне горы Размышлений. Затем обзавелся стражей, потому что тотчас нашлось немало охотников обокрасть его пагоду.

— А там есть что красть? — хищно поинтересовался Конан и зачерпнул горстью рис. От любопытства у него разыгрался аппетит, и он готов был теперь поглощать даже этот безвкусный, похожий на резаную бумагу рис.

Тьянь-по энергично покивал головой, сделавшись похожим на фарфоровую игрушку.

— О, да! Поверь мне. Тин-Фу...

— Кто это? — перебил Конан.

— Настало время для имен, — объявил Тьянь-по. — Мудреца с горы Размышлений зовут Тин-Фу. Он накопил некоторые богатства, из которых самым великим являются золотые рыбки с иероглифом желаний на чешуе. Они хранятся в пагоде, в большом хрустальном шаре, наполненном водой.

— Их там много? — спросил Конан.

— По слухам, три, но может быть и больше, — сказал кхитаец.

— Ты предлагаешь мне украсть их?

— Разумеется! — Тьянь-по прищурился. — Во-первых, так мы будем уверены в том, что никто не загадает недостойного желания и не вынудит рыбку исполнить его.

— Какие желания ты считаешь недостойными? — осведомился Конан. И добавил поспешно: — Мне просто интересно.

— Человек может пожелать другому смерти. Может захотеть кого-нибудь обокрасть так, чтобы об этом не узнали. Или вызвать землетрясение в соседнем королевстве. Да мало ли скверных мыслей во-

дится у людей! А мы с тобой ничего подобного не пожелаем. Немного достатка, чуть больше соображения и усердия для нерадивых и тупых учеников... Ну, может быть, изящная девушка для досуга... И много-много-много... — Тут глаза Тьянь-по загорелись огнем поистине дьявольским, так что Конан даже насторожился.

— Чего много? — уточнил он, потому что друг его впал в мечтательную полудрему.

— А? Много-много отличной плотной бумаги! — сказал каллиграф. — Я мечтаю об этом уже не первую зиму. Я обожаю хорошую плотную бумагу с прелестной шероховатостью, созданную для того, чтобы впитывать в себя чернила подобно тому, как земля впитывает влагу дождя...

— Ладно, — сказал Конан, оставив свои желания при себе, — я помогу тебе утащить этих рыбешек. Только мне потребуется помочь.

* * *

Одного из доверенных учеников Тьянь-по звали Гун, а другого — Инь-Тай. Оба явились на зов учителя и склонились перед ним в поклоне. Конан с интересом рассматривал своих будущих помощников.

Гун был невысок, толст, но, несмотря на свои жиры, весьма подвижен. У него было круглое лицо с множеством подбородков и маленькие, заплывшие глазки. Он напомнил Конану кхитайского божка

счастья, из тех, что продают на улицах торговки амулетами.

Инь-Тай представлял полную противоположность своему товарищу: тощий, верткий, как ящерица, с плоским, перебитым носом, который свистел при каждом вдохе.

— Они выглядят так, словно тот парень съедает всю еду у этого, — заметил Конан.

— На самом деле все обстоит ровно наоборот, — засмеялся Тьянь-по. — Толстяк ест очень мало, а тощий лопает за троих.

— Учту, — сказал Конан.

Тьянь-по обратился к своим ученикам:

— Перед вами — великий учитель Конан. Он из Киммерии. Он владеет мудростями различных стран и умеет сочетать несочетаемое. Вам предстоит отправиться с ним на гору Размышлений. Там вы вступите в схватку со стражниками горы Размышлений и победите их в честном бою. Если вам придется для этого применять нечестные приемы, не спрашивайте особого разрешения у учителя Конана. Просто применяйте их! Учитель Конан должен забрать у Тин-Фу хрустальный шар. Если учитель Конан случайно погибнет, хрустальный шар должен забрать один из вас.

Конан метнул на своего приятеля сердитый взгляд. «Случайно погибнет»! Этого только недоставало. Неужели Тьянь-по совершенно в него не верит?

Маленький кхитаец шепнул ему на ухо, словно угадав, какие мысли тревожат киммерийца:

— Это я нарочно сказал. Чтобы они ощущали всю глубину своей ответственности.

Конан нахмурился еще больше, но промолчал. Он давно понял, что его споры с ученым кхитайским каллиграфом чудодейственным образом неизменно заходят в тупик.

— До горы Размышлений — два дня пути, — продолжал Тянь-по. — Вы отправляетесь пешком. Гун возьмет с собой съестные припасы. Инь-Тай — воду и одеяла. Учитель Конан пойдет налегке. Ему предстоит думать, а это достаточно тяжелый груз для одного человека.

Кхитаец хлопнул в ладоши.

— Отправляйтесь!

Ученики снова поклонились ему и разбежались.

— Ну вот и все, — сказал Тянь-по, улыбаясь Конану. — Теперь они в полном твоем распоряжении. Надеюсь, ты их не угрошишь. Они неплохие ребята и умеют работать в команде. Выполняют приказы, не задумываясь, но потом всегда спрашивают о смысле содеянного. Это правильный взгляд на жизнь, пока человек учится.

— Как все сложно! — сказал Конан.

Они отправлялись в путь пешком. Все трое неплохо бегали, так что долгая дорога никого не смущала. Гора Размышлений все время была видна впереди, погруженная в дымку бледно-фиолетового тумана. К вечеру первого дня солнце коснулось ее багровыми лучами, на миг облив всю удивительным розовым светом, а затем зашло за вершину. Туман

стал гуще, трава под ногами покрылась влагой. Равнина, расстилавшаяся перед путниками, как будто отдыхала после долгого дня.

— Учитель Конан, — заговорил Гун, — сейчас время для вечерней медитации и сна.

— Для ужина, — добавил Инь-Тай. — Учитель Тянь-по всегда созывал нас на ужин, когда солнце притрагивалось лучами к вершине горы Размышлений.

— Не будем нарушать того, что заведено учителем Тянь-по, — согласился Конан, который и сам был не прочь передохнуть и закусить.

Насчет своих учеников Тянь-по оказался совершенно прав: они действительно слаженно работали в команде. Пока один расстилал одеяла, другой сноровисто готовил ужин: расставлял крохотные плоские глиняные тарелки, раскладывал по ним хлебцы, соленую рыбку и какую-то зелень, выловленную из моря и вымоченную в уксусе. Конан поглядывал на эту трапезу с большим сомнением, а Инь-Тай просто истекал слюной. Мудрость Тянь-по проявилась также в том, что все съестные припасы он доверил Гуну. Поглядывая на Инь-Тая, Конан начал не на шутку опасаться: как бы прожорливый ученик не отгрыз у него во сне ляжку. Киммериец впервые в жизни видел человека, который постоянно испытывает голод.

Наконец трапеза, превратившаяся для Конана в настоящее испытание, была позади. Все зеленые водоросли съедены, тарелки облизаны и вытерты пуч-

ком травы, хлебцы поглощены до последней крошки. Путники расстелили одеяла.

— Учитель Конан, — сквозь сон услышал киммериец, — разве вы не будете медитировать?

— Настоящий учитель всегда медитирует, — ответил Конан, почти не просыпаясь. — Даже во сне.

И громко захрапел.

* * *

Пагода на склоне выглядела удивительно красивой. И деревья рядом с ней росли так, словно нарочно желали подчеркнуть ее изумительную архитектуру с изогнутыми крышами, колокольчиками, резьбой, драконами-водостоками и фениксом на крыше. Притаившись в зарослях, Конан со своими помощниками наблюдал за пагодой.

По мнению обоих учеников, следить было не за чем: возле пагоды ничего не происходило. Деревья мирно шелестели листвой, птицы изредка перелетали с ветки на ветку. Было очень тихо. Позванивали на ветру колокольчики, но скоро и ветер улегся.

Так продолжалось довольно долго. Ученики начали уставать от бездействия и скучать, однако нарушить приказ учителя не решались. А Конан с истинно варварским терпением продолжал таиться и смотреть.

Наконец его усилия были вознаграждены: на ступенях показались два человека, одетые в длинные халаты ярко-синего цвета. Вышивка желтым шелком на спине изображала рыбку с длинным пыш-

ным хвостом. Они остановились, обменялись двумя-тремя короткими фразами, затем один, усмехнувшись, куда-то ушел, а второй остался и обвел взглядом окрестности пагоды. У него был такой вид, словно эта гора и все, что находится на ее склоне, принадлежат лично ему.

— Двое, — пробормотал Конан, — Но их, возможно, больше...

— И нас двое, — быстро шепнул Инь-Тай. — Мы одолеем их, учитель!

— Если их двое, — повторил Конан, — а не больше... Я не хотел бы здесь никого убивать. Это означало бы нарушить красоту.

И сам удивился собственным словам. «Все это — влияние Тьянъ-по, — подумал варвар сердито. — Я начинаю выражаться как он. Если я проведу в этой стране хотя бы несколько лун, то начну думать как кхитайец. А еще через зиму у меня сделаются раскосые глаза, и я уменьшусь в росте. Буду сухонький и жилистый... Ужас!»

— Учитель Тьянъ-по сказал, что хрустальный шар находится где-то наверху пагоды, — напомнил Гун.

— Ты очень шумиши, — сказал ему Конан одними губами. — Ты большой.

— Вы больше, учитель Конан, — напомнил Гун.

— Учитель Конан больше ученика Гуна не только телом, но и духом, — заявил Конан. — Поэтому он умеет ждать и оставаться неподвижным.

В этот момент стражник, стоявший на ступеньках пагоды, перестал зевать и насторожился.

— Кто здесь? — проговорил он, вытягивая шею и глядя точнечонько в ту сторону, где за кустом прятались шпионы Тянь-по.

Конан скроил угрожающую гримасу, которую его спутники совершенно верно истолковали как знак молчать и никак не комментировать случившееся.

Затем, по знаку Конана, оба ученика выскочили вперед и принялись за стражника. Первым же ударом Гуна он был опрокинут и покатился по ступенькам прямо под ноги к Инь-Таю. Быстрый и тонкий, Инь-Тай подпрыгнул и приземлился обеими босыми пятками на поверженного врага. Он метил ему в голову, чтобы тот потерял сознание и не смог причинить неприятностей непрошеным гостям, однако промахнулся и угодил в бок. Босая ступня Инь-Тая налетела на выпирающую бедренную кость. Тонкий шелк халата отнюдь не смягчил удара. Оба противника одинаково взвыли от боли и сплелись в объятии. Стражник норовил придушить Инь-Тая, а тот, в свою очередь, старался угодить острым локтем тому под дых или в горло. Ни один не преуспел в своем намерении. Подумав, Конан неспешно вышел из своего укрытия и оглушил стражника аккуратным ударом кулака в висок.

Инь-Тай выбрался из-под своего соперника, поднялся на ноги и принялся кланяться Конану:

— Благодарю, учитель Конан. Это было своевременно, а ведь сказано у древних мудрецов: «Современная помощь — драгоценность, в то время как опоздавшая — прокисшее молоко и тухлое мясо...»

— Еще у этих мудрецов сказано: «Поторопись, не то схлопочешь от того, кто только что спас твою никчемную жизнь!» — проворчал Конан. — Вперед! Нам нужно забраться на самый верх пагоды и вытащить оттуда хрустальный шар. Надеюсь, ты догадываешься, как это сделать.

Оба побежали вперед. Гун уже скрылся за резными деревянными колоннами пагоды, выкрашенными в темно-красный и золотой цвета.

Все трое оказались в маленьком помещении, со всех сторон открытом свежему воздуху. Колонны поддерживали низкий потолок. Балки в виде драконов, сплетенных хвостами, с позолоченными мордами и красными извивающимися усами, скрещивались над головами вошедших. У каждой из шестнадцати колонн на невысоких столиках стояли кувшины и пузатые круглые сосуды с какими-то веществами. Конан решил, что нет времени выяснять это. Если обитатель пагоды — настоящий колдун, то лучше не прикасаться к его имуществу.

В этот миг Инь-Тай споткнулся и рухнул на пол. Стارаясь удержать равновесие, он взмахнул руками и задел кончиками пальцев один из столиков. В последнем усилии не повалиться, он уцепился за край столика.

Это оказалось роковой ошибкой: Столик покачнулся, и кувшин, стоявший на нем, опрокинулся. С оглушительным грохотом кувшин разлетелся на кусочки. Только тут Конан понял, что материал, из которого был сделан этот сосуд, — не глина, а ка-

мень. Алебастр или нефрит. Очень тонкая работа. Была.

Теперь весь пол оказался усеян острыми осколками, и, что еще хуже, залит содергимым кувшина. А содержал в себе кувшин, убитый неловким учеником, ничто иное, как масло.

Не успел Конан крикнуть: «Берегись!» и поделился со своими спутниками последним открытием, как массивный Гун медленно разинул рот и протяжно, басовито заорал:

— А-а-а!..

Его толстые ноги поехали по маслу, расплзаясь в стороны, и спустя миг Гун грянулся об пол. Инь-Тай попытался встать и снова упал.

Привлеченные шумом, сюда уже бежали стражники. Их оказалось не двое, а гораздо больше. Как и предполагал Конан. Впрочем, киммериец полагался на свою силу и длинный двуручный меч. Как ни гордятся кхитайцы своей борьбой, против меча им не устоять. Что бы там они ни говорили о чудо-бойцах, способных порвать мечника голыми руками, — киммериец отказывался верить в подобную нелепость.

Зарычав, как дикий зверь, Конан выдернул из ножен меч и ринулся в атаку.

И... неведомая сила притянула его к земле!

Конан обнаружил себя барахтающимся на полу среди учеников. Впрочем, и стражникам пришлось нелегко. Каждый раз, когда они пытались атаковать, их ноги отказывались слушаться и вели их совершенно не в ту сторону.

Повалилась небольшая каменная статуя, изображавшая божество неба, флегматичного голого толстяка, восседавшего на облаке и созерцающего жировые складки на собственном животе. Голова божества откатилась в сторону и больно ударила Гуна под колено. Тот завопил, махнул кулаком, чтобы отразить атаку скользящего к нему стражника, но промахнулся мимо цели. Стражник проплыл дальше, не в силах удержаться на месте, и врезался в стену. Обрушился еще один сосуд. Новая порция масла щедро выплеснулась на пол.

Конан понял, что настала пора скрываться с места происшествия. Что бы там ни случилось дальше, незачем киммерийскому воину барахтаться в луже масла вместе с кучей вопящих кхитайцев.

Он осторожно поднялся на четвереньки и пополз к выходу.

— Учитель Конан! — возопил Гун. — Куда вы?

— Учитель удаляется для осмыслиения действия, — ответил Конан. — Ученик продолжает действовать. Истинная мудрость — в созерцании.

«Что я несу! — в ужасе подумал он. — Они поймут, что я удираю!»

Однако ученики приняли это объяснение без рассуждений и продолжили свою бесславную битву. Что касается Конана, то он поступил согласно старой воинской мудрости: отошел с поля проигранной битвы, чтобы обдумать, как быть с результатами неминуемого поражения и прийти на помощь тем, кого еще можно спасти.

Иными словами, киммериец спасся бегством и засел в чаще леса, покрывавшего склоны горы Размышлений, некогда дикой и лохматой.

* * *

Стайка разноцветных птиц заполнила воздух. Затем показался человек. Он шагал, окруженный птицами, и был похож на какое-то сказочное существо. Это был старик с длинной белой бородой и белоснежными волосами, заплетенными в косу. Просторный халат до пят, расшитый изображениями цветов и птиц, облекал его худое, но крепкое тело. Коричневое узкое лицо казалось почти черным в обрамлении сплошной белизны волос и пестроты светлой одежды. В руках старик держал только что срезанные живые цветы. Цветы были прикреплены к его плечам, локтям, они украшали его прическу и висели за ушами. Крохотные птички, щебеча, зависали над этими цветами, садились человеку на руки, осторожно касались клювиками его ушей и щек.

Завидев его, стражники прекратили баражаться на масляном полу и застыли в почтительных позах. Точнее — в тех позах, какие им удалось принять при сложившихся обстоятельствах. Каждый из них в душе надеялся, что учитель вникнет в обстоятельства и не станет наказывать их слишком сурово.

Инь-Тай и Гун последовали примеру своих недавних противников. Они замерли и прижались лбами к доскам. Тин-Фу приблизился и несколько мгновений задумчиво созерцал открывшуюся ему картину.

Видимо, он находил ее достаточно забавной, потому что несколько раз улыбка появлялась на его лице. Затем он широко развел руками. Птицы взлетели в воздух, оглашая беседку шумным чириканьем.

— Так, — выговорил Тин-Фу, — кто решится объяснить мне, что здесь происходит?

Один из стражников приподнялся и заговорил:

— Господин учитель, эти двое решились войти в пагоду Размышлений, дабы украсть отсюда масло...

— Масло? — удивился Тин-Фу. — Для чего каким-то бродягам красть у меня масло?

— Должно быть, — вмешался другой, — они про слышали о том, что учитель хранит здесь в алебастровых сосудах благоуханное и душистое масло.

— Никто не ответил на мой вопрос, — повторил Тин-Фу, — для чего бродягам масло?

— Они проникли сюда, — сделал попытку третий стражник, — и разлили масло: Мы пытались задержать их, но сражение затянулось...

— В любом случае, они в наших руках, — заключил первый стражник. — И учитель может делать с ними все, что пожелает.

— С ними был еще третий, — добавил второй стражник. — Рослый, черноволосый тип. Гора мышц. Настоящая горная горилла!

— Горилла... — Тин-Фу ненадолго задумался. По его лицу медленно блуждала улыбка. Это была улыбка мудреца и созерцателя, который уже успел увидеть, как по реке мимо него проплывает труп его кровного врага.

Наконец некая мысль осенила Тин-Фу. Он хлопнул в ладоши.

— Немедленно поднимитесь и приведите беседку в порядок! Я не желаю видеть здесь все эти осколки! Пленников связать и оставить здесь, на моих глазах!

Это повеление было исполнено. Оба незадачливых ученика Тьянъ-по были скручены веревками и брошены на землю, к ногам Тин-Фу. Мудрец разглядывал их некоторое время, затем спросил:

— Кто вы?

— Мы не ответим тебе, великий учитель Тин-Фу! — выпалил Гун. — Потому что наш учитель, тоже великий человек, запрещает нам рассказывать о...

— Мы будем молчать! — добавил Инь-Тай.

— Кто был тот третий, которого видели с вами? — спросил Тин-Фу. И добавил угрожающе: — Учтите, если вы будете продолжать дерзить или упорствовать в своем молчании, я прикажу пытать вас! Я срежу с ваших ушей тонкие полоски кожи! Затем я надрежу ваши пятки и натру их солью! Я настрогаю тонким ножом ваши спины и бедра и оставлю вас лежать под палящим солнцем!

Пленники обменялись быстрыми взглядами. Наконец Инь-Тай сказал:

— Наш учитель ничего не говорил нам о том, что мы должны молчать насчет нашего спутника. Его зовут учитель Конан. Он обладает нечеловеческой мощью. Он сильнее горной гориллы, если вас это интересует. И он наделен чрезвычайной мудростью.

— Никогда не было учителя более образованного, — добавил Гун. — Если, конечно, не считать нашего первого и главного учителя. И вас, господин, — заключил он после короткой паузы. На всякий случай.

К его удивлению, великий учитель Тин-Фу самодовольно улыбнулся, из чего Гун сделал совершенно правильный вывод: Тин-Фу до сих пор подвержен некоторым слабостям, вроде тщеславия, и, следовательно, не достиг надлежащего просветления. Это давало определенную надежду пленникам. С человеком, достигшим просветления, трудно иметь дело. У него нет слабостей, которыми можно было бы воспользоваться.

Плохо одно: у пленников совершенно не было времени. И пока они раздумывали над тем, как им выбраться из своего затруднительного положения, не нарушив при этом ни одного из запретов учителя Тьянъ-по, колдун и мудрец Тин-Фу успел принять собственное решение.

— Коль скоро вы оказались в моей власти, захваченные на месте преступления, во время вторжения в мой дом, — объявил он, — я воспользуюсь моим правом сильного.

И удалился, оставив обоих пленников недоумевать — какую же участь он им уготовил.

* * *

Конан ворвался в домик Тьянъ-по, расположенный на окраине города Пу-И, в тенистом саду. Вар-

вар был верхом на совершенно замученной косматой лошадке. Эти животные, хоть и славные своей выносливостью, совершенно не приспособлены к тому, чтобы возить на себе тяжелых киммерийских варваров. Да еще на большие расстояния. Да еще с такой скоростью. Конан проделал весь путь верхом на угнанной лошади меньше чем за день. Он ехал всю ночь и на рассвете уже потревожил мирный сон своего давнего приятеля-мудреца.

— Сперва лошадь, — проворчал Конан, — она оказалась надежнее и вернее иных людей. Так что для начала я займусь ею.

Лошадку поводили по саду, дав ей успокоить дыхание. Тьянъ-по взялся сам чистить ее, называя при том «Верным Облаком» и «Прекрасной из Преданных». Лошадка дергала ушами и косила глазами. По всему было видно, что прозвища ей нравятся.

— Вы, кхитайцы, всегда держитесь так, словно у вас впереди вечность, — сказал Конан. — Ты так и не спросишь, почему я вернулся один?

— Зачем спрашивать о том, что рвется у собеседника с языка? — осведомился Тьянъ-по. — Я вижу, ты готов рассказать мне сам, без всяких вопросов.

Конан махнул рукой.

— Оба этих болвана попались колдуну. Теперь он, вероятно, поджаривает их на вертеле. Меня видели его стражники, но я успел удрать.

— Интересно, — сказал Тьянъ-по. — Ты не вступил с ним в схватку?

Конан поморщился.

— Мне пришлось бы убить с десяток человек. Кровь и трупы нарушили бы неповторимую гармонию пагоды на горе Размышлений.

Тьянъ-по засмеялся.

— Я знаю, что гармония не имеет для тебя никакого значения, Конан! Передо мной можешь не притворяться «великим учителем».

— Ну да, — проворчал Конан, ничуть не смущившись, — я не хотел там никого убивать. Я ненавижу колдунов, ты это знаешь, но этот Тин-Фу не производит впечатления настоящего колдуна. Просто старик, который много знает. Я встречал таких. Вы, умеющие рисовать замысловатые каракули на бумаге, полагаете, будто варвару только того и надобно — размахнуться пошире да срубить кому-нибудь голову...

Тьянъ-по отвел глаза. Он не хотел говорить своему другу, что тот, в принципе, угадал.

А Конан продолжал:

— Укрась золотых рыбок, умеющих исполнять желания, — дело по мне. А резать дураков, поскольку знувшихся на разлитом масле, — нет уж, уволь. Я не мясник. Это ты обратился не по адресу.

— На масле? — не понял Тьянъ-по.

Конан досадливо поморщился.

— Твои доблестные ученики уронили и разбили сосуд с маслом. Все растеклось по полу. Любоваться на битву дураков с дураками, скользящих по маслу, — истинное удовольствие для человека с крепкой душой. Я едва не лопнул со смеху.

— А где ты сам-то находился? — чуть прищурил и без того узкие глаза Тьянь-по.

Конан ничуть не смутился. Недаром он был вором со стажем.

— Поблизости. Я руководил битвой. В результате... мы проиграли. — Он вздохнул. — Я едва унес ноги. Твои ученики в руках старика. Я не оставил бы их там, если бы не был уверен в том, что им не грозит опасность.

Тьянь-по приподнялся. Костяными щипчиками взял с подносика засушенную розочку, осторожно положил ее в чай. Напиток сразу стал испускать новый, тонкий аромат. Конан раздул ноздри, как будто запах неприятно тревожил его.

— Ты уверен, что им не грозит опасность? — переспросил Тьянь-по и отхлебнул чая.

— Да. Я посмотрел на этого Тин-Фу, — сказал Конан. — Цветочки, птички, борода белая... Больше похоже на сказку, чем на страшную историю с убийствами. Он любит загадки, искусство... каллиграфию...

— Каллиграф каллиграфу глаз не выколет, — сказал Тьянь-по задумчиво. — Хотя... как знать! Что ты предлагаешь делать дальше, Конан?

— Попробую подобраться к нашему мудрецу с воздуха, — сказал Конан. — Пока я уносил ноги, у меня в голове появилось несколько свежих мыслей.

— Должно быть, ветром надуло, — сказал Тьянь-по.

В этот момент в сад вбежал человек. Он был весь покрыт потом, халат на его спине потемнел, по лбу катились крупные капли.

— Кто ты? — спросил Тьянь-по, приподнимаясь на подушках.

Конан тревожно коснулся рукояти меча. Хоть они и сидели в саду, окруженные карликовыми деревьями, цветами, крошечными прудами и красиво выложенными камнями, в мире тишины, созерцания и безопасности, с мечом варвар не расставался. Тьянь-по давно привык к этой особенности своего приятеля, и его она не смущала.

Человек, загнанно дыша, уставился на Тьянь-по.

— Я — один из учеников великого учителя Тин-Фу, — объявил он. — Мой господин отправил меня сюда, к учителю Тьянь-по, дабы передать ему послание.

— Ты, должно быть, долго бежал, — сказал Тьянь-по.

— Я был верхом на лошади, но она пала незадолго до рассвета, когда город был уже виден, — признался ученик.

— Ты — скверный ученик, если допустил, чтобы твоя лошадь пала! — сказал Тьянь-по. — Я не желаю разговаривать с подобным ничтожеством!

Человек поклонился и ответил:

— Учителю Тьянь-по и не потребуется разговаривать со мной, ибо я привез письмо от моего учителя.

С этими словами он подал Тьянь-по бумагу.

Тьянь-по развернул послание и прочитал вслух:

— «Твои ученики — настоящие обезьяны!»

Несколько мгновений он размышлял над прочитанным, а затем отправился в дом и вынес оттуда в

сад набор письменных принадлежностей. Расположившись удобнее, он вывел на листке бумаги своим изящным почерком каллиграфа:

«Любая мартышка ближе к состоянию просветления, чем жадный глупец».

Он вручил послание ученику и выпроводил его вон.

Когда тот скрылся из сада, Тьянъ-по перевел взгляд на Конана.

— Что ты думаешь обо всем этом? — спросил Тьянъ-по.

— Ты ведь прочитал письмо и написал остроумный ответ, — молвил Конан. — Разве ты не понял, о чем написал тебе Тин-Фу?

— Нет, — признался Тьянъ-по. — Я ответил ему наугад. А у тебя есть предположения?

Конан медленно покачал головой.

— Никаких, — сказал он. — Разве что одно: Тин-Фу совершенно прав. Твои ученики — сущие обезьяны. Хотя и презабавные ребята. Мне было с ними интересно.

* * *

Ни у Тьянъ-по, ни у Конана не возникло даже мысли о том, что смысл послания Тин-Фу следует понимать буквально. А между тем это было именно так.

Инь-Тай недолго оставался в неведении относительно своей будущей судьбы. Неожиданно он почувствовал, что веревки, стягивающие его руки, ослабли. Он пошевелился, и это ему удалось. Что за чудеса! Никто не приближался к пленникам, никто

не освобождал их от пут. Неужели колдун опоил их каким-то зельем или одурманил чарами и, пока оба находились в забытьи, решил их освободить?

Странно.

Инь-Тай шевельнул руками, и веревки упали. Он хотел было окликнуть своего товарища, но язык не повиновался ему. А совсем рядом послышался радостный крик обезьянки. Инь-Тай повернулся. Гуна поблизости не было.

На том месте, где совсем недавно корчился связанный Гун, сидела на корточках толстая лохматая мартышка и увлеченно гrimасничала.

Инь-Тай протянул руку, чтобы коснуться ее. С ужасом он увидел, что его рука покрыта густой рыжей шерстью. Вторая мартышка мрачно закивала головой и обхватила себя длинными руками. Затем медленно двинулась вперед, приволакивая ноги. Ее хвост поднялся в воздух и несколько раз качнулся из стороны в сторону.

На деревьях при виде новых двух мартышек громко завопили другие обезьянки. На головы чужаков посыпались орехи, листья, палки.

Инь-Тай крикнул. Он хотел сказать своему товарищу: «Давай вздуем этих нахалов!», но человеческих слов у него не нашлось. Вытянутые губы исторгли странные пронзительные крики. Тем не менее Гун понял его и ослабился, показывая желтоватые клыки.

Миг — и обе новых мартышки взлетели на деревья. Может быть, ученики Тьянъ-по и сделались об-

езьянами (как любезно сообщил их учителю Тин-Фу), но своих боевых навыков они не утратили. И это очень обрадовало Гуна и Инь-Тая.

С громким боевым кличем они ринулись в битву. Жертвой их первой атаки стал крупный самец с черноватой шерстью и нахальной мордой. Новички безошибочно узнали в нем лидера и решили сокрушить его. Другие обезьяны пытались поначалу защищать лидирующего самца, однако против бешеного вихря рук и ног (новообретенная одинаковая ловкость верхних и нижних конечностей восхищала Гуна и Инь-Тая) устоять не смогла ни одна обезьяна. И вскоре они начали отступать.

Лидирующему самцу приходилось теперь плохо. Его лупили и дубасили с обеих сторон. Он верещал, озирался по сторонам, а затем обхватил голову обеими длинными руками и заплакал, прося пощады.

Гун остановился первым. Инь-Тай еще раз наподдал противнику, но затем перестал бить и он. Самец с глубоким вздохом убрал с морды одну руку. На приятелей уставился круглый желтоватый глаз, в котором дрожала слеза.

Инь-Тай почувствовал сострадание к этому несчастному существу, которое совсем недавно было чем-то вроде императора в стае злонравных мартышек. Он решил выказать свою симпатию к поверженному лидеру. Будь они оба людьми, Инь-Тай предложил бы ему чаю или рисовой водки, а потом отправился бы с ним в квартал Красных Фонарей. Но в стае обезьян он принял другое решение. И по-

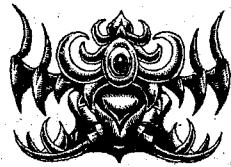
вел себя с исключительной любезностью: обнаружил за ухом у самца крупную вошь, снял ее и раздавил черными ногтями.

Самец убрал от морды и вторую руку, а затем осторожно перелез на соседнюю ветку.

Самки-мартышки, вереща, окружили новых лидеров стаи. Инь-Тай обнаружил себя окруженным лохматыми и хвостатыми прелестницами, каждая из которых норовила обыскать его шерсть или потереться мордой о его плечо. Гун пользовался не меньшим вниманием.

Друзья осознали, что им происходящее очень нравится. Живя в мире людей, они никогда не пользовались таким беспредельным уважением, такой искренней и пылкой любовью!

3

Взмах крыльев

Конану несколько зим назад довелось встретить странных существ, которые не являлись людьми в полном смысле этого слова. Обычно для чудовищ подобные встречи с киммерийцем заканчивались плачевно — Конан обладал здоровым чувством прекрасного и не находил удовольствия в созерцании оскаленной клыкастой пасти или развернутых на полгоризонта кожистых черных крыльев. Не любил он когтистых лап, норовящих выпустить кишки всему, что движется и не деревянное.

Однако эти существа были иными. Они появились на свет от заколдованной матери. Несчастная девушка, полюбившая колдуна настолько, что полностью предалась в его власть, постепенно превращалась в птицу, а трое ее отпрysков родились крылатыми карликами. Утратившая рассудок их мать умерла, а карлики-крыланы некоторое время собирали сокровища, желая отыскать своего отца и заставить его расколдовать их, превратив в обычных людей.

Встреча с Конаном полностью перевернула жизнь крыланов. Сокровища, украденные карликами, обрели... как бы это поделикатнее выразиться? — нового хозяина. Впрочем, крыланов киммериец тоже не обидел. Чего нельзя сказать об их отце — злой колдун был уничтожен. Братья-крыланы расстались с надеждой превратиться в обычных людей. Следуя совету Конана, они перебрались в Кхитай, страну, где полным-полно странностей. Так охарактеризовал родину своего друга Тьянь-по киммериец.

Действительно, в Кхите никто не смотрел косо на трех низкорослых братьев-горбунов, которые купили небольшой чайный домик на окраине города Пу-И и открыли свое маленькое дело. Постепенно все трое женились и даже завели детей. Крылатой родилась только одна девочка; впрочем, она оказалась прехорошенькой и очень послушной, так что ее отец был вполне ею доволен. Прочие дети выглядели совершенно обычными.

Когда на пороге очаровательного чайного домика появился чужестранец, первой его заметила именно крылатая девочка по имени Фэй. Она сидела на ветке дерева и таращилась на улицу, когда перед ней внезапно вырос гигант с мечом за плечами. Синие глаза гиганта были как раз вровень с глазами девочки. Фэй никогда не видела таких светлых и ярких глаз. Она тихонько вскрикнула, взмахнула крыльями и взлетела. Гигант рассмеялся.

— Вижу, я пришел куда следует — крикнул он в спину улетающей девочке. — Передай своему отцу,

что здесь Конан-киммериец! Я хотел бы поговорить с ним! И с твоими дядьми — тоже!

Фэй уже скрылась в саду. Некоторое время ничего не происходило. Конан, посмеиваясь, разгуливал по дорожкам и разглядывал многочисленные крохотные мостики, перекинутые через тонкие, как ниточка, ручейки, пруды, где резвились зеркальные карпики, каждый размером с монетку, выложенные камнями клумбочки с пахучими белыми цветами, малюсенькие искривленные деревца. По кхитайским меркам, дом был богатый и изящный, Конан мог судить об этом по ухоженному саду.

Вскоре навстречу к нему поспешили крыланы. Они окружили его и захлопотали, как это делают все кхитайцы. Киммериец еще раз подумал о том, что кхитайские манеры весьма заразны и прилипчивы, и дал себе слово поскорее покинуть эту страну, покуда он и сам не превратился в хлопочущего, суетящегося кхитайца.

— Это же Конан! — радовались крыланы. — Он решил навестить нас! Нам очень приятно видеть тебя! Ты еще не видел наших жен! У нас прекрасные дети! У нас прекрасный чайный дом! У нас проводят время прекрасные люди! Они нам прекрасно платят!

— Я понял, понял, — отбивался варвар. — Чайный дом и все прекрасно!

Он сел прямо на землю и расхохотался до слез. Крыланы глядели на него немного озадаченно.

— Вы больше не хотите расстаться со своими крыльями? — спросил киммериец. Он знал, что по-

лагается сперва поговорить о погоде, затем — о новостях при дворе Небесного Владыки, затем — о достоинствах женщин, затем — о достоинствах чая... и только после этого, может быть, гость сочтет возможным перейти к цели своего визита. Однако Конан спешил.

Крыланы растерялись. Потом один из них неуверенно выговорил:

— При дворе Небесного Владыки почти нет перемен... Все по-старому, только у первого министра благородствования воздухов опять болит поясница...

Все облегченно закивали головами. Маленькая Фэй пронеслась над взрослыми, громко чирикая на лету. Видимо, она пела.

Конан прищурился.

— У вас все детки с крыльями?

— Только дочка, — сказал отец Фэй не без гордости. — Ее наверняка братья подослали — посмотреть, что происходит в саду. Сами-то прийти боятся. За любопытство их наказывают.

Конан вздохнул.

— Если вы не хотите расстаться с крыльями, то, может быть, у вас есть какие-нибудь другие заветные желания?

Опять сгустилась неловкая пауза. После этого еще один крылан произнес:

— Облака в форме совокупляющихся драконов сулят дождь, однако засуха в этом году может затянуться...

— А кто видел облака в форме совокупляющихся

драконов? — оживился его брат, вдохновленный перспективой перевести беседу в приличное русло.

— Пришло сообщение с границы, — сказал крылан. — Доставила красивая женщина, которая прискала на Небесном Коне.

— А, — молвил крылан. — И снова все замолчали.

— Колдун и мудрец Тин-Фу с горы Размышлений захватил в плен учеников моего старого друга Тяньпо, — сказал Конан. — Не знаю уж, что он с ними сделал. Конечно, мы и сами виноваты. Я и эти ребята. Ученики. Нельзя было соваться в пагоду без предварительной подготовки... Но кто знал, что у Тин-Фу хранится в кувшинах не что-нибудь, а масло?

— Этого никто не мог знать, — согласились крыланы, совершенно не представляя себе, о чем идет речь.

Конан пригладил растрепанные черные волосы.

— Я бы хотел обсудить с вами достоинства того прекрасного чая, которым вы потчуете своих прекрасных гостей, — объявил он. — Надеюсь, я веду себя достаточно по-китайски?

— Вполне, — неуверенно отзовались крыланы.

Обступив своего рослого гостя, они потащили его в глубину сада, где находился очаровательный чайный домик, выстроенный из дерева и разрисованный цветами розового лотоса и резвящимися рыбками.

Конан покорился неизбежному. Его устроили на плоских жестких подушках, подали в плоской чашечке нечто бесцветное, со странным привкусом,

больше всего напомнившим Конану лежалую солому, и уставились на варвара в ожидании восторгов. Конан выразил полное удовлетворение. Ему нужна была помочь крыланов. И коль скоро трое братьев решили изображать из себя законченных кхитайцев, Конану придется играть в их игры и участвовать в их церемониях.

Он рассказал, потягивая чай, что недавно побывал на западе, где видел Дерево-Мать. Это дерево растёт совершенно одиноко посреди голой пустыни. Каждое утро на рассвете на его ветвях появляются пищащие младенцы, а когда солнце клонится к закату, младенцы обрываются с веток и убегают под землю. И там они становятся подземными карликами.

В ответ крыланы рассказали об одном полководце с востока, у которого был целый ящик бумажных солдатиков. Когда этот полководец видел перед собой неприятеля, он попросту ставил ящик на землю и дул на него. Бумажные солдатики превращались в настоящих и бесстрашно шли в атаку. А после окончания битвы полководец обходил поле сражения и дул на всех своих солдат, которые становились опять бумажными. Поэтому он не проиграл ни одной битвы.

— Кстати, о битвах, — сказал Конан, решив, что потратил достаточно времени на обмен вежливостями. — Тут у вас в Китае обитает замечательный колдун Тин-Фу, так вот, он вывел удивительных золотых рыбок...

Крыланы внимательно выслушали всю повесть:

об иероглифе желаний на чешуе рыбок, о позорном поражении Конана с двумя товарищами во время попытки обокрасть колдуна, об опасности существования таких рыбок...

— Ты прав, — сказал Конану один из братьев. — Мало ли что придет в голову какому-нибудь злонамеренному человеку, который может по случайности завладеть такими рыбками!

— Да и нам не помешало бы исполнить несколько наших желаний, — добавил второй. — Лично я хотел бы обновить стену вокруг нашего садика и украсить ее изнутри изразцами. А это дорого стоит, трудоемко и займет много времени. То ли дело — рыбки!

— Наверное, у нашего киммерийского друга тоже найдется пара-тройка заветных мыслей, — проговорил третий. — И я уверен, что все эти мысли достойны великодушного человека!

Среди мыслей Конана по крайней мере одна не являлась таковой. Она была, напротив того, крайне невеликодушной, поскольку касалась султанапурского министра со всеми его интригами, заговорами и далеко идущими планами. Но киммериец не стал посвящать своих маленьких крылатых друзей в эти соображения. Он хлопнул себя по коленям.

— Итак, вы согласны заняться этим делом?

— Мы поможем тебе, Конан.

— В таком случае, я подожду вас здесь, — объявил Конан. — Собирайтесь. Нам предстоит довольно долгая дорога.

И Конан растянулся на полу чайного домика. Братья разбежались по саду, каждый к своему павильону, который он делил с супругой и детьми. Конан прикрыл глаза. Он очень устал. Некоторое время вокруг царила тишина. Негромкие голоса и быстренький топоток женских ножек, обутых в смешные деревянные туфельки, похожие на скамеечки, не нарушали общего покоя, охватившего этот садик.

Затем Конан ощутил на себе чей-то взгляд и открыл глаза. Прямо перед ним в воздухе висела крылатая девочка Фэй. Она бесцеремонно рассматривала киммерийца, поэтому он считал возможным столь же прямо и нахально уставиться на нее.

Да, Фэй, несомненно, была очаровательной. Вероятно, подумал Конан, она унаследовала многое из внешности своей бабушки, несчастной матери троих крыланов. Ведь та была чрезвычайно красива — до того, как колдун своими злыми чарами изменил ее естество. Кхитайская кровь придала ей почти фарфоровую хрупкость. У девочки было белое лицо с нежным румянцем, раскосые глаза — как будто нарисованные кистью каллиграфа, пухлые губы. Тонкие шелковые черные волосы отливали синевой. Она убирала их в хвост, но прическа выглядела небрежной. Впрочем, Конан догадывался о том, что эта небрежность была нарочитой и являлась результатом долгих посиделок перед зеркалом. Кхитайские женщины тщательно вытягивают из прически пряди, дабы подчеркнуть свое настроение: прядь на левом виске означает, кажется, грусть, на правом —

веселье, а с обеих сторон... э... Конан всерьез задумался над этой проблемой.

— Что означают выпущенные пряди с обеих сторон? — неожиданно спросил он вслух.

— Желание участвовать в приключении! — выпалила Фэй.

— Ты шустрая малышка, — одобрительно проговорил Конан. — Что думает об этом твой отец?

— О том, что я шустрая? — уточнила Фэй. — Или о том, что я хочу участвовать в приключении?

— Первое, — сказал Конан.

— Ну... — Она задумалась. — Он говорит: «Разрази меня гром, если бы я был девочкой, я сидел бы дома»

— Стало быть, одобряет, — сделал вывод Конан. — Возможно, мне удастся замолвить за тебя словечко.

— И меня возьмут с собой? — Она подпрыгнула в воздухе. — И мне не придется следовать за вами тайно?

— А ты собиралась сделать это?

— Ну конечно! — Она чуть надула губы. — Как бы я иначе участвовала в приключении, которое мне запретили?

— Смотри, как бы твой отец не лишил тебя крыльев! — предупредил Конан.

— Он не сможет этого сделать! Он разговаривал об этом с мамой, — сообщила Фэй.

— А ты подслушивала? — Конан попытался нахмурить брови и выглядеть строго. Варвару редко доводилось беседовать с девочками такого возраста.

Обычно его собеседницы бывали чуть постарше. Впрочем, большинство из них были старше лишь телом, но не умом, как не раз замечал Конан.

— Я подслушивала, это уж несомненно, — сказала Фэй, ничуть не смущаясь. — Отец говорил, что может пригласить врача, который отрезал бы мне крылья. Но эта операция крайне опасна. Он уже советовался. И кроме того, это было бы жестоко по отношению ко мне, так он сказал. Он знает, как я люблю летать.

— Но если твоему жениху это не понравится, Фэй? — спросил Конан. Он потянулся и зевнул.

— Что не понравится? Что я летаю? — Фэй чуть задумалась. — Ну так мы найдем такого, которому это понравится, только и всего! В Кхитае всегда ссыщается странный человек, охочий до необычного. И кроме того, это ведь изысканно!

Она пролетела перед чайным домиком вперед-назад несколько раз.

В этот момент вернулись братья-крыланы. За ними семенили их жены, застенчивые маленькие женщины в очень простой домашней одежде. Из их причесок выглядывали только что сорванные цветы. Женщины несли походные сумки с припасами.

— Отправляемся немедленно, — объявил Конан, садясь. — Здравствуйте, дамы.

Жены крыланов захихикали, прячась за спинами своих мужей. Как ни были они малы ростом, но крыланы были еще ниже, поэтому попытка спрятаться удалась лишь отчасти. Конан ухмыльнулся.

— У меня есть лошадка, а вам, я полагаю, лошади не потребуются... Да, еще одна проблема. С нами отправляется Фэй.

Одна из женщин ахнула и всплеснула руками, а отец Фэй сделал вид, что очень недоволен. На самом деле, как видел Конан, он испытывал тайную гордость за свою крылатую дочку.

— Я прослежу за тем, чтобы с ней ничего не случилось, — обещал Конан.

Фэй радостно завизжала и вылетела из-за дерева, куда скрылась при виде родителей.

Конан в сопровождении своих крылатых спутников выбрался из садика, и вскоре уже все пятеро тронулись в путь.

* * *

Быть мартышкой оказалось куда приятнее, чем таскать на себе громоздкое человеческое обличие. Инь-Тай говоривал, что завидует одной фее, которая за один день умела входить во все семьдесят своих воплощений, по личному выбору и в зависимости от обстоятельств.

— Вот это женщина! — восхищался Инь-Тай. — Вот бы и нам так! Лично мне понравилось быть разным. То ты человек, то ты обезьяна... Необыкновенно!

— Ее считали оборотнем и однажды вызвали на суд богов, — напомнил ему Гун. — Она еле сумела доказать обратное.

— Что она не оборотень? — уточнил Инь-Тай.

Гун задумался.

— Не помню, — признался он.

Они разговаривали, обмениваясь короткими пронзительными криками, однако превосходно понимали друг друга. Некоторые звуки, бессвязные для человеческого уха, оказались прекрасно приспособленными для передачи довольно отвлеченных понятий.

Иногда бывшие ученики Тьян-по видели внизу, возле пагоды, учителя Тин-Фу или его учеников. Тогда они принимались ворить и подскакивать на ветках, швыряя в своих недругов плодами и палками, но редко попадали в цель.

Мартышкам вовсе не хотелось снова становиться людьми — и теперь уже навсегда. Человеку приходится непрерывно учиться, в поте лица работать, постоянно быть вежливым и следить за своим поведением. Этикет в стае мартышек куда более прост. Можно, например, есть руками, засовывать в рот ценные плоды и брызгать соком, визжать и верещать, ходить без одежды, неограниченно наслаждаться любовью и знаками внимания со стороны особ женского пола... И, между прочим, обезьяна — ничуть не менее почтенное живое существо, чем человек. Словом, в своем теперешнем состоянии Гун и Инь-Тай находили множество преимуществ. Но это отнюдь не означало, что они утратили неприязнь по отношению к тем, кто захватил их в плен и поступил с ними по собственному усмотрению. Поэтому они всячески пакостили мудрецу Тин-Фу. В меру своих обезьяньих способностей, разумеется.

И вот их осенила гениальная идея.

— Мы научим нашу стаю всему, что знаем сами, — объявил Гун. — Рукопашному бою, атакам и уклонению, ловким подножкам, ударам и захватам.

Деревья огласились радостными визгами и воплями.

— Это ты сам придумал? — спросил товарища Инь-Тай, когда восторг немного поутих.

— С твоей помощью, — подумав, ответил Гун. — Я созерцал твой хвост и размышлял о том, что имея четыре руки вместо двух и хвост в качестве подмоги, мы сможем сражаться куда более ловко, чем никогда. А затем я посмотрел на остальных наших собратьев по стае и подумал, что обучив их нашим уменьям мы получим непобедимое войско и сумеем нанести великий ущерб нашим врагам!

И оба бывших ученика Тянь-по обнялись и пустились в пляс по веткам, причем оборвались и едва не упали, но в последний миг уцепились хвостами и повисли вниз головой. Это привело их в бешеный восторг, и они вопили и верещали на все лады почти час.

Наконец, успокоившись, друзья решили донести первые крупицы своей мудрости остальным обезьянам.

Поначалу мартышки совершенно не хотели учиться правильному рукопашному бою. Они то и дело норовили вцепиться друг другу в шерсть и укусить. Но гневные вопли и щедрые оплеухи со стороны новых вожаков обезьянней стаи довольно быстро привнесли хорошие результаты: обезьянки стали слуша-

ться. Вскоре они дружно вскрикивали по сигналу и одновременно делали выпад одной из рук. Попутно друзья усовершенствовали приемы хорошо известного им боя, учитывая хвост.

Обезьянки оказались отличными учениками. Они не спрашивали — «почему», «для чего». Хотя считается, что ученики и не должны задаваться подобными вопросами, но все же люди — существа любопытные и своевольные. Таковы уж они от природы. Поэтому время от времени учителю приходится лупить своих учеников палкой по голове, дабы отбить у них охоту лезть с ненужными расспросами. Обезьянки таким недугом не страдали. Довольно было единственный раз объяснить им, кто главенствует в стае. Большего им не требовалось.

Несколько раз Тин-Фу выходил на порог своей пагоды, садился там и поглядывал на деревья. Не нравилось ему почему-то то, что там происходило.

— Почему так расшумелись обезьянки? — спрашивал он себя. — Неужели эти ничтожные болваны, которые разбили мои сосуды с маслом, мутят там воду? Нет, это исключено! Обезьяны — почтенные существа, но с рассудком у них гораздо хуже, чем у людей. Вряд ли моим бывшим пленникам удастся их облапошить. Для того, чтобы быть обманутым, существо должно обладать достаточно развитым рассудком. У обезьян этого нет.

И все же шум тревожил его. То и дело с деревьев падали ветки. С хрустом обламывались сучья. Пронзительные выкрики животных становились все бо-

лее ритмичными. В конце концов это начало напоминать пляску дикарей, готовых выйти на тропу войны. Тин-Фу никогда не бывал в Черных Королевствах и не видел, как негры готовятся пойти в атаку, как они вопят, бьют в барабаны и приплясывают, топчась по земле жесткими босыми ногами. Но если бы он побывал там, он понял бы, что дело плохо: с мартышками действительно что-то случилось.

«Возможно, они не могут поделить какое-нибудь лакомство, — размышлял мудрец. Затем он встал. — Слишком много внимания я уделяю каким-то мартышкам! — решил он. — Вместо этого следует получше заниматься с моими учениками. Я мог бы загадать желание с помощью рыбки и превратить этих тупиц в светочи премудрости, но боюсь, что такое деяние будет иметь дурные последствия».

Однажды Тин-Фу уже пытался сделать самого тупого из своих учеников самым сообразительным и остроумным. Он призвал того в комнату, расположенную на самой вершине пагоды, и подвел к хрустальному шару, наполненному водой. Там плавали золотые рыбки. На их красноватых чешуйках были отчетливо заметны иероглифы. Те самые значки, что были вырезаны на боку нефритовой рыбки, наследия родителей Тин-Фу. Он потратил почти всю жизнь на то, чтобы вывести рыбок с этим значком. И теперь настало время испробовать волшебство.

Глупый ученик смотрел на рыбки, и в углу его рта скапливалась слюна. Он был голоден и думал о еде. О том, как эта рыбка будет разрезана на тонкие

ломтики, пересыпана пряностями, подана на свежем листе...

— Сейчас произойдет великая вещь, — провозгласил Тин-Фу, созерцая своих рыбок. Он избрал взглядом одну из них и взмахнул рукой: — Заклинаю иероглифом... — Тут он закрыл глаза и прошептал несколько тайных слов, которых никто не слышал.

А затем произошло нечто непредвиденное.

— А я есть хочу! — проговорил тупой ученик. — Она может сама засолиться и быть подана с копченным молодым бамбуком?

И в то же мгновение перед ним в воздухе появился свежий лист, на котором были разложены тонко наструганные ломтики молодого копченого бамбука, а наверху аккуратной кучки лежала засаленная золотая рыбка.

— Ух ты! — восхитился тупой ученик и сунул все в рот вместе с листом.

Тогда учитель Тин-Фу понял, что возможности иероглифа желаний ограничены умственными способностями тех, на ком должны сбыться эти желания. Это открытие серьезно обеспокоило его, и несколько месяцев он размышлял над тем, что сумел узнать. Глупого ученика он превратил в камышового кота и выгнал из дома. По слухам, кот удалился в Иранистан. Согласно другим слухам, он вернулся к себе домой, где родители тупицы охотно приняли сына, даже не заметив разницы.

* * *

Пагода на горе Размышлений производила великолепное впечатление в любое время суток, но ночью, облитая светом полной луны, она выглядела как хрупкий пришелец из страны богов. Вроде одного из тех дворцов, что непрестанно плавают по небу и время от времени опускаются на землю, чтобы передохнуть и дать возможность своим обитателям побродить среди людей и узнать новости.

Колокольчики под кровлей тихо позванивали в ночном ветерке, позолоченные части деревянной резьбы посверкивали таинственно. Каждый завиток на колоннах был виден отчетливо. Змеились полоски на тщательно подметенных песчаных дорожках перед самой пагодой, а кусты и деревья темнели мрачными купами. Несколько лягушек решили почтить ночь своими радостными воплями, от которых, казалось, дрожали на черном небосклоне самые звезды.

Крыланы, бесшумно взмахивая крыльями, поднялись в воздух и облетели пагоду. В лунном свете они были похожи на огромных летучих мышей. Девочка Фэй приплясывала на месте от нетерпения. Конан держал ее за тоненькую ручку, чтобы она не увязалась вслед за старшими.

— Там может быть опасно, — прошептал ей Конан одними губами. — Будь благоразумна.

— Ай! Хочу с ними! Отпусти! — она дергала руку и кривила губки. — Мне же интересно!

Конан накрыл ее рот своей ручищой. Сказать по правде, его ладонь заслонила почти все ее лицо.

Остались на воле только глаза, которые поблескивали от любопытства.

Наконец крыланы вернулись.

— Хрустальный шар там, — сообщил один из них. — И рыбки внутри плавают. Три или четыре, мы не разглядели.

— Всего? — изумился Конан.

— Если они в состоянии исполнить любое желание, то в них заключено практически всемогущество, — заметил один из крыланов.

— Я хочу, чтобы у меня были золотые волосы, — объявила Фэй. — И еще туфельки как у Феникс, императрицы Кхитая, — такие, из золотой проволоки, с драгоценными камнями, с жемчужинами и бархатной стелечкой... Как на картине в доме у папы.

— Тебя не спрашивают! — оборвал ее крылан-отец. Несмотря на ночную темноту, Конан заметил, что он смутился и даже покраснел.

— Но ты же обещал... — заныла Фэй.

— Глупый ребенок! — прошипел крылан. — Молчи!

— Действуем так, — заговорил Конан, делая вид, что ничего не произошло. — Вы, ребята, поднимаете меня наверх и ждете, а я заберу шар и вместе с ним выйду к вам. Как увидите меня с шаром на карнизе пагоды, сразу хватайте под руки и опускайте.

— Шар тяжелый, и ты тоже не пушинка, киммериец, — возразили крыланы. — Сперва мы заберем рыбок. Потом вернемся за тобой.

— Это мне нравится меньше, но ничего не поделаешь, — согласился Конан. — Начали!

Крыланы обступили его и обхватили цепкими холодными руками. Конан почувствовал, как его отрывают от земли и вздывают в воздух. Тяжелое дыхание крыланов звучало хрипло. Крылья со свистом медленно рассекали воздух. Летуны миновали первый этаж пагоды, второй... Конан мимолетно разглядел спальню мудреца на втором этаже — скромные циновки, несколько листов хорошей бумаги с написанными на них изречениями (работа превосходного каллиграфа, подумал варвар, успевший научиться ценить красивый штрих, оставленный кистью)... Третий этаж был отдан ученикам — эти храпели на растянутых циновках, причем кое-где стояли бутыли, явно не с водой. Четвертый этаж был пуст. На пятом, самом маленьком, находился хрустальный шар. Здесь крыланы опустили Конана на карниз, и ловкий горец быстро скользнул внутрь помещения.

Снять шар с подставки ничего не стоило, хотя весил он немало — как и предупреждали крыланы. В мудреце Тин-Фу Конан не ошибся: злой колдун непременно окружил бы свое сокровище чарами, но здесь никаких чар не было и в помине. Ни демонов, высекающих неизвестно откуда, ни ядовитого тумана...

Конан подтащил шар к краю и высунулся.

— Я здесь! — окликнул он своих сообщников.

Крыланы — Конан успел заметить, что их четверо, — схватили шар и изо всех сил взмахивая крыльями, полетели с ним прочь. Киммериец остался в

пагоде один. Он уселся на пол, скрестив ноги, на том месте, где только что находился шар, и стал думать: не выбраться ли ему, не дожидаясь крыланов, старым привычным способом — по стене?

Киммериец встал, решив воспользоваться собственным советом и унести ноги из пагоды как можно скорее. Но не успел.

Внезапно ночь взорвалась. Из темноты на пагоду обрушился настоящий дождь из живых тел, косматых, горячих, вопящих. Отовсюду к Конану тянулись жадные руки, длинные пальцы хватали его за волосы, за руки, за лицо, дергали за нос и уши, пытались порвать на нем одежду.

— Обезьяны! — вскрикнул варвар. Он начал отбиваться от обезумевших животных, расшвыривая их в разные стороны ударами могучих кулаков.

Однако обезьяны не сдавались. Вереща и скаля зубы, они снова и снова атаковали могучего варвара.

Шум пробудил остальных обитателей пагоды. Замелькали факелы, затопали ноги, послышалась ругань. Один за другим в тесное помещение, кишащее разъяренными мартышками, врывались ученики Тин-Фу. И тут перед глазами Конана развернулось поразительное зрелище.

Мартышки выстроились в боевой порядок и пошли в атаку. Ученики пытались отбиваться. Сражение закипело с переменным успехом. Мартышки совершенно явно владели приемами человеческой борьбы! Тогда у Конана и появилось первое подозрение насчет того, какой смысл вкладывал Тин-Фу в

свою записку, отправленную Тьянъ-по: «Твои ученики — настоящие обезьяны».

Потому что мартышки никак не овладели бы наукой кхитайской борьбы, если бы у них не было подходящих учителей. А какая мартышка годится на роль учителя? Вывод возможен лишь один.

Конан захотел и схватился за голову.

Сражавшиеся не обращали на варвара почти никакого внимания. Лишь время от времени какой-нибудь из увлекшихся бойцов пытался нанести удар оказавшемуся поблизости киммерийцу. Тот добродушно отшвыривал незадачливого драчuna и только посмеивался, глядя, как бедняга кувыркается.

Затем Конан ступил на карниз и начал спускаться.

Ему совсем не хотелось встречаться с учителем Тин-Фу. Неизвестно, какие еще трюки в запасе у этого мудреца.

* * *

Ужас! Ужас! В пагоде — полный разгром! Половина учеников лежит и стонет, их царапины и укусы кровоточат, их конечности сломаны, их пальцы распухли, их глаза подбиты, их носы испускают неприятную с виду жидкость... Драгоценные свитки изорваны в клочья, как будто по ним прошли острыми ножами. Превосходная кхитайская тушь разлита по циновкам, ею обрызганы стены, и вряд ли теперь удастся отмыть ее — ведь это кхитайская тушь, да еще наилучшего качества! Кисти переломаны и разгрызены острыми обезьянами зубами. Мас-

ло опять разлито по всему первому этажу, только на сей раз некому вытираять его.

Тин-Фу глядел на то, во что мартышки превратили его красивое, изысканное жилище, и размышлял о своем предназначении. И, поскольку он больше не был мстителем, но сделался мудрецом, то в конце концов Тин-Фу рассмеялся.

— Я должен был догадаться, что родители мои явили великую мудрость, спрятав нефритовую рыбку и никому не желавшие показывать иероглиф желания. Чего достиг я, завладев этой тайной? Враг мой умер без моего участия. А все желания, которые мне удалось исполнить, — глупы и ничтожны и в конце концов едва не погубили мою собственную жизнь! Я превратил дурака в камышового кота — и он, по счастью, покинул эти земли. А затем я из двух неудачливых бойцов сделал двух обезьян — и что же? В качестве обезьян они преуспели куда больше, нежели в качестве бойцов! И вот уже моя пагода разгромлена, и все мои свитки изорваны, а мои ничтожные ученики превращены в прах... Воистину, я недостаточно мудр, чтобы владеть этими рыбками!

Сказав так, Тин-Фу немедленно удалился в лес и там занялся самосозерцанием, предоставив своим ученикам приводить пагоду в порядок без учительского надзора.

* * *

Тем временем крыланы удалялись от пагоды. Каждый взмах крыльев уносил их от горы Размышлений. Тяжелый хрустальный шар делался все тяжелее. Его стенки намокли, потому что при полете вода выплескивалась из него и брызгала во все стороны. Хрусталь стал скользким.

Даже помощь Фэй немногим улучшила положение крыланов, хотя девочка старалась изо всех сил.

Тем не менее они летели и летели, не желая подводить своего друга, человека, который помог им избавиться от злого колдуна, отомстить за мать и наконец обрести полноценное бытие в далеком Кхитае. Возможно, Конан и сам не понимал, как много он сделал для «горбатых старичков» — таковыми считали крыланов в те дни, когда киммериец впервые свел с ними знакомство. Но сами крыланы вполне отдавали себе в том отчет.

Рыбки, перепуганные происходящим, метались внутри шара и время от времени подпрыгивали, как будто хотели выскочить.

— Сидите смирно! — уговаривала их Фэй. — Сидите тихонько, не то вы разобьетесь! Вы упадете вниз, на сухую землю, и погибнете! Ах, бедные, бедные золотые рыбки!

От постоянного мелькания золотых тел, дробящихся в бес покойной воде, в глазах у крыланов прыгали искры.

— Давайте передохнем, — предложил один из них.

Они осторожно опустились на землю и поставили шар. Рыбки понемногу успокаивались. Теперь было

очевидно, что их четыре. Они вытягивали хрящевые губы и как будто удивлялись чему-то.

— Наверное, голодные, — предположила Фэй. — Кушать просят. Давайте покрошим им хлебца.

Отец Фэй хлопнул ее по руке.

— Такие волшебные рыбки не едят хлеба и того, что едят люди! Должно быть, они питаются особенными червячками, с рубиновыми телами, гладкими и блестящими, особенной породы.

— Напрасно мы их не захватили, в таком случае, — объявила Фэй. И наклонилась над шаром: — Ах вы, бедненькие! Как перепугались! Ничего, скоро мы добудем для вас рубиновых червячков, и вы будете кушать, как привыкли!

Рыбки, казалось, молчаливо соглашались с девочкой. Она приблизила лицо к самой кромке воды. Тотчас одна из рыбок, как будто привлеченная этим, подплыла ближе и почти высунулась наружу. Девочка ощутила, как крохотный беззубый рыбий ротик прикасается к ее подбородку, и тихонько засмеялась от удовольствия.

— Мы с тобой подружимся, — прошептала она одними губами, чтобы старшие не слышали.

Впрочем, старшим было не до проделок Фэй. Они едва дышали. Они улеглись на земле, раскинув крылья и прижав их к почве так, чтобы ночная прохлада, исходящая от остывшей земли, пропитывала воспаленную кожу. Руки у них ныли.

— Ты знаешь мои заветные желания, рыбка? — шептала Фэй своей новой «подруге». Та как

будто кивала и водила чуть выпученными глазами, словно показывая — «да, да, да». Фэй ощущала, как волны удовольствия бегают по ее телу. У нее прямо ладони зачесались от удовольствия! — Ты ведь не погибнешь после того, как исполнишь мою просьбу?

Рыбка глянула на Фэй с непонятным лукавством.

— Я умею читать, — гордо сообщила Фэй. — Меня отец научил. Он считает, что женщина должна выходить в жизнь во всеоружии. Ей не обязательно признаваться в том, что она умеет читать, но лучше уметь, чем не уметь... Кроме того, я ведь все равно крылатая. То есть, я хочу сказать, одной странностью больше, одной странностью меньше...

Рыбка пробормотала в маленькое ушко Фэй:

— Уметь писать для кхитайской женщины — не такая уж странность... Не морочь мне голову, девочка.

— Ты умеешь разговаривать?

— Не такая уж это странность для кхитайской рыбы, — прошепестела рыбка. Фэй показалось, что она смеется. По поверхности воды пробежали пузырьки.

— Я хочу, чтобы у меня были золотые волосы! — выпалила Фэй.

— Настоящее золото? — удивилась рыбка. — Это тяжело. Будет болеть голова.

Фэй показала пальцем на рыбью чешую.

— Такого цвета, как ты.

— Это называют золотом? — рыбка выглядела пораженной. — Ну надо же!

— Мы находим этот цвет очень красивым, — пояснила Фэй. — В Кхитее у женщин не бывает таких волос. Я хочу быть единственной.

— Это нетрудно исполнить, — сказала рыбка. — Что-нибудь еще?

— Да, — кивнула девочка. — Туфли как у Феникс... Я мечтаю о них всю жизнь.

— Мечты детства должны сбываться, — согласилась рыбка. — И лучше, когда они сбываются в детстве... Потому что иначе приходится ждать старости. В старости человек становится достаточно мудрым, чтобы вспомнить о тех мелочах, которые были желанны для него в детстве, и вновь пожелать их от всего сердца. Это настоящее искусство.

— Во-первых, я уже не ребенок, — начала Фэй. — А во-вторых, я не хочу ждать старости... Я хочу туфли, как у Феникс!

И она начала читать иероглиф на боку у рыбки.

Когда крыланы наконец перевели дух, они увидели, что солнце восходит. Первые лучи, простирающиеся над равниной, залили гору Размышлений розовым светом. Туман быстро исчезал, открывая для взора причудливо изогнутые деревья, растущие по склонам, и их листву, дрожащую на утреннем ветру. А затем нечто золотое метнулось в глаза и едва не ослепило крыланов.

Это была Фэй, золотая крылатая девочка. Волна длинных, ниже пят, волос цвета огненного золота лежала рядом с ней на земле. Фэй спала и счастливо улыбалась во сне. Рядом с ее щекой на земле стояла

пара туфелек — точно таких, как были нарисованы на картине, изображающей императрицу Феникс.

А в хрустальном шаре по-прежнему плавали золотые рыбки. Только одна из них была обыкновенной, без иероглифа желаний на боку. Время от времени эта рыбка приближалась к той стенке шара, что была обращена к Фэй, и любовалась девочкой.

Отец Фэй схватился за голову.

— Что я скажу ее матери!

Остальные братья тихо засмеялись.

— Ничего страшного не случилось. Просто твоя дочь добилась своего... Чего нельзя сказать о нас. Впереди еще долгий путь. Как ты думаешь, нам стоит доставить этот шар в Пу-И, в дом, где мы живем?

— Очень хорошая мысль, — согласился отец Фэй. — В таком случае — в путь.

— А как же Конан? Мы ведь не можем бросить его! — возразил другой крылан.

— Конан вполне в состоянии позаботиться о себе сам. Жил ведь он как-то без нас все эти зимы! А вот рыбки нуждаются в нашей помощи. Не забудьте, нам еще предстоит разыскать червячков...

— Они согласны кушать раскрошенные лепешки, — пробормотала Фэй в полусне.

— Откуда ты знаешь? — строго спросил ее отец.

— Она мне сказала... — Фэй открыла глаза и улыбнулась. — Какое прекрасное утро, папа! Как тебе нравятся мои новые волосы?

* * *

Пока пагода и стонущие ученики оставались во власти мартышек, а Тин-Фу размышлял о своих ошибках и новом пути к совершенству, Инь-Тай и Гун покинули стаю.

— Мне надоело верещать и бесноваться, — признался Гун. — Мне хочется опять погрузиться в изучение иероглифов. Как хорошо жилось нам у учителя Тянь-по! Он показывал нам разные стили написания иероглифов, объяснял значение мудреных значков, рассказывал, как много смыслов может передать единственный штрих кисти! Разве это не было изысканным?

— Ты прав, — соглашался с ним Инь-Тай. — Конечно, ласки прелестных мартышек очень хороши, но хочется иногда, чтобы к тебе прикасался кто-нибудь гладкий, безволосый... с шелковистой кожей... Хотя иные и обладают приятной шерсткой, но она все же сальная... Я понимаю, это нужно для того, чтобы отталкивать от кожи влагу, но все-таки...

— Ты думаешь только о женщинах! — упрекнул товарища Гун. — Разве ты не скучаешь по мудрости?

Инь-Тай глубоко вздохнул.

— Конечно, скучаю!

— В таком случае, нам следует оставить животных и вернуться к людям! — решительно произнес Гун.

— Но как мы это сделаем, коль скоро мы — мартышки? — удивился Инь-Тай.

— Мы подберемся к золотым рыбкам с иероглифом желаний и попробуем прочитать его, чтобы

вернуть себе человеческое обличье! — объявил Гун. — Уверен, у нас это получится!

И две мартышки отделились от бесчинствующей стаи и стали разыскивать хрустальный шар. Они обошли всю пагоду, заглянули повсюду, но везде их ждало ужасное разочарование. Шара с волшебными рыбками здесь не оказалось.

— Где же он? — бормотал Гун.

— Должно быть, Конану удалось похитить его, — предположил Инь-Тай.

— Либо его унес с собой учитель Тин-Фу, — добавил Гун.

И они, убитые печалью, ушли в лес, чтобы отыскать там учителя Тин-Фу и попробовать выведать у него — где находятся волшебные рыбки.

Учитель Тин-Фу обнаружился на склоне горы совсем недалеко от пагоды. Он сидел на куче опавших листьев и рассматривал нескольких жучков. Жучки ползали по земле, явно преследуя некие цели. Учитель пытался постичь — какие.

Когда перед ним возникли две обезьяны, он поднял на них печальные глаза.

— Полагаю, вы — те самые дураки, что разлили масло в моей пагоде? — спросил их учитель Тин-Фу.

Обезьяны закивали головами и принялись верещать на разные лады, то вскидывая руки, то хлопая ладонями по земле и подскакивая.

— Да, это вы, нет сомнений, — заключил Тин-Фу. — Хотел бы я превратить вас обратно в людей. Так вы принесете ощутимо меньше вреда.

Обезьяны изобразили неописуемый восторг. От их ликующих воплей у Тин-Фу заложило уши, и он поднес к вискам ладони, чтобы спастись от шума.

— Нет, нет, ведите себя потише, иначе я не стану разговаривать с вами! — воскликнул Тин-Фу. — Глупые обезьяны. Вы разгромили мою чудесную пагоду! Вероятно, вы желали отомстить мне? Какое глупое желание! Поверьте мне, я — великий мститель. Я взял себе в союзники время и мудрость, и мой враг мертв, а мои желания исполнились.

Обезьянки выразили глубокую озабоченность. Одна из них даже попыталась изобразить на земле рыбку.

— Да, да, вы хотели бы знать, где мои волшебные золотые рыбки! — продолжал Тин-Фу. — Но спросим себя, для чего нам эти золотые рыбки? Для того, чтобы исполнять наши ничтожные, глупые, опасные желания? Это приносит вред! Не следует пользоваться рыбками для исполнения желаний! Терпение и самосовершенствование — вот истинный путь. Всякий раз, когда я пытался ускорить ход событий, прибегая к волшебству, происходило нечто неприятное, имеющее печальные последствия. Итак, глупые обезьяны, садитесь на землю и займитесь созерцанием.

«Конечно, созерцание не превратит их обратно в людей, — размышлял про себя Тин-Фу, — однако утихомирит, по крайней мере, на некоторое время. А я пока придумаю, как мне поступить с ними дальше...»

Обезьянки послушно уселись, обхватили себя длинными руками и наступились. Время от времени

они принимались искать на себе насекомых, и тогда их сосредоточенность делалась особенно углубленной. Тин-Фу вновь погрузился в свои невеселые мысли. Ему казалось, что он потерпел полное поражение. Теперь весь Кхитай будет над ним смеяться. Великий учитель, овладевший тайной иероглифа желаний, стал жертвой стаи рассвирепевших мартышек! Ученики больше не станут уважать его. Они оправятся от своих ран и покинут Тин-Фу. Пагода обветшает, некому будет чинить ее и ухаживать за ней. О, это ужасно! Это очень печально. Возможно, следует совершить самоубийство?

Во власти таких мыслей Тин-Фу провел еще несколько часов. Обезьянки усердно подражали ему. Они сидели неподвижно и только время от времени косили глазами. А затем произошло нечто невероятное. Сперва Инь-Тай, а затем и Гун начали терять шерсть. Их лица изменились, руки стали короткими, хвост исчез... Еще несколько мгновений — и вот уже перед пораженным учителем Тин-Фу сидят те самые два молодых человека, которые разлили масло.

Они переглянулись и с радостным криком бросились друг другу в объятия.

— Гун! — верещал Инь-Тай. — Ты вернулся! Ты снова человек!

— Инь-Тай! — гудел Гун, гулко хлопая приятеля по тощей спине. — Ты опять здесь, со мной!

— Я всегда был с тобой, — напомнил Инь-Тай.

— Да, но в каком ты был виде! Вспомнить страшно! — возразил Гун.

Оба они уставились на учителя Тин-Фу и дружно упали ему в ноги.

— Вы — великий учитель! — провозгласил Гун.

— Более великий, чем наш учитель Тянь-по! — добавил Инь-Тай.

— Нашему учителю Тянь-по потребовались бы золотые рыбки с иероглифом желаний, чтобы превратить нас обратно в людей! — кричал Гун в полном восторге.

— А вам оказалось довольно одной медитации! — вторил товарищу Инь-Тай. — Вы воспользовались исключительно силой своего духа! Вам повинуется природа, потому что вы совершеннее природы!

Учитель Тин-Фу вновь обрел веру в себя. Он синизошел до улыбки и отогнал от себя печаль.

— Теперь я вижу, в чем состоит истинная мудрость, — проговорил он. — И охотно беру вас к себе в ученики. Идемте, ученики. У нас есть важное дело — мы должны привести пагоду в порядок. И уговорите обезьян уйти в лес. Иначе нам никогда не будет покоя.

Он поднялся и зашагал к своему разгромленному жилищу.

* * *

— В конце концов, я оказался в выигрыше, — объявил Тянь-по своему другу Конану, когда оба они почтили своим присутствием чайный домик крыланов.

Фэй, прекрасная, как весенняя фея, медленно скользила по воздуху. Ее крошечные ножки, обутые

в туфельки Феникс, лукаво ступали по пустоте. Длинные золотые волосы плыли, как облако. Это удивительное видение в окружении цветов и деревьев представлялось Конану чем-то вроде грез, вызванных курением порошка черного лотоса.

Он даже стал раздумывать над аферой по торговле фальшивым дурманящим порошком. Положим, предложить покупателю на пробу какой-нибудь ерунды, вроде толченой степной травы. Он покурит и поначалу ничего не почувствует, а потом увидит Фэй — и все, готов: вообразит себя в саду фей. Охотно купит всю партию за любые деньги!

Можно неплохо заработать...

Но потом Конан подумал о самой Фэй и отказался от своего плана. Незачем впутывать это очаровательное дитя в сомнительные приключения.

В пруду плавали золотые рыбки. Теперь только у двух был на боку иероглиф желаний, но скоро пропадет и он. У братьев-крыланов имелись некоторые планы қасательно улучшения некоторых пород деревьев, растущих в саду; а Тьянъ-по наконец-то осуществит свою мечту қасательно бумаги. Много-много хорошей бумаги для каллиграфии.

— Не понимаю, о каком выигрыше ты говоришь, — проворчал варвар. — Половина Кхитая болтает о том, что Тин-Фу — более великий учитель, чем Тьянъ-по, потому что Тин-Фу удалось превратить обезьянок в людей без всякого вмешательства чар, одним только созерцанием и этим... само...

— Самосовершенствованием, — подсказал Тьянъ-по. — О, каким глупым он на самом деле стал! Как далеко зашло его самодовольство, если он поверил в эти разговоры! Но я знаю тайну, и этого мне довольно. Я знаю, почему ученики Гун и Инь-Тай снова стали людьми!

Он указал на рыбок, резвящихся в пруду, и рассмеялся.

— Конечно, жаль, что одной из них пришлось расстаться с иероглифом ради недоумков Гуна и Инь-Тая, но ничего не поделаешь! Если они были рождены людьми, следовательно, таково их предназначение — быть людьми и существовать в этом облике до самой смерти. Не мне изменять их предназначение.

Конан фыркнул.

— Представляю, как удивился Тин-Фу, когда они перестали быть обезьянами!

— Если он вообще заметил разницу, — проворчал Тьянъ-по и осторожно взял чашку с чаем. Чашка была почти прозрачной и казалась сделанной из бумаги, хотя на самом деле это был фарфор. — Твои крылатые друзья готовят превосходный чай.

— Я бы предпочел превосходное вино, буркнул Конан. — Впрочем, скоро у меня появится возможность насладиться вкусом настоящего напитка.

— Ты уезжаешь? — спросил маленький каллиграф. Киммериец кивнул.

— Хватит с меня кхитайских чудес и кхитайских церемоний! Жаль, конечно, что я уезжаю с пустыми

руками. Как я уже говорил тебе, время от времени я начинаю сильно скучать по желтеньким кружочкам, которые называются деньгами.

— Кстати, об этом, — деланно спохватился кхитайец и полез к себе за пазуху. — Я написал письмо властителю Небесного Спокойствия...

— Это еще кто такой? — с подозрением осведомился киммериец.

— В других странах его бы назвали министром безопасности... Он следит за тем, чтобы никто не покушался на особу Небесного Владыки... — пояснил Тьянъ-по. — Я рассказал ему о замыслах султанапурцев... В самых общих чертах. Я написал, что один преданный человек донес мне — своему другу — о плане похищения Феникса. И вот что прислал тебе властитель.

С этими словами Тьянъ-по подал Конану небольшой бумажный листок с несколькими иероглифами и маленький мешочек. Конан быстро развязал тесемки. В мешочке обнаружился крупный алмаз.

— На листке написано одно из драгоценных изречений, — сказал Тьянъ-по, но Конан отмахнулся от своего приятеля:

— Изречение можешь оставить себе и изучать его на досуге, — сказал киммериец. — Камень весьма недурен. Пожалуй, я не жалею о том, что отправил-
ся в Китай!

— Знаешь, Конан, что самое интересное и поучительное в этой истории с золотыми рыбками? — задумчиво проговорил Тьянъ-по.

Конан поднял на него глаза. Он совершенно не думал о том, что из случившегося с ним в Китае можно извлечь какую-то мораль.

— Поучительное? — переспросил Конан и подбросил на ладони алмаз. — Есть вполне ощутимая выгода! Вот что поучительно!

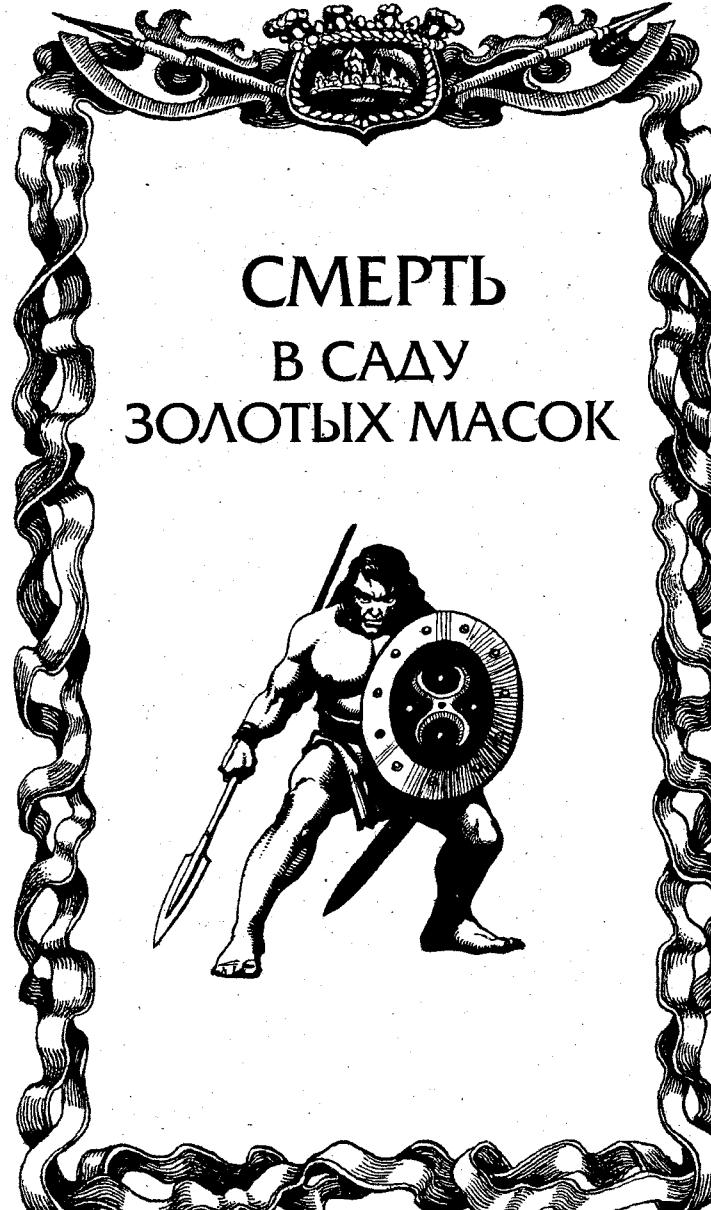
— Почти все наши желания исполнились без всякого волшебства, — сказал Тьянъ-по. — Над этим стоит поразмыслить. Мы добились своего, не прибегая к помощи иероглифов желаний. Мои глупые ученики не в счет — они сперва были заколдованы, а потом расколдованы. Нет, человек в состоянии получить желаемое сам, без магии!

— Кроме Фэй, — напомнил Конан. — Ее золотые волосы...

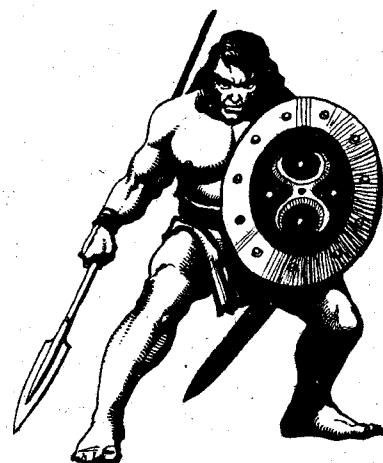
— Но Фэй — сама по себе волшебное существо, — возразил Тьянъ-по. — Впрочем, как всякая прекрасная женщина!

Друзья дружно вздохнули, и Конан одним залпом прикончил жиденький желтоватый чай.

СМЕРТЬ
В САДУ
ЗОЛОТЫХ МАСОК

ворянин Форез был поглощен тяжелыми раздумьями. Причин для мрачного настроения имелось у него предостаточно. Сумеречное состояние, в которое была погружена душа молодого господина, отнюдь не являлось той обычной для уроженца Бритунии легкой и беспринципной меланхолией, которая нападает то и дело, — от дурной ли погоды, от скверной ли встречи на улице, а то и просто от некрасивого лица служанки, имевшей неосторожность встретиться нобилю, пока тот, облаченный в туранский халат с прорехой на локте, проснувшись поздно, бродит по дому в тщетных поисках выпивки.

Нет, дурное настроение господина Фореза имело давнее и прочное обоснование. И заключалось оно именно в том, что Форез имел несчастье уродиться дворянином.

— Был бы я, скажем, просто каким-нибудь селянином, — говорил он своему отражению в плохо отполированном медном зеркале, купленном у старьевщика. Отражение брезгливо, с омерзением кривилось. — Да, да, — Форез наставительно грозил ему

пальцем, — и копался бы себе в земле, выращивая какую-нибудь репу... Тьфу!

Он плюнул, попал отражению в глаз и заботливо отер плевок рукавом.

— Прости. Или, положим, если бы мои родители были торговцами тряпьем. Вроде того бедолаги, который всучил мне тебя за два ломаных гроша. Большего ты, впрочем, и не стоишь... Жил бы себе в чумазой лавчонке, не умел бы читать, только подсчитывал бы денежки, медяшку к медяшке — и так доковылял бы себе до старости. Никаких забот, никакой печали!

Он демонстративно вздохнул, поправил на груди рубашку из шитого атласа. У плеча рубашки красовалась прореха, зашить которую не представлялось возможным: ветхая ткань расползлась под иглой.

— Нет, — продолжал господин Форез, — меня угораздило родиться именно нобилем! И именно у моих родителей! Как будто богам охота была посмеяться... Впрочем, их коварство широко известно. Я даже говорить об этом не буду. И вот мой достопочтенный родитель, вместо того, чтобы продать меня кочевникам в жестокое и невыносимое рабство, отдает в обучение дяде Эмбриако. Превосходно!

Мой милый дядюшка, богатый, как кхитайский император, и с такими же причудами, охотно берет к себе племянничка. Растил его. Кормит отборным зерном, точно призового голубка в своей любимой голубятне. Воспитывает... Тьфу! Обучает владеть мечом и все такое. А книги... Великие боги, какие у

достопочтенного Эмбриако есть книги! В богатейших окладах. С рисунками. Даже с позолотой, кажется. И любую из этих книг я в состоянии прочесть, ибо дядюшка — чтобы его сожрали духи! — обучил меня грамоте.

А дядин сад! Как истинный пожилой чудаковатый бритунец дядя Эмбриако — коллекционер. Каких только диковинных деревьев нет него в саду! Для него специально привозят растения со всего света. Да на одних только садовников он тратит больше, чем иной земледелец — на свои поля вкупе с рабами, их обрабатывающими. Развел оранжереи, чтобы его драгоценные кустики, видите ли, не мерзли. А другие растения, ну надо же, привезены из суровых северных краев, так дядюшка нарочно держит двух рабов, чтобы те в жаркие дни обмахивали их листики опахалами. Было бы ради чего... Какие-то облезлые, чахлые, кривобокие деревца с маленькими листьями и крохотными цветочками. Но нет, они — важная часть дядиной коллекции, и он беспокоится о них больше, чем о родном племяннике.

Среди деревьев у него выстроены беседки. Не для бесед, понятное дело. Там у дядюшки собрание диковин. Статуэтки, фигурки, маски, ритуальные ножи и копья, какие-то набедренные повязки, снятые с убитых людоедов и проданные дядюшке за бешеные деньги пришлыми авантюристами. Все это расставлено по хрустальным полкам, развшано по стенам, инкрустированным костью и драгоценными породами деревьев... Ля-ля-ля... Словом, дядюшкин

сад — это нечто. Туда даже водят гостей его величества, когда в Британию прибывает особо важная делегация. От короля приходят специальные люди и просят дядюшку устроить у себя прием. Ну, каково?

И вот, после всего этого... меня выдворяют в родительский дом. Потому что матушка моя, извольте видеть, испустила дух. От горя, как утверждают соседи, но лично мне кажется, что от беспробудного пьянства. Что до отца...

Тут Форез сжимает кулаки, не в силах продолжать. Ибо Форез-старший покончил с собой, когда понял, что окончательно спустил все свое состояние. И добро бы он его, скажем, проиграл какому-нибудь отдельному, заранее известному нобилю. Тогда осталась бы надежда. Отыграться, выкупить имущество — убить этого господина, в конце концов! Но нет, судьба распорядилась иначе.

Деньги Фореза уходили постепенно, к разным людям, по мелочам. Он проигрывал их, он покупал совершенно ненужные вещи, которые потом ломались. Затем у него сгорел дом, и вся семья вынуждена была перебраться в маленькую лачугу на окраине Пайрогии. Остатки денег они пропили.

В свое время бездетный Эмбриако охотно взял к себе маленького племянника. Форез-старший и его супруга наивно полагали, будто дядя обеспечит их сына и устроит хотя бы ему безбедное существование. Плохо же они знали своего родственника! У дядюшки Эмбриако, кроме Фореза, имелось еще несколько племянников. И все они так или иначе претендова-

ли на наследство. А у Фореза, кроме всего прочего, был скверный нрав, так что в один далеко не прекрасный день между юным Форезом и дядей Эмбриако произошел весьма неприятный разговор.

Призвав к себе племянника (сына двоюродной сестры, чтобы быть уж совсем точным), Эмбриако произнес:

— Я хотел бы знать, дорогой Форез, правда ли то, о чем говорили вчера в доме графа Сабрана.

— Что именно? — потягиваясь с нарочито нахальным видом, спросил Форез. — Обо мне рассказывают самые разные вещи...

Тогда эта рубашка из шитого атласа была совершенно новая. Она сверкала и переливалась в свете масляной лампы, которая горела на столе, освещая стакан вина, блюдо с фруктами и кольцо с дорогим камнем, несомненно, женское, ибо предназначалось для очень тонкого пальчика.

— Ты знаешь, о чем я! — рассердился Эмбриако. — Ты соблазнил дочь графа.

— Она сама соблазнилась, дядюшка, — при воспоминании о девушке Форез невольно облизал губы. — Ты даже не представляешь себе, как испорченны бывают эти так называемые невинные юные аристократки.

— Граф имел со мной весьма неприятную беседу, — продолжал Эмбриако.

— Если он хочет, чтобы я женился на его дочери, то я согласен, — тотчас сообщил Форез. — Она премилая штучка. Такая сладенькая!

Он засмеялся.

— И приданое у нее тоже весьма сладенькое, — добавил Форез после паузы. — Так что передай графу, что я завтра же готов...

— Граф велел сказать, — перебил дядюшка Эмбриако, — чтобы ты не приближался к его дому и на три полета стрелы!

— Не может быть! — Форез даже подскочил от неожиданности. — Я ведь ее обесчестил! Дядя! Это несправедливо... Я обиживал ее больше луны. Потратил на нее кучу карманных денег, которые ты так милостиво выдавал мне... Я находил для нее разные заморские диковинки. Я даже нашел способ уложить ее в постель. Клянусь всеми богами, я лишил ее невинности и теперь готов жениться!

— Милый мой Форез, — сурово ответил Эмбриако, — ты плохо представляешь себе ситуацию. Ты — сын дурных родителей, которые поспешили избавиться от тебя, чтобы не испытывать беспокойства за твою судьбу. Они препоручили тебя мне...

— Ну да, — охотно поддержал Форез. — Что тут непонятного? Ты обесчишишь мое будущее. Разве это не так, дядя?

Эмбриако пожал плечами.

— Ты не единственный мой родственник. Кроме того, пока я жив, — а я еще долго буду жив, учти это, — я могу прекратить давать тебе деньги в любой момент.

— Но ведь ты не сделаешь этого? — пробормотал Форез.

— Еще как сделаю! — заявил Эмбриако.

— Но дядя... Я же сказал, что обесчестил...

— Можешь не носиться с этим подвигом. У девушки такое приданое и такое безупречное происхождение, что она найдет себе выгодного мужа при любых условиях. Даже если останется с целым выводком маленьких бастардиков, которых ее отец, граф Сабран, не успеет утопить в реке.

— Клянусь Бэлит! О чём ты говоришь, дядя?

Дядя схватил племянника за плечо и сильно толкнул.

— О том, что ты сейчас же соберешь свои вещи и покинешь мой дом! Не пытайся убить меня. Я предполагаю, что ты совершишь несколько покушений в надежде получить наследство.

— Ну, дядя... — беспомощно промямлил Форез. Однако глаза его горели ненавистью, и Эмбриако хорошо понимал значение этого взора.

— Я сообщил городским властям, и правителью, и начальнику сыска, о наших с тобой отношениях. Если я умру при подозрительных обстоятельствах, ты будешь первым, кого повесят. Мне обещали, что виселицу установят прямо на моей могиле.

— Боги! Дядя! Ты жесток.

— Всего лишь предусмотрителен, — сказал Эмбриако.

И вот Форез с двумя сундуками, набитыми под завязку красивой одеждой, покинул дядин дом и перебрался в жилище своих покойных родителей.

— Если бы я не был дворянином, — бормотал

он, — если бы у меня не было богатого дядюшки, который не собирается умирать и наделять меня наследством... А ведь существуют еще и другие наследники! И ни одного из них я и пальцем тронуть не смею.

Это печалило его больше всего. Голодая, отказывая себе во всем, Форез поначалу старался держаться молодцом. Он по-прежнему бывал в обществе и посещал прежних знакомых. Это продолжалось недолго — пока его роскошная одежда не пообносилась. После этого он перестал показываться в богатых кварталах и стал избегать людей, с которыми прежде водил знакомство.

Единственная мысль засела у него в голове: как извести дядю и наследников-конкурентов таким способом, чтобы никому не вздумалось заподозрить в покушении Фореза?

Часами бродил он по Пайрогии, заходя иной раз в самые опасные воровские кварталы. Там его не трогали — многие знали опустившегося нобиля и если не сочувствовали ему (вряд ли обитатели воровского дна были способны на сострадание), то, во всяком случае, понимали: с этого человека взять нечего.

А Форез присматривался к встреченным головорезам. Те хлебали скверное пойло прямо из бутылей или из битых кружек в грязных тавернах, бахвалились друг перед другом, затевали стычки и задирали безобидных с виду прохожих — иной раз нарываясь на еще более жутких убийц, нежели они сами.

Казалось, ни одно дело, даже самое отвратительное, не вызвало бы у них затруднения. Но... Как

убить Эмбриако и двоих других претендентов на его наследство? Зарезать из-за угла? Кто бы это ни сделал, подозрение в любом случае падет на Фореза. Отравить? Задушить? Сжечь вместе с домом? Выманить дядюшку в загородную поездку и организовать «несчастный случай» — скажем, с обезумевшей лошадью, которая ни с того ни с сего понесет и сбросит всадника в подходящую пропасть?

Нет, нет, нет...

Форез был близок к отчаянию, когда в трущобах Пайрогии встретил одного кхитайца.

Это был очень старый, очень оборванный кхитайец. Он сидел на обочине и уныло, безнадежно просил милостыню. Ему почти не подавали. И не потому, что жители Пайрогии такие уж бессердечные скоты, вовсе нет! Большинство из них попросту не замечало крохотного старика в серых штанах и сиреневой рваной рубахе, с плоской шляпой, привязанной к голове веревочкой, и погасшей тонкой трубкой в редких желтых зубах. Казалось, этот человечек слился с мостовой.

Форез обратил на него внимание потому, что споткнулся о его ноги. Выругавшись, неудачник наклонился и вдруг встретился взглядом с пристальным взором очень узких раскосых глаз. В первое мгновение Форез испугался: кхитайец показался ему каким-то демоном, порождением тумана и болезненно-го воображения.

Затем «демон» заговорил.

— Ты опрокинул моя чашка, — сообщил он. — Ты рассыпал моя деньги.

Форез действительно вывалил на мостовую те три или четыре медяка, что лежали на донышке плоской чашечки, стоявшей у ног нищего. Он поддал ногой по чашке, и она разбилась.

— Ты разбил моя чашка, — бесстрастно сказал кхитаец.

— Ну и плевать! — объявил Форез.

Он вознамерился было идти дальше, но крохотный нищий подпрыгнул, вскочил на ноги и вдруг оказался прямо перед Форезом, загораживая ему дорогу.

— Ты уходишь от моя, — сказал он. — Так не годится.

Форез попытался отшвырнуть его, но не тут-то было. Старичок словно прирос к мостовой. Он показался обнищавшему дворянину чугунным, так он был тяжел.

— Что тебе надо? — сдался Форез.

— Я хочу деньги, — сказал нищий.

Форез подбоченился, запрокинул голову и оглушительно расхохотался. Его безрадостный смех прозвучал глухо. Были уже сумерки, и туман быстро стущался на улицах города. Даже эхо, казалось, оглохло здесь, в узком, точно ущелье, переулке.

— Что тут смешная? — осведомился нищий.

— Смешная тут то, что у меня самого нет денег, — ответил Форез. — Позволь мне идти своей дорогой.

— Нет, так не годится, — кхитаец покачал головой. — Почему у такая важная господин нет деньги?

— Потому что дядя Эмбриако выгнал важная господин из дома, а родители этого важная господин — жалкие неудачники и пьяницы, и я надеюсь, что теперь, когда они умерли, все демоны преисподней терзают их плоть! — взорвался Форез.

— Так не годится, — сказал кхитаец. — Нельзя так говорить о родители. Родители надо почитать. Умершие надо почитать.

— Если бы они оставили мне приличное наследство, я почитал бы их от всей души, — заверил Форез своего странного собеседника.

Тот качал головой, точно заведенный.

— Нет, нет. Такие, как ты, никого не почитать. Даже если бы было наследство.

— В любом случае, его нет, так что и говорить не о чем.

— Всегда есть о чем, — сказал кхитаец. — Расскажи мне о дядюшке.

И Форез, сам не зная, почему это делает, привел нищего старика-кхитайца в свой нищий дом, усадил там на единственный стул, а сам устроился на полу. Хотя, если подумать, умнее было бы сделать все наоборот: кхитайца, привыкшего сидеть на циновках, следовало бы разместить на полу, а самому сесть на стул. Но Форез хотел быть гостеприимным, и кхитаец оценил это. Он stoически сидел, выпрямившись на стуле, хотя к концу разговора у него страшно разболелась спина.

А разговор получился весьма примечательный.

— Для начала расскажи, кто ты такой, — потребовал Форез. — А то ты все обо мне знаешь, а я о тебе — только самую малость.

Кхитаец прищурился, хотя, поначалу, казалось, что его глаза не смогут сузиться еще больше.

— А что ты про меня знаешь?

— Ну, что ты — кхитаец. Что ты — нищий.

— Почему нищий? — удивился кхитаец.

— Разве ты не просил милостыню? — удивился, в свою очередь, Форез.

— Может быть, — сказал кхитаец. — Но я не нищий. Я очень-очень богатый. — Он приложил палец к виску. — Вот здесь. Я имею много знания.

— Отлично! — воскликнул Форез не без яда. — Что-то я не вижу, чтобы это знание тебя кормило или давало тебе кров над головой!

— Сейчас увидишь, — обещал кхитаец.

— Кроме того, ты — старик, — продолжал Форез.

— Это точно, — на сей раз кхитаец не стал возражать.

— Что еще я должен знать о тебе?

— Что я могу тебе помочь...

Форез напрягся.

— Каким именно образом?

— Я знаю, как убить несколько человек. И никто не поймет, почему это случилось, — сказал кхитаец бесстрастно. — Все будут только недоумевать.

— Невозможно! — воскликнул Форез. — Я размышлял над проблемой день и ночь несколько зим, и все без толку. Ни один наемный убийца...

— Ты глуп! — вскричал кхитаец, ерзая на стуле.

Форез пропустил оскорбление мимо ушей. Он видел, что кхитаец очень возбужден. И это волнение поневоле передавалось молодому человеку. Неужели нашел? Неужели сейчас он услышит о способе устранить и дядюшку, и кузенов?

— Ты должен ехать в Кхитай, — сказал после паузы старик.

Форез поперхнулся. Многое он ожидал услышать, но только не это!

— Должно быть, ты выжил из ума, — сказал Форез устало. — Как я поеду в Кхитай? У меня нет денег.

— Будешь обольщать женщин, — старик гаденько хихикнул. — Говорят, ты это умеешь.

— Кто говорит?

Форез огляделся по сторонам, словно ожидая увидеть сплетника прямо здесь, в своей маленькой убогой комнатушке.

— Твои вещи, — пояснил старик. — Ты считаешь себя красавцем. Если тебя умыть, причесать и одеть, то так, наверное, и покажется многим глупым женщинам. Мне неважно, как ты поедешь в Кхитай. Я расскажу тебе, какую вещь ты должен там найти.

Они проговорили почти до рассвета. Форез то верил старику вполне и принимался рыдать от счастья, то вдруг его охватывали сомнения, и тогда он метался по комнате и рвал на себе волосы. Старый кхитаец наблюдал за ним с тихой улыбкой. Что-то забавляло нищего в том, как ведет себя молодой,

вспыльчивый нобиль, которого угораздило родиться бедным.

Наконец солнце пробило туман лучами-копьями, и на улицах стало светло. Заглянул отважный маленький лучик и в хибару Фореза. Старики-хитаец дремал на стуле, свесившись набок и уронив голову на грудь, а молодой дворянин сверлил его взглядом и грозно кусал себе губы.

В конце концов он заговорил:

— Ну, хорошо, положим, я поверю тебе и соглашусь... Но тебе-то какая польза от всего этого?

Хитаец дернулся на стуле, встрепенулся, как птица, которую потревожили, и заморгал.

— Я только глупая старая хитаец, — сообщил он. — Я хочу жить твой дом, есть твой пища и просить мой милостиныя на улицах Пайрогии.

* * *

Форез покинул Пайрогию пешком и двинулся на восток. В небольшом городке на самой границе Британии он нанялся охранником в караван, направляющийся к Турану. Его охотно взяли. Охранников не хватало, а время поджимало. Купцы торопились доставить товар в Туран, где их уже ждали; в случае опоздания хорошая партия турецких ковров могла уйти к конкурентам. И как на грех накануне вечером двое охранников передрались, и один убил другого. Разумеется, убийца был передан городским властям, так что теперь караванников охраняло всего три человека.

Фореза наняли охотно, но... за половинную плату. Молодой нобиль на собственной шкуре убедился в том, что среда наемников обладает такой же строгой иерархией, что и аристократическая. Может быть, даже более строгой. Человека со стороны, без рекомендаций и знакомств, принимают крайне неохотно, ему не доверяют и задирают — до тех пор, пока ему не представится случай доказать свою компетентность. Однако выхода не было. Форезу требовалось попасть на восток. Молодой, сильный, обученный владению оружием, он вполне полагался на собственные силы. Жизнь вскоре преподнесла дворянину первый урок. На первом же ночлеге Форез, следя давней привычке, забрал себе самый удобный матрас из всех, что имелись в телеге с припасами и пожитками странников, и устроился на ночлег под телегой. Вдруг дождь? Форезу совершенно не хотелось промокнуть.

Его разбудили, едва он смежил веки, причем сделали это самым грубым образом: сперва спящего вместе с тюфяком выволокли из-под телеги, а затем отдубасили палками и отпинали сапогами. Форез мог только слабо отмахиваться руками и вскрикивать:

— Вы что? Почему?

Начальник стражи каравана схватил его за шиворот и подтащил прямо к своим глазам. Оскалившись, он прорычал в лицо ошеломленному Форезу:

— Это — мой тюфяк! Это — мое место! А ты — никто, и спать будешь на голой земле под открытым небом!

С этим он швырнул Фореза на землю. И тот, поплакав и поворочавшись, заснул прямо на камнях.

Следующая неделя превратилась для него в пытку. Избитое тело болело, и Форез не мог даже позволить себе миг отдыха. Ему приходилось ехать на лошади или идти пешком. В телегу его не пускали — из опасения, что он сожрет припасы, предназначенные для долгого пути. К голоду молодой господин привык давно, но к такому обращению, как он полагал, привыкнуть невозможно.

С этим караваном Форез расстался без всякого сожаления на самой турецкой границе. Чуть позже он нанялся в следующий, где к нему относились гораздо лучше. Во-первых, теперь он мог назвать имена некоторых наемников, а во-вторых, весь его вид свидетельствовал о том, что Форез — третий калач. Он загорел, одежда на нем пропиталась потом. На барахолке, где продавалось краденое и снятое с убитых, Форез прикупил себе кожаную безрукавку и кожаные же штаны, а также модные среди наемников сапоги с тяжелыми носками. Это повысило ему жалованье почти в полтора раза.

До Кхитая он добрался через полгода уже бывалым воином. На его счету был даже один убитый разбойник, так что вскоре некоторые молодые наемники начали ссылаться на свое знакомство с нобилем Форезом. Его так и называли — «дворянин Форез», как бы в насмешку. Потому что Форез, не оставляя надежды когда-нибудь завладеть наследством и войти в высшие слои общества, продолжал

щеголять аристократическими манерами. Они сделялись его отличительной чертой — подобно тому, как другие наемники носили сергу или разукрашивали себе щеки татуировкой.

* * *

Кхитай открылся ему поначалу в виде бескрайних полей, залитых водой. По колено в воде бродили маленькие желтолицые люди, и у каждого к голове была привязана веревочкой плоская шляпа, соломенная, с растрепанными краями. Совсем как у нищего, который завладел теперь лачугой Фореза в Пайрогии.

Форез с интересом рассматривал поля и работающих там людей. Неужели эти крестьяне, довольствующиеся такой жалкой участью, принадлежат к тому же самому народу, который породил мудрых колдунов и удивительных каллиграфов? Форезу доводилось видеть работу кхитайских художников — такую тонкую, что она, казалось, не под силу была грубой человеческой руке. Вероятно, таким художникам помогают духи их народа.

А может быть, продолжал раздумывать Форез, у кхитайцев все разделено: вся тяжелая работа досталась одним, а все изящество — другим?

Впрочем, он скоро изменил свое мнение, поскольку любой из крестьян, как оказалось, в состоянии был нарисовать удивительный значок с причудливыми очертаниями и объяснить, что этот значок обозначает.

Фореза интересовало, как выглядят вывески таверн и борделей. «Чтобы не перепутать и не спросить где-нибудь на таможне девочку для услуг», — объяснил он на ломаном кхитайском, помогая себе бурной жестикуляцией. Когда кхитайские крестьяне поняли, чем интересуется этот рослый человек с круглыми глазами и для чего ему знать смысл некоторых иероглифов, их веселью не было границ. Они охотно обучили Фореза нескольким значкам, заставили десятки раз повторить звучание незнакомых ему прежде слов, а заодно напоили крепкой рисовой водкой и накормили пресным рисом.

Ошалевший от их гостеприимства, Форез отправился дальше. С собой у него была теперь горстка риса и свежая вода в маленькой фляжке.

Бывалый путешественник и бравый солдат-наемник, господин Форез чувствовал себя как нельзя лучше. Он нигде не пропадет! То и дело он посматривал на табличку, где для него нарисовали иероглифы, чтобы получше их запомнить.

Город, который он искал, назывался Ло Фо. Небольшой городок совсем недалеко от границы, объяснил Форезу старик кхитаец. Там встречаются иностранцы, так что Форез не обратит на себя слишком большого внимания.

Нужно остановиться в любом трактире. Нужно платить чуть больше, чем спрашивают, за еду и крышу над головой, тогда хозяева трактира отнесутся к постояльцу как к родному сыну и ответят на любые его вопросы. Прожив день или два в полном

безделье, надлежит узнать, где можно найти человека по имени Хань Ду. У Хань Ду дурная репутация, потому что он содержит очень плохой бордель. Но если хозяева трактира отнесутся к постояльцу как к родному сыну, они расскажут ему даже про Хань Ду.

Оказавшись в чужой стране, Форез решил в точности следовать инструкциям своего наставника, и потому действительно остановился в трактире и начал сорить там деньгами.

Кроме нескольких чиновников невысокого ранга, которые путешествовали по важным поручениям своих начальников, в трактире обитал еще один круглоглазый. Это был рослый детина с копной черных волос и ярко-синими глазами. Не такими уж и круглыми, кстати, вечно прищуренными, словно их обладатель пытался рассмотреть чуть больше, чем открывалось простому взору.

Детину звали Конан, и выглядел он точно таким же наемником, каким был и господин Форез. Знакомство они свели тем же вечером. Иначе и быть не могло: двое иностранцев в далеком Китае, в одном трактире... Да еще оба — наемники!

Форез назвал свое имя, слабо надеясь на то, что до Конана уже доходили рассказы о том, как он, Форез, храбро убил целого одного бандита.

Однако Конан только фыркнул:

— Форез? Впервые слышу.

— Меня называют «нобиль Форез», — добавил наемник вкрадчиво.

— А почему? — удивился Конан. — Вот меня на-

зывают киммериец, это потому, что я из Киммерии. А ты что, настоящий нобиль?

— Может быть, — скромно пожал плечами Форез.

— А может быть, и нет! — захохотал варвар оглушительно и потребовал еще рисовой водки.

Водку подавали подогретой в крошечных чашечках. Конан проглатывал содержимое этих чашечек, одну за другой в страшных количествах точно устриц, и совершенно не хмелел. Зато у Фореза все плыло перед глазами. Киммериец заметил это и дружески посоветовал:

— Ты, приятель, много этой дряни не пей. С непривычки может стать очень плохо.

Форез только двинул бровями. Оказалось, что киммериец прав. Скоро дворянин уже плохо соображал, где находится и с кем разговаривает.

— Мне нужно отыскать бордель, — лепетал он.

— Ну, не сейчас же! — резонно возражал ему варвар. — Да и к чему тебе какой-то бордель? Я могу познакомить тебя с чудесными девушками без всякого борделя. Они охотно примут в объятия такого мужчину. Им нравятся мужчины с запада.

— Не какой-то бордель, а совершенно определенный, — пьяно настаивал на своем Форез. — Который содержит этот... как его... урод один... кхитаец...

Он замолчал, мучительно припоминая имя содержателя. Наконец сказал, как будто выплюнул:

— Хань Ду!

— Хань Ду? — удивился Конан. — Но у него очень плохой бордель!

— А чем он плох, а? — поинтересовался Форез.

— Женщины старые, в комнатах грязно. Угощение никудышное, — начал перечислять варвар. — Да еще и цены высокие. Бывают такие места — ни одного достоинства.

— Но ведь как-то он существует? — не унимался Форез.

— В этом скрыта самая большая кхитайская тайна, — согласился Конан. — А для чего тебе такое место, как заведение Хань Ду?

— Мне его... рекомендовали, — сообщил Форез. И погрозил Конану пальцем: — Только т-сс!

— Рекомендовали? — удивился варвар. И вдруг насторожился. Что-то почудилось ему в облике Фореза. Хоть тот и плохо соображал, но говорил весьма связно. Имелась определенная логика во всех этих высказываниях. И очень эта логика варвару не понравилась. Нутром он чуял: неспроста разыскивает бритунец этого Хань Ду.

— Ну да, — продолжал Форез. — Мой друг и рекомендовал... У меня есть друг кхитаец.

— У меня тоже есть друг кхитаец, — сказал Конан, — и он мне решительно не советовал...

— А мой кхитаец, наоборот, очень даже советовал... Как ты думаешь, если твой кхитаец против моего кхитайца... то кто победит?

Конан подумал о своем друге, кхитайском каллиграфе Тянь-по, с которым познакомился при довольно странных обстоятельствах, в замке, полном колдовства и загадок. С тех пор им не раз доводи-

лось вместе переживать различные приключения, и маленький каллиграф успел по-настоящему подружиться с рослым верзилой варваром.

Однако ни о чем из этого Конан не успел рассказать своему новому знакомцу, потому что Форез, упав лицом на стол, крепко заснул.

* * *

Наутро выяснилось, что стремление Фореза оказаться в борделе, пользующемся скверной репутацией, ничуть не угасло. Напротив, проспавшись и окончательно прия в себя после вчерашнего, господин Форез был бодр и полон планов.

— Что ты там забыл? — недоумевал Конан.

— Определенного представления о том, что именно мне требуется, пока что нет, — честно признался Форез. — Впрочем, могу намекнуть. Я проделал весь путь из Бритунии до Кхитая специально для того, чтобы повидаться с этим Хань Ду. Ну как? Что скажешь?

— Загадочно, — признал Конан. — Нельзя ли побольше узнать о том твоем кхитайце? Ну, о том, который присоветовал встретиться с Хань Ду...

— Отчего же... — Форез пожал плечами. — Впрочем, многого о нем я тоже сообщить не смогу. Обычный старый нищий.

— Где вы познакомились? — настойчиво продолжал расспросы киммериец.

— В Бритунии...

— Обычный нищий! — Варвар уставился на Фо-

реза ярко-синими глазами. Усмешка расплзлась по загорелому лицу варвара. — Просто старенький кхитаец в Бритунии. Такое ведь на каждом шагу встречается, не так ли?

Форез густо покраснел.

— Я хочу сказать, что в самом нищем ничего странного не было. Может быть, судьба забросила его слишком далеко от родной земли, и это обстоятельство можно счесть не вполне обычным. Согласен. Ты ведь знаешь этих попрошак, которые прикидываются мудрецами, чтобы только разжалобить богатеньких господ!

Перед киммерийцем — даром, что тот был необразованным варварам, неотесанной дубиной, грубым наемником и пьяницей к тому же, — господин Форез чувствовал себя глупым мальчишкой. Изысканное образование и аристократическое воспитание подмогой ему сейчас никак не служили. Это не могло не раздражать.

— Итак, он пытался разжалобить богатеньких господ своей псевдо-мудростью, — безжалостно сказал Конан. — Кто у нас богатенький? Ты? — Киммериец смерил своего собеседника с ног до головы критическим взглядом. — Не думаю! — заключил Конан таким тоном, как будто завершил врачебный осмотр и нашел пациента не вполне здоровым.

— Ну... — замялся Форез. — Я, конечно, не...

— И много он получил от тебя?

— Весь мой дом, — признал Форез. — Правда, домик так себе...

— А ты по его совету потащился в Кхитай! Не такая уж она ложная, мудрость твоего нищего кхитайца!

— Ты покажешь мне, где находится заведение Хань Ду? — рассердился наконец Форез. — Или я буду разыскивать его сам!

— И наткнешься, пожалуй, на чай-нибудь нож, — пробормотал Конан. — Здесь гораздо больше негодяев, чем ты предполагаешь, дружище. Кхитайцы только с виду народ смиренников. На самом деле разбойного люда они породили ничуть не меньше, чем бритунцы.

— Или киммерийцы, — попытался пошутить Форез. Но Конан не улыбнулся.

— Киммерийцы, возможно, и превосходят их, — вполне серьёзно заметил он, — но в том, что касается всех прочих... Ладно. Провожу тебя.

Они вместе покинули таверну и отправились бродить. Фореза поразило, как легко ориентируется Конан в лабиринте узеньких улочек, словно бы нарочно сплетенных в тесный клубок, как умело и вежливо разговаривает с местными. Конан был выше их на две головы самое малое, но они охотно вступали с этим великаном в беседу. Более того! Какой-то приезжий кхитаец, чиновник невысокого ранга, заблудившийся среди лавочек, торгующих креветками, пресным рисовым хлебцем и подслащенной водой, обратился к Конану с вопросом о том, как ему выбраться к Дворцу Присутствия — месту, где заседают чиновники. Это просто потрясло

Фореза. Конан показал чиновнику дорогу. Кхитаец, благодарно поклонившись, поспешил по своим делам, а Форез обратился к Конану:

— Он что, принял тебя за местного жителя?

— Возможно. — Конан пожал широченными плечами. — Меня почти везде принимают за местного.

— Боги! Как тебе это удается? Ты не похож ни на что из встреченного мною прежде!

— Это-то и подкупает, — хмыкнул Конан. — Скажу тебе больше. Некоторые чернокожие из Черных Королевств полагают, что я — негр по имени Лев Амра, жуткий пират и гроза морей.

— Негр? Боги, помогите мне! Уж не оборотень ли ты?

Выпалив это, Форез тотчас пожалел о сказанном. Гигантская ручища варвара схватила его за горло. Синие глаза блеснули у самых выпущенных глаз Фореза.

— Я — Конан из Киммерии, — тихо сказал варвар. — И это все. Никогда — слышишь ты? — никогда не предполагай, что я буду дружить с духами, демонами, колдунами, оборотнями, ведьмами и прочей нечистью! Я их ненавижу. Ясно тебе?

— Ясно, — прохрипел Форез. — Отпусти же меня.

Конан разжал пальцы и пробурчал:

— Ладно.

Заведение Хань Ду предстало перед ними в конце переулка, стиснутого лотками и прилавками. Здесь пахло рыбой и водорослями, хотя до моря было далеко. Рыбу привозили издалека, обложив ее льдом с горных ледников. Однако эта мера предосторожнос-

ти помогала не всегда. Рыба попадала в городок чуть подпорченная, и оттого острый морской запах становился еще сильнее.

Два круглых фонарика тихо покачивались над входом. В окне маячила толстая женщина с обиженно надутыми губами. Замученная худышка шваркала тряпкой по крыльцу, видимо, пытаясь придать заведению сколько-нибудь приличный вид. Удавалось ей это плохо.

Конан остановился.

— Ты по-прежнему уверен, что желаешь видеть Хань Ду?

Форез нерешительно кивнул и шагнул вперед. Киммериец смотрел ему в спину и покачивал головой. Затем крикнул:

— Учи, вызволять тебя отсюда я не буду!

Форез обернулся, махнул ему рукой и исчез за обтрепанной занавеской, сплетенной из тростника.

Он очутился в небольшом помещении, где тускло чадила масляная лампа. Здесь пахло странными благовониями и дымом ароматических курильниц. Любой знаток сказал бы Форезу, что все благовония — самого дурного качества, но для бритунийца это было не очевидно, поскольку он вообще в этих тонкостях не разбирался.

Толстая женщина — та, что была видна с улицы, — пошевелилась у окна. На ней был неряшливый шелковый халат, наброшенный прямо на голое тело. Форез увидел жировые складки уставшей немолодой плоти, и ему сделалось противно.

— Ну? — хрипло спросила женщина. — Ты принес что-нибудь покурить старой добре Фу?

— Насчет Фу — определенно, — вздохнул Форез.

Женщина, не поняв его, склонила голову набок. После короткого молчания она повторила вопрос:

— Так ты принес покурить для старой добре Фу?

— Нет, — сказал Форез. — Я хочу видеть Хань Ду. У меня к нему важное дело. И если старая добрая Фу проводит меня к хозяину...

— А... — Женщина глубоко вздохнула, отлепилась от окна и двинулась к Форезу. — Ладно. Я провожу тебя.

Она зашлепала по нечистому полу босыми пятками. Форез скользнул за ней. Молодой человек старался двигаться осторожно, но все равно то и дело задевал выступающие из темноты предметы: то полочка с какими-то сосудиками окажется на пути и возмущенно задребезжит, то кованый сундук вцепится в лодыжку твердым углом. Когда Форез добрался до господских покоев, он был уже весь избит и покусан, как ему казалось, «Старая добрая Фу», естественно, не обращала никакого внимания на страдания бритуница.

— Господин! — крикнула она хрипло, обращаясь к циновке, загораживающей дверной проем. — К тебе пришел какой-то глупый верзила.

Оттолкнув женщину, Форез нырнул за циновку и остановился, изумленный. В крохотной комнатке с низеньким потолком горели сотни миниатюрных

ламп. Светильники были сделаны в виде раскрытых цветков лотоса. Их алебастровые лепестки источали бледное сияние. По всей комнате бегали матовые пятна света.

Некоторые из ламп, как почутилось Форезу, висели прямо в воздухе. Должно быть, они прикреплены к потолку тонкими цепочками, смятенно подумал бритунец. Он был так увлечен этими лампами, что не сразу заметил сидящего в комнате человека. А человек этот был не менее примечательным, чем светящиеся лотосы. Это был маленький кхитаец, гораздо меньше обычного человека — карлик со сморщенным раскосым и плоским лицом. Его глаза тонули в складках, зато ноздри, короткие и вывороченные, глядели с лица двумя округлыми отверстиями. Коричневые губы в окружении морщин шамкали.

Он сидел прямо на полу, где не было никакой мебели, если не считать мятого и совершенно вытертого ковра. Когда Форез присмотрелся, он не без удивления заметил остатки узоров: давным-давно ковер был изготовлен в Туране. С тех пор прошло, наверное, несколько сотен зим.

— Садись, — прошептал Хань Ду.

Форез подогнул ноги, опустился на колени, а затем устроился, как умел, на пятках. Он приготовился рассказывать Хань Ду свою историю — о нищем, о странном совете отправиться в Кхитай, о своем путешествий... Но Хань Ду слабо махнул рукой, словно отметая подробности как нечто излишнее и ненужное.

— Оставим все, — зашепестел его голос. — Говори о главном.

— Главное? Ну... — Форез замялся. — У меня есть богатый дядя и двое кузенов. Я хочу получить дядины деньги так, чтобы они, во-первых, достались только мне, а во-вторых, чтобы никто не заподозрил меня в покушении на жизнь достопочтенных родственников. Вот и все. Это — если в общих чертах.

— Большего знать и не требуется, — захихикал Хань Ду.

Форез не верил своим ушам.

— И ты готов помогать мне? — переспросил он изумленно. — Вот так, ни о чем больше не спрашивая?

— Конечно, — заявил кхитаец.

— Но... ты ведь назовешь свою цену? — продолжал Форез. — Я не могу ведь просто так взять у тебя какой-нибудь яд или... — Он нервно огляделся по сторонам. Теперь два или три светильника раскачивались в воздухе, и Форез ясно видел, что никакие цепочки или ленты не крепят их ни к стенам, ни к потолку. Они попросту плавают в воздухе. — Или заклинание, — слготнув, выговорил Форез.

— Заклинание? — Кхитаец затрясся от смеха. — Ну нет! Я еще не настолько стар и выжил из ума, чтобы отдать в руки глупого бритунца заклинание! Ты все испортишь. Ты ничего не смыслишь в магии.

— Это правда, — не стал отпираться Форез. — Но я... ни перед чем не отступлю.

— Хорошо, хорошо... Я дам тебе одну вещицу. Тебе ничего не придется делать. Просто возьми ее и

спрячь. Никому не рассказывай. Никому не показывай. Ты меня понимаешь?

Форез кивнул. Его руки прыгали от жадности. И все же он нашел в себе силы спросить:

— Но ведь ты потребуешь что-нибудь взамен?

— А как же! — произнес кхитаец и затрясся от беззвучного смеха: — Но ты узнаешь об этом после. Да, после... — Он призадумался, как будто что-то взвешивал в уме.

Форез пристально следил за ним, покусывая в нетерпении губу. Больше всего на свете молодой человек боялся, что Хань Ду вдруг передумает и откажется ему помогать. Он уже видел, как это бывает. Человек вдруг напрягается, лицо у него делается отсутствующим, и изменившимся тоном он объявляет, что никакого обещания он не давал и вообще никакого разговора не было. Так, например, повела себя с ним дочь графа Сабрана. Еще вчера умильно улыбалась при виде Фореза, а сегодня уже изображает, будто они едва знакомы.

Но об этой лицемерке лучше и не думать. Стоило совращать ее с пути истинного, чтобы тебя потом выставили из дома! Форез скрипнул зубами и тут заметил, что кхитаец наблюдает за ним. Наблюдает с застывшей улыбкой на сморщенном лице.

— Я дам тебе кое-что, — повторил он. — Мне нужно, чтобы это оказалось в Бритунии. Только и всего. Ты меня понял? Ты сделаешь так, как я тебе повелю: возьмешь это и подаришь дядюшке. Ни о чём не рассказывай. Никому.

— Но я...

Форез хотел сказать, что не слишком доверяет вещам, достающимся бесплатно.

Кхитаец приподнялся и вдруг сделался гораздо выше ростом.

Теперь его седенькая лысеющая макушка почти доставала до потолка.

— Ты сделаешь, как я сказал! — проговорил он совсем другим голосом, звучным и гремящим.

Форез съежился. Под пронзительным, пылающим взглядом кхитайца он почувствовал себя совсем маленьким, ничтожным.

Вместе с тем в глубине души Фореза зародилась досада. Как так! Почему он, дворянин Форез, трепещет перед каким-то Хань Ду, содержателем плохого борделя на кхитайской границе?

Но это было правдой. Хань Ду пугал Фореза. Молодой человек ощущал, что в этом сморщенном карлике скрывается какая-то непонятная сила.

— Я согласен, — пробормотал он, глядя на своего собеседника снизу вверх. — Я сделаю все, как ты повелишь, Хань Ду.

Кхитаец моргнул с таким видом, словно впервые слышал это имя. Затем вдруг расплылся в широкой улыбке.

— А! — вымолвил он. — Хань Ду. Ну конечно. Да. Хань Ду. А ты будешь меня слушаться, верно?

Он усился, снова сделавшись маленьким и беспомощным старичком со съеженным лицом, и несколько раз звучно хлопнул в ладоши.

Форез удивленно оглядывался по сторонам. Пока кхитаец нависал над ним, в комнате произошли изменения. Светильники прижались к стенам, как будто были испуганы не меньше, чем посетитель, и помаргивали оттуда. Циновка, висящая в дверном проеме, шевелилась, словно за нею кто-то прятался.

Затем чья-то невидимая рука отодвинула плетенную циновку в сторону, и в комнату медленно вплыла золотая маска. Это была старинная кхитайская ритуальная маска, изображавшая, должно быть, самую прекрасную девушку на свете. Удлиненный овал лица, пухлые губы, длинные глаза, чуть раскосо посаженные, но достаточно большие, чтобы понравиться не только кхитайцу, изящные, чувственные ноздри, — девушка была совершенством. И только если приглядеться более пристально, можно уловить едва ощутимое выражение жестокости, словно бы спящее в углах ее рта.

Маска, казалось, висела в воздухе, никем не поддерживаемая. И хотя господин Форез успел убедить себя в том, что он готов к любым чудесам и загадкам, эта вещица поразила его до глубины души.

Покачиваясь перед его лицом, маска прошла сперва в одну сторону, потом в другую. Затем кто-то невидимый резко сдернул ее — и тотчас перед Форезом оказалась жуткая уродина. Он отпрянул и больно прикусил себе язык, чтобы не закричать. Еще одна женщина из заведения Хань Ду, на сей раз тощая, изможденная, со сломанным носом, торчащим чуть вбок и приплюснутым, с гноящими-

ся глазками и длинным подбородком, на котором — о ужас! — росла редкая жесткая щетина.

— Боги! — вырвалось у Фореза. — Для чего ты держишь у себя этих пугал?

Хань Ду хохотал, держась за бока и встряхивая головой.

— У некоторых людей странное представление о возбуждающем, — сказал наконец кхитаец-карлик. — Большинство предпочитает полногрудых, молодых женщин. Некоторым нравятся худые, похожие на мальчиков. Иным вообще нравятся только мальчики, но сейчас мы говорим не о них. И есть особые клиенты. Особые! Такие, что обожают грязь, страсть, разложение, смерть. Они стыдятся признаться в этом своим домашним. Любой поймет мужчину, который захочет повеселиться в обществе красивой девушки. Но кто поймет тайное желание мужчины провести ночь в объятиях безобразной старухи? Мое заведение — для очень немногих. Для избранных. Для несчастных, которые мнят себя отверженными. Для тех, кто не похож на всех остальных. И их, кстати говоря, гораздо больше, чем ты предполагаешь, глупый бритунец...

— Я уже ничего не предполагаю, многочтимый Хань Ду, — сдался Форез. — Как только я сделал первый шаг за порог родного дома, мир представал передо мной совершенно иным, нежели представлялся прежде...

— Ты мудр, — сказал Хань Ду. — С зимами ты, быть может, научишься понимать многие вещи. О,

да. Многие... — Он задумался, пожевал губами, по-размыслил. Нашел свою фразу пустой и ничего не значащей и засмеялся. — Не всякому вздору верь, бритунец, даже если его изрекают уста старика!

— Ладно, — сказал Форез. — Так я и сделаю. Но как получилось, что до тех пор, пока твоя женщина не сняла маску, я не видел ее?

— Она пряталась за маской, — объяснил кхитаец.

— Я не видел не только лица, но и всего тела, — настаивал Форез.

— Всего лишь потому, что смотрел лишь на маску.

— Нет! — Форез покачал головой. — Ты хочешь одурачить меня, не так ли? Я достаточно глуп для этого. Но все же недостаточно, чтобы не замечать, помимо лица, рук и ног. Не забывай, я — наемник, воин, я всегда слежу, не грозит ли мне опасность.

— Ну, если ты такой наблюдательный... — протянул кхитаец. — Да, это особенная маска. Не вздумай надевать ее! Опасность велика. Просто возьми ее, заверни в шелк и спрячь в свой мешок. Отвези в Британию и преподнеси своему дядюшке. Дальнейшее предоставь случаю. Рано или поздно он исчезнет, и никому не придет в голову заподозрить в этом проишествии тебя.

— Разве что кто-нибудь припомнит, что я возвращался из Китая и дарил дяде странные предметы для его коллекции.

— А ты устрой так, чтобы эти предметы преподнес ему кто-нибудь другой, — сказал кхитаец. И

вдруг зевнул, показав беззубый рот. — Уходи. Ты меня утомил. Забирай вещь и уходи. Понял?

— Ты так и не сказал, что ты хочешь в обмен на эту маску, — напомнил Форез.

— Я свое уже получил, — объявил кхитаец. — Так что бери — пока я не передумал.

* * *

Конан застал своего друга Тьянъ-по за работой: тот собирал вещи и укладывал их в дорожную корзину. Завидев варвара, кхитаец обрадовался:

— Поверишь ли, Конан, я хотел искать тебя! Мне говорили, что ты в стране...

— Для чего ты хотел меня искать? — ворчливо удивился варвар и устроился на циновках.

Маленький каллиграф взял в руки очередной письменный прибор, повертел, проверил, остро ли заточены палочки, кольнув себе палец и сморшившись.

— Не уходи от ответа, — сказал Конан.

— Для чего один друг ищет другого? — проговорил наконец Тьянъ-по. — Повидаться, поболтать. Может быть, сходить в какое-нибудь симпатичное заведение, пропустить стаканчик...

— Я так не думаю, — объявил Конан. — Только не в нашем случае.

— Почему? — лукаво склонил голову набок Тьянъ-по.

— Потому что я — наемник, — сказал Конан. — И если меня ищут, то обычно по делу.

— Ну, не думаешь же ты... — начал Тьянъ-по, притворяясь обиженным.

— Думаю! — перебил Конан. — Так что говори, какое у тебя ко мне дело, иначе я уйду. И не скажу, какое дело у меня к тебе.

— Вот так, сразу... — огорчился Тьянъ-по. — Нет чтобы сперва выпить чаю, поговорить на разные отвлеченные темы. Я рассказал бы тебе о своих впечатлениях. Я ведь путешествовал до озера Порхающих Бабочек и видел, как восходит солнце над розовыми лотосами... Сразу за озером высится гора, на вершине которой выстроена пагода, где висят десять хрустальных колокольчиков. Если совершиТЬ правильное восхождение на эту гору, то можно достичь просветления.

— А можно не достичь, — сказал Конан. — Или свернуть себе шею. Во всяком случае, поздравляю тебя с успешным возвращением, Тьянъ-по. Ну как? Мы достаточно помодоли языками без толку и теперь можем переходить к важному? Или ты хочешь поведать мне еще о чем-нибудь?

— Ты безнадежен, — сдался маленький каллиграф. — Ладно, слушай. Мне нужен компаньон для поездки в Британию.

— А при чем тут я? — спросил Конан.

— Ты — сильный, проницательный... — начал Тьянъ-по, лукаво кося глазами.

— Угу. А ты — хитрая обезьяна. Говори, что надо!

— Надо охранять хитрую льстивую обезьяну, потому что она боится доверять свою драгоценную

жизнь незнакомым наемникам, — сдался Тьянъ-по. — Еще она не хочет присоединяться к торговым караванам, на что есть целых две причины: во-первых, следующий торговый караван на запад отправляется только через полгода, как я выяснил, а я тороплюсь... А во-вторых...

— Довольно и первой причины, я полагаю, — хмыкнул Конан.

Тьянъ-по умолк и заморгал почти виновато.

— Ладно, — заявил киммериец великолушно, — продолжай. Для чего тебе Британия? Неужели и там появились желающие изучать каллиграфию? Что-то сомнительно. Для того, чтобы рисовать всех этих козявок, которые у вас, кхитайцев, обозначают буквы, слова и целые фразы, нужно иметь пальцы как у насекомого.

— У насекомых нет пальцев, — возразил Тьянъ-по. Конан махнул руцищей.

— Ты меня понял, не притворяйся глупее, чем ты есть.

— Ладно. Нет, речь не идет об уроках каллиграфии, хотя некоторые женщины даже на западе имеют определенные задатки для постижения этого искусства... — Глазки Тьянъ-по блеснули, но тут же погасли. — Не отвлекай меня, варвар! — закричал он, размахивая рукавами. — Ты нарочно завел разговоры о женщинах, чтобы сбить меня с толку!

— О женщинах заговорил ты, — возразил Конан. — Я всего лишь спрашивал, для чего тебе ехать в Британию, да еще так срочно.

— Наш император получил письмо от короля Бритунии, — сказал Тьянъ-по. — Ты понимаешь, как это важно?

— Для императора, может быть, и важно, — беспечно отозвался Конан, — а для киммерийца Конана это абсолютно безразлично.

— У тебя нет чувства долга, — сказал Тьянъ-по укоризненно. — А у меня есть. Бритунский король просит нашего императора прислать к его двору специалиста по праздникам Золотых Масок.

— То есть тебя? — уточнил Конан.

— Ну, — Тьянъ-по скромно потупился, — возможно, бритунский король не вполне хорошо знает мое имя... Или вообще его не знает...

— Для чего бритунскому королю все эти ваши кхитайские церемонии? — продолжал удивляться Конан. Он вполне поверил своему приятелю — Тьянъ-по не стал бы ему врать, но мотивы, коими руководствовался король Бритунии, оставались для него загадкой.

А загадок киммериец не любил.

Тьянъ-по пожал плечами и привычным движением поддернул рукава своего халата.

— Он хочет произвести впечатление на посольство Аквилонии, кажется, так он написал в письме. Сейчас в закатных странах мода на все кхитайское. А если учесть, что в Пайрогии живет самый известный на западе коллекционер кхитайских диковин... Тебе доступна моя логика, или рассказать подробнее?

— Логика доступна, — проворчал Конан, — но подробности тоже не помешают. Что за коллекционер?

Тьянъ-по сморщился.

— Просто богатый чудак, я полагаю. Собирает у себя в саду различные растения, которые ему привозят со всего света. Покупает за большие деньги разные диковинки у авантюристов, которые, опять же, приезжают к нему со всего света. Держит в своем имении художника, который составляет для него каталоги его коллекций.

— Что делает? — уточнил Конан.

— Рисует и подписывает. Вещь такая-то, привезена из такой-то страны, таким-то убийцей туземцев, продана за такую-то сумму и теперь хранится у нашего нобиля.

— Понятно. Ты тоже хочешь что-нибудь нарисовать?

— Если придется. Но вообще-то, как я уже говорил, я должен заняться церемонией. Посмотреть, какие у нашего дворянина есть вещи и каким образом эти предметы могут быть использованы для создания кхитайской церемонии. Подчеркиваю: это будет не настоящая церемония. Поскольку истинная реальна только в Кхитае. Но имитация должна быть по возможности полной.

— Я думаю, тебе следует не столько воссоздавать кхитайскую церемонию при помощи имеющихся под рукой предметов, — сказал Конан, — сколько имитировать ее, предварительно изучив представле-

ние людей закатных стран о том, каковы должны быть кхитайские обычаи.

Тьянъ-по засмеялся и забил в ладоши.

— Ты очень хитроумен, Конан.

— Это свойство любого варвара. Нас напрасно считают тупыми. Нет никого хитрее, чем варвар.

— Разве что кхитаец... — сказал Тьянъ-по. — Теперь твоя очередь. Ты знаешь обо мне все, а я о тебе — лишь самую малость.

— Я был здесь по делу, — начал Конан. — Точнее, в сам Кхитай меня занесло случайно. Я... э... уносил ноги от одного назойливого типа, который... э... считал, что я обошелся с ним не вполне справедливо. В общем, тип теперь удобряет кхитайскую почву, а я оказался здесь. Чему, в принципе, даже рад, ибо у меня появилась возможность повидаться с тобой.

— Превосходное начало для повести, — произнес Тьянъ-по, одобрительно кивая. — Однако продолжай! Умоляю тебя, не останавливайся.

— Ладно, ладно... — Конан хмыкнул. — Вчера я встретил здесь еще одного человека из закатных стран. По странному совпадению, бритунца. Он уверяет, будто служил наемником, охранял караваны. Может, и не врет, вид у него действительно бывалый и несколько потрепанный, как у всякого наемника. Но вот что я тебе скажу, Тьянъ-по: если он и охранял караваны, то совсем недолго. Шрамов нет, руки гладкие, ладонь не похожа на лопату. Он, в отличие от меня, — тут Конан с удовольствием гля-

нул на собственную руку, твердую, точно деревяшка, — расставался с мечом.

— Что делал здесь этот бритунец? — Тьянъ-по выглядел теперь немного встревоженным. — Его тоже занесло в Кхитай по случаю? Спасался от назойливых типов?

— Нет, мне так не показалось... Он хотел найти заведение Хань Ду. Сказал, что нарочно приехал посмотреть этого самого Хань Ду.

Тьянъ-по даже подскочил, едва заслышав это имя.

— Что ты говоришь! — вырвалось у маленького каллиграфа. — А сам ты бывал у Хань Ду?

Конан покачал головой.

— Еще чего не хватало! Всем известно, что у него очень плохой бордель. Посмотри на меня, дружище. Разве я похож на человека, который захочет посещать плохой бордель? Да я вообще, если охота знать, не люблю бордели! У меня полно знакомых девушек, и если я пожелаю, то...

— Знаю, знаю! — Тьянъ-по сморщился. — Не продолжай. Я имел в виду не девушек, а самого Хань Ду.

Конан залился багровой краской.

— Что ты сказал?

— Не то, что ты подумал, — отмахнулся кхитаец. — Хань Ду ворочает темными делишками. И если какой-то человек приезжает из Бритунии нарочно для того, чтобы повидаться с Хань Ду, значит, дело очень и очень нечисто.

— Скорее всего, торговля порошком черного лотоса, — отмахнулся Конан. — Весьма дорогостоящий способ самоубийства. Но меня это не касается. Если господин Форез намерен купить черного лотоса у господина Хань Ду, а потом продать его еще какому-нибудь господину, то это их личное дело.

— Так-то оно так, — вздохнул Тьянь-по, — но если речь идет не о наркотике?

— А о чем? — удивился Конан. — Что еще можно вывезти отсюда — нелегального, экзотического, типично кхитайского да еще такого, чтобы дорого стоило?

— Существует много разных вещей, о которых ты даже не подозреваешь.

— Для того, чтобы хорошо спать, вкусно питаться и дожить до старости, совершенно не обязательно знать все, — сообщил Конан. — Кстати! — вспомнил он. — Этот Форез говорил, будто к Хань Ду направил его один кхитайский нищий. Очень странный нищий. Форез встретил его в Пайрогии...

Друзья призадумались. Теперь, когда Конан перечислил все, что было ему известно о Форезе, предприятие бритунского наемника начало выглядеть более чем подозрительным.

— Как ты думаешь, — сказал наконец Тьянь-по, — имеет его приезд какое-то отношение к празднику, который наш император помогает устраивать бритунскому королю?

— Возможно, — сказал Конан.

— Прямое или косвенное? — настаивал Тьянь-по.

— Возможно, — повторил Конан. — Интересы людей могут сплетаться самым различным образом. Иногда настолько причудливо, что распутать этот клубок не под силу никому, кроме разве что богов. Друзья помолчали немного.

— Знаешь что, — промолвил наконец Конан, — я отправлюсь в Британию вместе с тобой.

Кхитаец нескончально удивился:

— А разве это не было уже решено?

— Нет. Ты меня попросил — это правда, но я не успел дать согласие...

— Теперь даешь?

Конан кивнул.

— Не нравится мне Форез. Не нравится мне Хань Ду. Мне даже этот бритунский коллекционер кхитайских диковин не нравится. Хорошо бы их всех одним махом прихлопнуть! — высказался варвар. — И вот что, Тьянь-по... Налей-ка мне чаю да расскажи подробнее про порхающих бабочек.

* * *

Маленький караван состоял из трех человек — двух охранников и каллиграфа, — и пяти лошадей, из которых две были вьючные. Они выступили в путь через два дня после встречи Конана с Тьянь-по. Форез попросился к ним в попутчики, когда узнал, что киммериец со «своим кхитайцем» направляются в Британию. Ему не стали отказывать. С одной стороны, лишний человек не помешает: мало ли что может случиться в дороге. Путь предстоит не-

близкий, местами довольно опасный, так что второй охранник будет кстати. С другой стороны, Конан чувствовал, что Форез впутался в какую-то странную историю. Весьма странную. И, возможно, довольно пакостную. Так что стоит держать его в поле зрения.

Каллиграф знал себе делал таинственное лицо и помалкивал. Конан знал, что за внешностью простака скрывается человек проницательный, но Форезу совершенно незачем знать о выдающихся качествах личности Тянь-по. Бритунскому наемнику сообщили лишь, что перед ним — знаменитый каллиграф, а также знаток обычаев и церемоний, приглашенный к бритунскому двору в качестве консультанта.

На всякий случай Конан дополнительно нашептал своему компаньону кое-какие подробности касательно Тянь-по:

— Ты думаешь, Форез, что он просто кхитаец и все? Ошибаешься! Характер у него — бешеный! Двух помощников, которые ему не угодили, он лично превратил в полевых мышей!

— Во-первых, не двух, а трех! — подал голос Тянь-по, который, как оказалось, прекрасно все слышал. — А во-вторых, не в мышей — тьфу! нечистое животное! и опасное! — а в обезьян.

— Разыгрываешь, — недоверчиво протянул Форез, поглядывая на Конана.

— Вовсе нет, — сказал варвар с самым серьезным видом. — Кроме того, он, — тут Конан опять покосился на Тянь-по и понизил голос до еле слышного

шепота, — большой охотник до женщин! Иной раз за ночь ублажает десяток и все ему мало!

— Враки! — сказал Тянь-по.

Конан выпрямился.

— Только не притворяйся, что ты слышал.

— Конечно, слышал. Ты врал, что я охотник до женщин.

Конан махнул рукой, а Форез поневоле глянул на маленького кхитайца с уважением. Этот важный человечек, восседавший на лохматой выносливой лошадке с таким видом, будто готовится начать очередной урок каллиграфии у себя в храме, где жили, трудились и обучались ученики, понемногу начинал вызывать у Фореза странные чувства. Молодому человеку казалось, что его дурачат, и в то же время он догадывался о том, что его спутники — не простые люди. Далеко не такие простые, какими хотели бы выглядеть.

Позднее, на привале, Конан тихо спросил у Тянь-по:

— Неужели ты действительно слышал, как я говорил о твоей ненасытности с женщинами?

Каллиграф покачал головой.

— Конечно, нет. Я догадался.

— Как?

— Ну... Ты всегда об этом говоришь, когда хочешь произвести впечатление.

Конан сжал кулак и занес его над головой кхитайца, одновременно с тем скрочив ужасную рожу. Тянь-по засмеялся.

— Изумительно, Конан! Я никогда не пожалею о том, что пригласил тебя охранять мою персону.

* * *

У моря Вилайет начинался самый опасный участок пути. Здесь давно хозяйничает банда Аббаза. В последний раз Конан сталкивался с Аббазом и его людьми чуть севернее, однако хитрый гирканец никогда не нападает дважды на одном и том же месте.

— Хорошо бы нам прокочить незамеченными, — проворчал Конан, когда впереди показались небольшие, убогие селения солеваров. — Не знаю, где теперь промышляет мой приятель, но встречаться с ним я определенно не желаю.

Однако этому благому пожеланию не суждено было сбыться.

Купцы из Хоарезма прибыли к солеварам почти одновременно с кхитайцем и его спутниками. Конану это обстоятельство не понравилось с самого начала. Где соль — там и кровь, рассуждал киммериец и оказался убийственно недалек от истины.

На большие плоскодонные баржи грузили соль в бочках. Одну за другой переносили ее костлявые, жилистые грузчики, обнаженные по пояс, в широченных штанах. За их работой надзирало двое хоарезмийцев с бичами. Грузчики, надо заметить, не были рабами — они получали плату за свой труд. Однако этот факт не мешал им оставаться ленивыми и вечно недовольными. Поэтому надсмотрщики, бранясь на чем свет стоит, подгоняли их бичами.

Конан поглядел на картину, представшую его взору, хмуро, без удовольствия. Ему вообще не нравилось, когда кого-либо подгоняют бичом. Независимо от того, заслужил ли человек дурного обращения или просто сделался случайной жертвой чужой жестокости.

— Пойдем, — сказал своему другу Тьянь-по. — Эти люди сами нанялись на работу. Они в состоянии отвечать за себя.

— Я и не собирался за них вступаться, — фыркнул Конан. — Еще чего не хватало! Нет, мне не нравится другое... Они слишком долго копаются. Как будто ждут чего-то.

— Ну да? — усомнился кхитаец.

Третий участник похода, господин Форез, подъехал ближе, чтобы слышать, о чем говорят его товарищи. Конан не стал делать тайны из своих наблюдений.

— У меня складывается такое впечатление, будто грузчики нарочно долго возятся с работой. Вероятно, ждут, пока подойдут их сообщники.

— Какие сообщники? — не понял Форез.

— Полагаю, грабители, — сообщил Конан, не моргнув глазом. — Я знаю по крайней мере три банды, что разбойничают в здешних краях. Полагаю, есть и еще. Но скорее всего скоро мы увидим самого Аббаза.

— Мы ведь не станем выручать хоарезмийских купцов? — спросил Форез. — Мне кажется, у нас для этого маловато сил.

— Хоарезмийские купцы — вполне взрослые и ответственные люди, — согласился Конан. — Они шли на риск сознательно. И если они так глупы или так скучны, что не обзавелись подходящей охраной, то это их беда. Не моя. И не наша, — добавил варвар.

Он поднял голову и прищурил глаза.

— Ага! — воскликнул он. — А вот и наши друзья. Легки на помине.

Степь покрылась облаками, которые быстро приближались. Конан прикидывал, сколько врагов может насчитываться в банде, и в конце концов объявил:

— Человек пятьдесят, не меньше.

Он ударил лошадь пятками и поскакал к причалу. Грузчики как раз побросали бочки и потянулись за кинжалами, которые прятали на поясе. Размахивая мечом, варвар на коне влетел на причал и снес голову ближайшему из бандитов.

Надсмотрщики закричали. Один из них растерялся и бросился бежать, и бандит успел метнуть кинжал ему в спину, так что надсмотрщик споткнулся и рухнул лицом в воду. Однако второй широко размахнулся бичом и выбил нож из руки третьего из бандитов. Конан подоспел вовремя, чтобы отсечь нападающему руку.

— Беги! — крикнул он человеку с бичом. — Предупреди своих! Аббаз! Это Аббаз!

Дважды просить не пришлось. Человек бросил бич и помчался в поселок, где находились купцы.

Банда между тем приближалась. Из поселка на встречу разбойникам уже скакали охранники купе-

ческого каравана. Конан быстро окинул их взглядом. Да, купцы из Хоарезма хорошо знали, куда отправляются и кто им может повстречаться. В охране находилось не менее сорока человек, и все — очень хорошо вооружены.

Конан без колебаний встал в их ряды.

Стычка началась сразу, едва только кони столкнулись грудью. Никто не остановился даже для того, чтобы выстрелить из лука. Размахивая мечами и дико визжа, гирканцы набросились на солдат. У бандитов имелось небольшое превосходство в численности, однако солдаты, несомненно, обладали куда более крепкими доспехами. Гирканские сабли скользили по тяжелым кирасам.

Впрочем, бандитам не впервые сталкиваться с подобным врагом. Они целили удары не по людям, а по лошадям. Оказавшись на земле, тяжеловооруженный всадник делался беспомощным. Ему предстояло высвободиться из стремян, выбраться из-под грузного коня, упавшего набок и придавившего седока. Да и поднявшись на ноги кавалерист не чувствовал себя вполне уверенно. Доспех мешал ему, сковывал движения.

Конан, одетый, как и люди Аббаза, в куртку из твердой вываренной кожи, двигался куда быстрее, чем солдаты из купеческого каравана. Он носился среди врагов, как молния, и разил без устали налево и направо. Казалось, невозможно уйти от удара длинным прямым мечом, сверкающим в руке варвара, как молния.

Форез вместе с Тьянъ-по приблизились к месту схватки.

— Хочешь участвовать? — спросил кхитаец своего спутника.

Форез покачал головой.

— Меня почти наверняка убьют, — признался он. — Я не слишком хороший боец. В отличие от твоего друга. Никогда не видел, чтобы человек так владел мечом! Он непобедим.

— Надеюсь на это, — вздохнул Тьянъ-по. — Вероятно, не было другого способа проехать мимо озера Вилайет, если Конан ввязался в схватку... Вообще-то он весьма миролюбив.

Последнее заявление каллиграфа заставило бритунца посмотреть на него с изумлением и передернуть плечами. Господин Форез сильно сомневался в том, чтобы могучий, самоуверенный и довольно раздражительный варвар мог быть «миролюбивым». Впрочем, всегда остается возможность того, что кхитаец вкладывает в это понятие какой-то совершенно особенный, кхитайский смысл, недоступный для сознания человека закатных стран.

Схватка заканчивалась. Аббаз, как всякий разбойник, не стремился пасть со славой и сберечь свою честь.

Увидев, что перевес на стороне солдат, он попросту гикнул и пустил своего коня вскачь, спасаясь бегством. Уцелевшие разбойники поскакали за ним. Несколько солдат вздумали было преследовать Аббаза, но скоро вернулись обратно. Не имело смысла

забираться далеко на территорию врага, где бандиты, несомненно, нападут снова.

Конан тяжело переводил дыхание. Не такой уж он непобедимый, как это могло показаться со стороны. Меч Аббаза задел его по ребрам, и рана на боку обильно кровоточила. Она не была опасной, но сильно болела.

Несколько солдат были убиты, пятеро — ранены. Прочие устроились отдохнуть — попадали на землю, кто где стоял, и потянулись за флягами. Двое или трое бродили по полю битвы и рассматривали погибших разбойников. Большинство из людей Аббаза были одеты в настоящие лохмотья, и только оружие у них было превосходным. Солдаты собирали сабли и кинжалы, чтобы затем разделять их между всеми по справедливости.

Командир отряда наемников отправил четверых солдат копать могилы для их погибших товарищей, а сам приблизился к Конану.

— Нужна ли тебе помощь? — спросил он, глядя, как киммериец зажимает рану.

— Как ты думаешь? — фыркнул Конан.

— Подними руки, я гляну, сильно ли тебя порезали.

Конан послушно развел руки в стороны. Командир солдат, бывалый воин, отвел в сторону полу кожаной крутки, обнажил бок варвара, осторожно прикоснулся пальцами.

— Как ты и думал, — сказал он киммерийцу. — Порез сильный, но кость не задета.

— Ага, — сказал Конан. — Именно так я и думал. У тебя в отряде есть врач?

— У нас каждый сам себе врач, — сухо сообщил командир.

— Ладно, попрошу своих, — сквозь зубы процедил Конан.

— Я не поблагодарил тебя, — молвил командир отряда.

— Ну так поблагодари! — взорвался варвар. — Проклятье! Мне больно, я устал, хочу есть, я спас вашу шайку от Аббаза — во всяком случае, так мне представляется, — а здесь полным-полно чудесного оружия... Например, вон та пара сабель...

— Они твои, — без колебаний произнес командир.

Конан протянул руку, и командир наемников вложил ему в пальцы рукоять сабель. Затем хлопнул киммерийца по ладони и ушел.

— Ну как ты, Конан? — подбежал к другу Тьян-по.

— Останови мне кровь. Потом я хочу есть. Потом — спать. Наутро едем, — отрывисто сказал Конан.

Ему подвели лошадь и помогли забраться в седло. Троє спутников отъехали от селения солеваров на десять полетов стрелы и там устроили лагерь. Форез привез свежей воды в большом бурдюке и недавно выловленной в озере рыбы.

— Кто это был? — спросил Форез у варвара, когда тот, с тугой повязкой на боку, умытый, с хрустом

поглощал рыбу, перемалывая крепкими челюстями не только кости, но и плавники и хвосты.

— Просто Аббаз, — сказал Конан. — Плюгавая гроза здешних мест. Разбойник. Ничего интересного. Нам просто не повезло. Надо было сразу дать деру, едва мы заметили купцов. Это как с рыбной ловлей: где косяк всякой мелюзги, там и хищники...

— Не такой уж он и плюгавый, — возразил господин Форез. — Кажется, он убил человек пять.

— И потерял пятнадцать! — возразил Конан. — Так не сражаются. А теперь скажи мне, господин Форез, ты действительно дворянин?

— По происхождению — да, — признал Форез.

— А по образу жизни — босяк, не так ли? — Конан прищурился. — Ты ведь трус! Почему ты не вступил в битву?

— Ну... справились ведь без меня, — уклончиво ответил Форез.

— Справиться-то справились, но разве тебе не хотелось обнажить меч и пустить кому-нибудь кровь? — осведомился варвар, чуть шевеля верхней губой, точно волк, почувствовавший добычу.

— Нет, не хотелось, — честно признал Форез. — Я человек миролюбивый. Если там ядом кого-нибудь или хотя бы удавкой... Но бросаться в битву...

Его передернуло.

— Боишься крови?

— Скажем так, не люблю, — Форез вздохнул. — Да, я испорченный нобиль. Говорят, знатные люди постепенно вырождаются. Должно быть, я из тех,

которые уже выродились. Но что поделать! Я ведь жив! Народился для чего-то на свет, хожу вот по миру... Хочу быть счастливым. Разве я виноват, что не люблю битвы?

— Наверное, не виноват, — проворчал Конан, — но только меня от этого тошнит.

Он улегся удобнее и сразу же захрапел, чуть приоткрыв рот.

— Мало ли от чего меня тошнит, — прошептал Форез.

— Ты не в том положении, дружок, чтобы оповещать остальных о том, что тебе нравится, а что — нет, — напомнил ему Тьянь-по. — Пока здесь Конан, помалкивай. Конан-варвар — будущий король. Даже если сейчас это будущее и представляется слишком отдаленным, почти нереальным.

— Король? — поразился Форез.

Тьянь-по кивнул несколько раз.

— Именно, дружочек. Король. Он верит в то, что рано или поздно завоюет себе трон. А ты? Каким ты видишь собственное счастье?

Форез криво пожал плечами.

— Свой дом. Сад... Женщины. Возможно, одна женщина. Супруга. Слуги. Вкусная еда. Никаких забот. Никаких дел. Никаких усилий. Мягкое ложе. Полный дом домашних животных. Слуги...

— Слуг ты уже называл, — сказал Тьянь-по.

— Я хочу быть бездельником, — подытохнул Форез. — Жить без забот и умереть стариком.

Тьянь-по махнул рукой.

— Ты был прав, господин Форез, аристократия вырождается! Даже мои стремления простираются гораздо выше, а ведь я — простой каллиграф.

— Да? — переспросил Форез. — И каковы же твои высочайшие стремления, каллиграф?

— Я хотел бы стать старшим каллиграфом при императорском дворе! — объявил Тьянь-по победоносно. — Признайся, Форез, ты на такое не замахивался даже в самых дерзновенных своих мечтах!

* * *

Возвращение в Британию разлучило трех спутников. Тьянь-по отправился прямиком в королевский дворец, и Конан, проследив за тем, чтобы его кхитайского друга приняли там как следует, нашел себе приличную гостиницу.

Денег, полученных им от Тьянь-по (точнее, от кхитайского императора, который снабдил своего посланца немалыми средствами), было довольно для того, чтобы обеспечить себе пару лун беззаботного существования в Пайрогии.

Форез, с которым кхитаец расплатился куда более скромно, буркнул пожелание, которое можно было бы счесть «добрым» и «дружеским» только при наличии очень сильно развитого воображения, и отправился к себе в лачугу. Господин Форез понятия не имел о том, чего стоило ожидать от старика-ничего, которому он оставил свой дом.

Однако то, что предстало его взору, превосходило любые, даже самые смелые фантазии.

Снаружи лачуга выглядела такой же убогой, как и всегда. Но после долгого путешествия, во время которого Форезу довелось повидать самые разные города, «родовое гнездо» показалось ему особенно жалким и отвратительным.

Если стариk кхитаец и был дома, то никаких признаков жизни он, во всяком случае, не подавал. Это показалось Форезу немного странным. Конечно, днем кхитаец мог бродить по улицам, но сейчас был уже вечер, и старику следовало отдыхать. В конце концов, разве не для того он попросил у Фореза разрешения пожить в его доме, покуда хозяин лачуги путешествует? Скрипнув зубами, Форез наконец решился заглянуть внутрь.

Обычно дверь лачуги запиралась на хлипкий замок, а то и вовсе стояла нараспашку. Но на сей раз Форезу не удалось открыть ее сразу. Что-то держало ее изнутри.

Он дернулся сильнее. Никакого результата.

— Проклятье! — взревел Форез, разбегаясь и стукаясь о дверь всем телом.

Посыпался треск, как будто кто-то разрывал прочную ткань, и дверь наконец распахнулась. Форез ворвался в комнату. Однако, против всех ожиданий, он не пролетел через всю комнату и не стукнулся о противоположную стену.

Он как будто упал лицом в тюфяк, поставленный торчком. Мягкая шелковистая ткань коснулась его щеки. Пружинистая перина приняла на себя удар.

Форез пробормотал невнятное проклятие и отпрянул. Ему почему-то не слишком понравился этот «тюфяк». К тому же «ткань» была хоть и гладкой, но чуть влажной и к тому же слегка прилипала к коже. Он пошарил в темноте руками, пытаясь найти границы «тюфяка». Бесполезно. Вся комната была перегорожена.

Наконец Форез выбрался наружу и сделал факел из палки и собственного рукава, в спешке оторванного от ветхой рубахи. То, что осветило пламя, было поразительным: вся комната оказалась заполнена паутиной.

Тонкие, поблескивающие в свете факела сероватые нити, тянулись во всех направлениях, сплетались, скрещивались, свивались в клубки и свисали прядями. Их было так много и они были настолько прочны, что человек мог повиснуть в этой паутине без риска упасть (что несколькими мгновениями раньше и продемонстрировал господин Форез).

— Проклятье! — пробормотал он. — Как такое могло случиться?

Он отступил на шаг, держа факел, как меч, наготове. Если попытаться сжечь паутину, то вместе с нею, несомненно, загорится и лачуга, и тогда Форезу негде будет ночевать. Кхитаец, конечно, дал ему денег...

Ах, этот кхитаец! Хитрая бестия. Форез попытался было заключить союз с Конаном против косоглазого. Отвел как-то раз киммерийца в сторону — это произошло в самом начале их совместного пути обратно в Британию, — и предложил:

— Кхитаец везет с собой деньги и подарки от своего императора. Что если двум белым людям объединиться и отобрать у этого малыша все сокровища? Уверен, в его мешках окажется добра довольно для нас обоих. Что скажешь, Конан?

Конан молчал, изучающе поглядывая на своего спутника.

А Форез даже раскраснелся, представляя себе, какое богатство его ждет.

— Нет, ты подумай, Конан, подумай хорошенько! — настаивал он. — Мы завладеем сокрови...

Завершить фразу он не успел. Пудовый кулак варвара обрушился ему на голову и прервал поток красноречия.

Затем, дождавшись, чтобы бритунец перевел дыхание, проморгался, откашлялся и вообще обрел разумный вид, Конан проговорил:

— Нет.

И больше к этой теме не возвращался.

Зато удвоил бдительность. Впрочем, эта предосторожность оказалась излишней — бритунец был человеком понятливым и дважды одной и той же ошибки не совершал. Нет так нет. В отличие от многих и многих, нобиль Форез умел понимать отказы.

Одно время дворянин опасался, что Конан расскажет об их разговоре Тьянь-по. Но нет. По крайней мере, отношение кхитайца к наемнику ничуть не изменилось. Тьянь-по оставался все тем же: сдержаным, веселым, с детской улыбкой, ослиным упрямством и выносливостью обозной шлюхи.

Правда, заплатил он своему второму охраннику гораздо меньше, чем Конану. Но и это имело свое объяснение: ведь Конан сделал для Тьянь-по гораздо больше, чем Форез!

Эти денежки Форез хотел приберечь. Жаль будет потратить их на гостиницу в своем же родном городе! Ему необходима приличная одежда. Та, что хранится дома в сундуках, давно уже истрепалась. Не говоря о том, что она вышла из моды.

Нет, сжигать паутину вместе с домом он не станет. Воткнув факел в землю перед порогом, господин Форез извлек из ножен меч. Размахнулся.

И изо всех сил рубанул по паутине.

Послышался адский скрежет, как будто сталь коснулась не тонких ниток, а железных цепей. Несколько нитей оказались обрублены, и Форез, приободренный, нанес второй удар.

— Эй ты! — возмущенно заорал хозяин хижины, прилепившейся по соседству. — Какого дьявола ты тут делаешь? Все приличные люди давно уже спят!

Форез, не отвечая, продолжал рубить.

Проснулись и в других лачугах и везде принялись вопить:

— Дайте спать!

— Перестань скрежетать!

— Что он там делает? Перережьте ему глотку!

— Замолчите, я спать хочу!

— Сами замолчите, я тоже спать хочу!

Следующий удар Фореза сопровождался не только скрежетом, но и диким криком. Кричало явно

живое существо. Хуже того — из паутины хлынула кровь.

Форез в ужасе отскочил. В свете факела видно было, как черная густая кровь широкой струей вытекает из хижины и разливается вокруг.

— Что это? — пробормотал Форез, отходя в сторону. Он поднял голову и увидел перепуганные лица своих соседей — ничтожных нищих людышек, с которыми никогда не общался. — Боги мои, расскажите мне, люди, что здесь произошло?

Большинство довольствовались тем, что шум прекратился, и скрылись в своих домах. Остался лишь один человек неопределенного возраста, весь покрытый бородавками. Форез помнил его: это был один из прежних сбытульников его отца.

Встреч с этим человеком Форез избегал с особой тщательностью. Меньше всего на свете ему хотелось слушать рассказы старого забулдыги о том, как проводил свои дни и ночи его ничтожный, заблудший отец-неудачник.

Но — делать нечего! Других собеседников на этот колокол у Фореза не было.

Забулдыга икнул, попросил денег на выпивку и сообщил:

— Жил здесь старик-кхитаец. Мы все гадали, как такое вышло. То ли ты, друг милый, до того переписался, что всю рожу у тебя перекосило, то ли продал свой дом этому кхитацу, а сам подался в чужие края... Выходит, я ошибался, а вот жена моя была права, ха-ха!

Форез не стал входить в эти подробности. Он снабдил своего собеседника еще одной монеткой, и вид блеснувшего в свете факела кругляшка взбудрил того настолько, что повествование продолжилось:

— Словом, жил тут этот кхитаец. Днем ходил куда-то, а вечером дома сидел. Иногда вроде пел. Или выл. Словом, испускал различные звуки. А потом перестал выходить из дома. Ну, мы думали: может, подался в чужедальние края. А жена моя полагала, что он помер. Выходит, жена моя опять была права, хе-хе!

— Не женщина, а сокровище и кладезь премудрости, — сказал Форез. — Дальше.

— Будь она сокровищем, я бы давно ее продал, — сказал забулдыга. — Но насчет премудрости ты совершенно прав.

Он помолчал немного, но новой монетки не последовало.

— Это все? — спросил Форез, когда молчание затянулось.

— Ну... Вроде бы, да, — неуверенно ответил забулдыга. — Так помер старик или как? Мы-то входить не решились. Мало ли что. Посадят потом в тюрьму и отрубят голову за убийство.

— Ясно, — сказал Форез. — Ну, спасибо.

Он повернулся к соседу спиной и шагнул в сторону окровавленного крыльца. Что делать? Войти в дом и посмотреть, чья это кровь? Ждать рассвета? Все-таки сжечь тут все и забыть о случившемся?

Неожиданно из темноты вынырнула огромная тень, и знакомый низкий голос проговорил:

— Что тут случилось, господин Форез?

— Конан! — Форез вдруг понял, что невероятно рад появлению киммерийца. Во время путешествия именно Конан принимал все важнейшие решения, и теперь, оставшись наедине с собой и своей жизнью, Форез немного растерялся.

— Конан, Конан... — проворчал варвар. — Воплей тут — на весь квартал.

— Разве ты поселился по соседству? — удивился молодой нобиль. — Я думал, тебе достаточно заплати, чтобы ты нашел себе комнаты в центре Пайрогии.

— Можно найти вполне приличные комнаты на окраине. Плата меньше, а удовольствия больше, — заявил Конан. — К тому же тут у меня полно знакомых... Ты напугал мою приятельницу. И она, вместо того, чтобы провести со мной приятный вечерок, удрала к себе, замотала голову шарфом и наотрез отказывается выйти из-под кровати. Как ты думаешь, почему такое случилось? У тебя есть объяснение?

Вместо ответа господин Форез выдернул из земли факел и посветил в сторону своей лачуги. Конан присвистнул.

— Кого ты здесь зарезал, мясник?

— Если бы я только знал...

Форез выглядел таким беспомощным, что Конан поневоле развеселился.

— Идем, — сказал киммериец, — выпьем у меня в гостинице, а с рассветом вернемся сюда и посмотрим вместе, что ты натворил.

Форез позволил себя увести. Он так устал и перепугался, что напился после первой же кружки и заснул прямо за столом. Конан не потрудился отнести его в комнаты. Сам он отправился к себе и превосходно выспался на тюфяке, брошенном прямо на пол. Тюфяк был набит свежей соломой, в нем не водилось клопов и блох, а в окно, выходящее прямо на восток, солнце заглядывало первым делом, едва только успев подняться над горизонтом. И, пощекотав тонкими золотыми лучами лицо спящего варвара, пробуждало его веселым: «Пора, Конан! Впереди еще один день, полный неожиданностей, приключений, доброй выпивки и веселых подруг!»

Конан проснулся с рассветом, спустился вниз и, обнаружив своего приятеля в той же позе, в какой оставил его накануне, беспощадно разбудил. Облитый холодной водой, Форез фыркал и стонал, он едва не плакал. Конан ухмыльнулся.

— Вот и утро, мой господин, пора отправляться к лачуге и...

В глазах Фореза появился ужас.

— Не бойся, малыш, я с тобой, — сказал Конан. — Разве тебе не интересно, что ты там наворотил? Мне — ужасно интересно. Я просто всю ночь чесался от любопытства.

Он схватил дворянина за руку и потащил за собой, не позволив даже глотнуть воды.

Возле лачуги все оставалось по-прежнему. Дверь стояла нараспашку, темная лужа крови запеклась на пороге. Факел давно прогорел, и тряпка на нем источала отвратительный запах. Комната была сплошь затянута паутиной. Не все нити, как выяснилось, были одинаковы. Часть из них представляла собой сильно удлиненные и деформированные пальцы рук. В самом центре паутины, скрестив ноги и раскрыв залепленные серой липкой массой глаза, сидел старик кхитаец. Он был, несомненно, мертв. Его руки были раскинуты в стороны и поклонились на нитях. Из пальцев исходили густые пучки, которые затем расходились по всей комнате. Такие же охапки нитей вылезали из его головы, из плеч, из коленей. Мертвый кхитаец словно пророс мириадами паутины, став одновременно и жертвой их, и родителем.

— Что это? — пробормотал Форез.

Конан схватил его за плечо и развернул к себе.

— Вот именно! — сказал он резко. — Что это, а? По-моему, настало время нам с тобой, Форез, поговорить серьезно. Рассказывай, где ты встретил старика и что он тебе говорил!

— Клянусь, ничего особенного... — начал было Форез.

Конан встряхнул его, как лисица встряхивает пойманную мышь.

— Не ври!

— Просто нищий.

— Почему ты пустил его жить в свой дом?

— Он попросил...

— А если бы я тебя попросил?

— Мне нужно было, чтобы за лачугой приглядели, — извернулся Форез. — Старикан показался мне безобидным. Вот и все. Да, еще забавно было, что он кхитаец.

— И еще забавно, что он отправил тебя в Кхитай искать этого отвратительного Хань Ду, не так ли? — продолжил киммериец.

— Я хотел заработать торговлей наркотиками... — нашелся Форез.

Это объяснение показалось варвару вполне правдоподобным. Конан еще раз смерил бритунского аристократа подозрительным взглядом и отошел в сторону.

— Может быть, ты и не врешь, — проворчал киммериец. — Но в любом случае, выглядит все это очень некрасиво.

— Мне теперь негде жить, — пожаловался Форез.

— У тебя есть деньги, наймешь комнату, а потом подберешь себе работу по вкусу, — безжалостно сказал варвар. — Можешь, к примеру, устроиться охранником в богатый дом. В такой дом, где водятся хорошеные дочки. Этим ремеслом можно промышлять не хуже, чем любым другим.

— Ты предлагаешь мне заняться работоголовой? — спросил Форез.

— Обычным щантажом, — поправил киммериец. — Мне не нравится, когда женщины крадут и продают на сторону, каким-нибудь грубым типам, которые будут делать с ними, что захотят. Женщина

должна отдаваться мужчине по доброй воле, с охотой, ради удовольствия. Иначе во всем этом нет никакого смысла. Ну а потом всегда можно получить деньги от отца девушки или от ее брата.

— Или дубиной по голове, — сказал Форез, вспомнив свою неудачную историю с дочерью графа Сабрана.

— Это уж как повезет, — согласился Конан и поглядел на Фореза с насмешливым сочувствием: — Поглаю, у тебя нет ни таланта, ни везения. Бедняга!

* * *

«Напрасно он так ко мне относится! — думал Форез, глядя в широкую спину удаляющегося варвара. — Значит, таланта у меня нет? Насчет везения он, может быть, и прав... Хотя — тоже как посмотреть. Встретил же я этого кхитайского нищего...»

При воспоминании о том, во что превратилось «удачное знакомство» со стариком кхитайцем, Фореза передернуло. Тем не менее он упорно продолжал считать это удачей.

«И до Кхитая я добрался, и там с кем надо переговорил, а после вернулся домой. И вот я в Пайргии. Берегись, дядюшка! Еще никому не было позволено презирать Фореза безнаказанно! Если бы боги хотели, чтобы другие люди могли вытираять об меня ноги и не опасаться при том за свою судьбу, то упомянутые боги сотоврили бы меня, скажем, садовником. Или продавцом угля. Или сборщиком навоза

где-нибудь в Вендии. Но я родился с титулом, а это к чему обязывает!»

Он гордо вскинул голову.

«И пусть хитроумный варвар считает меня дураком. Так даже лучше. Пусть все воображают, будто я ни на что не способен. То-то будет удивления!»

Золотая маска, полученная от Хань Ду, тщательно завернутая в шелк и запакованная в прочный пергамент, перевязанная тесьмой, была почти плоской и удобно хранилась под курткой Фореза. Он пришил ее с изнаночной стороны, под мышкой. Время от времени Форез проверял, на месте ли маска: для этого ему было достаточно опустить руку и прижать ее плотнее к туловищу. Он сразу ощущал локтем прикосновение золотого носа, который ухитрялся покалывать даже сквозь обертку и плотную куртку.

Ни Конану, ни Тьянью-по Форез и словом о своем приобретении не обмолвился. Он не слишком доверял компаньонам. И не то чтобы эти двое — особенно киммериец — представлялись Форезу «омерзительно честными» (как он выражался о людях, вроде дядюшки Эмбриако); просто цели у них были немного различны. Неизвестно, как отнесется тот же киммериец к желанию господина Фореза при помощи колдовства убить богатого и неуместно принципиального дядю. Вроде бы, Конан несколько раз высказывался в том смысле, что всем колдунам неплохо бы поотрезать головы и сварить их в котле, а варево вылить в отхожее место.

Тьянъ-по на сей счет ничего не говорил, но кто может наверняка знать мысли кхитайца! Боги нарочно создали их с такими узкими глазами — чтобы другие люди ничего не могли в этих глазах прочитать.

Итак, Форез решил действовать один. Для начала он отыскал подходящего человека.

Подходящий человек обретался там же, в гостинице, и вид имел самый бывалый. Потрепанный и потасканный. Сразу видно, побродил этот воин по большим и малым дорогам, помахал мечом из довольно скверной стали во всех войнах и стычках, что затевались на просторах Хайбореи, попил вина во всех тавернах, не пропуская ни одной. Словом, это был немолодой и сильно пьющий наемник, который пытался отойти от дел.

Звали его Ангадди, и был он из Хоарезма.

Когда господин Форез подсел к нему за столик, Ангадди мутно поглядел на него налитыми кровью глазами, раскрыл рот, чтобы попросить нежелательного соседа «уб-браться отсюда к Негралу и подальше», но Форез, хорошо зная подобную породу людей, чрезвычайно ловко подсунул ему стакан с выпивкой, и Ангадди отвлекся.

— Я желал бы побеседовать с тобой, уважаемый, по очень интересному вопросу, — сказал Форез. — Не возражаешь?

Поскольку Ангадди был занят выпивкой, то времени и возможности возражать у него не оставалось.

— Вот и хорошо, — невозмутимо продолжал Фо-

рез. — Я вижу, ты человек бывалый. Везде побывал, ко всему руку приложил.

— И ж тебе приложу, если не уберешься, — прокрипел Ангадди между глотками.

Форез чуть отстранился и тронул кинжал, висящий на поясе. Вообще-то в таверне принято было снимать оружие, но кинжалы за таковое не считались.

— Сперва выслушай, а после убивай, — назидательно молвил Форез.

Ангадди отставил стакан и уставился на непрощенного собеседника налитыми кровью глазами.

— Где ты такую глупость слышал, а? Я тебе вот что скажу! Если ты сперва будешь лясы точить, а уж потом браться за оружие, то...

— Друг, — проникновенно произнес Форез, — война ведь закончилась. Мы с тобой в Пайрогии, в уютной таверне, пьем вино, за которое плачу, кстати, я, и ведем мирную беседу. Мы ведь на одной стороне.

— Да? — Ангадди был ужасно удивлен. — В первый раз такое слышу!

— Да, да, — Форез несколько раз кивнул, стараясь выглядеть как можно более убедительным. — На одной. Я предлагаю тебе заработать.

— Кого убить? — осведомился Ангадди у своего нового друга.

Форез осторожно накрыл его иссеченную шрамами ладонь своей холеной рукой.

— Подожди, не стоит торопиться. Убивать будем не мы. Хотя, обещаю тебе, кровь прольется!

— Это самое главное, — проворчал Ангадди, усмехаясь.

— Нужно прийти в один дом и сказать, что ты — бывалый солдат, наемник, который по странствовал по свету, — продолжал Форез.

— Это сущая правда! — рявкнул Ангадди. — Нужели ты хочешь заплатить мне за то, что я скажу правду?

— Правда иногда обходится очень дорого... Нет, дальше нужно будет сказать что-то не вполне правдивое. Ты спросишь хозяина дома, господина Эмбриако. Господин сей обожает разные заморские диковины. Об этом его пристрастии знают многие странники и бывальные люди, вроде тебя. Ему со всего света приносят безделушки, а он охотно расплачивается за них чистым золотом.

— А! — крякнул Ангадди. — Но при чем тут я?

— Говорю тебе, ты назовешься странником и принесешь ему красивую безделушку. А Эмбриако заплатит тебе за нее золотом.

Ангадди отставил стакан. Разложил на столе несколько кислых ягод, которыми заедал свою выпивку — уж такая у него была привычка, заедать выпивку кислыми ягодами.

— Это я. Это безделушка. Это золото, которое я получу от господина Эмбриако. А это — господин Эмбриако, который заплатит мне за безделушку. Но что-то я не вижу во всей этой комбинации тебя!

— Это очень простая комбинация, — заверил его Форез.

— Она была бы простой, если бы в ней нашлось место для тебя, — упорствовал Ангадди. — Я чую подвох. Какую выгоду ты видишь для себя? Отвечай! — взревел он.

Господин Форез чуть отодвинулся.

— Я открою тебе сердце, как брату, — сказал он разъяренному наемнику. — Моя выгода в том, чтобы господин Эмбриако получил эту безделушку. Поглаю, она... э-э... не вполне то, чем выглядит.

— Подробнее, — потребовал Ангадди.

Форез наконец взорвался. Он понял: еще одна уступка наемнику, и достопочтенный Ангадди сядет ему на голову и вообразит, будто обладает какой-то властью над ним, нобилем Форезом. Нет уж.

— Я сказал тебе достаточно, — отрезал Форез. — Хочешь — берись за работу, хочешь — откажись. Дело твое. Я всегда могу найти другого бывалого человека, который явится к господину Эмбриако за наградой в несколько десятков золотых.

Последний аргумент сразил наемника.

— Так бы сразу и сказал, — пробурчал он, опуская голову и сразу делаясь чрезвычайно приятным в общении.

* * *

Конан навестил своего друга Тьян-по в резиденции, которую бритунский король отвел почетному гостю из Китая. Резиденция представляла собой крохотный садовый домик, размещенный в самом отдаленном из королевских садов. Киммерийца дол-

го не хотели туда пускать, рассказывали ему о не- прикосновенности королевских садов и прочую чушь, пока наконец не появился привлеченный шумом и громкими криками Тьянъ-По и с улыбкой не попросил стражников впустить этого гостя.

— Ибо он явился ко мне, дабы не прерывать своего обучения, — объявил маленький каллиграф ошеломленным стражникам.

Те проводили взглядами странную парочку: огромного киммерийца и миниатюрного кхитайца. Друзья неторопливо удалились в беседку, где Тьянъ-по проводил большую часть своего времени, рисуя тушью схемы расположения различных фонтанчиков, искрометов, плавающих ваз с цветами и прочих элементов предстоящего праздника.

— У господина Эмбриако, по слухам, есть несколько настоящих золотых масок, — сказал Тьянъ-по. — Завтра я хотел бы посмотреть их все. Золотые маски могут придать церемонии наиболее эффектный вид.

— А для чего они нужны? — полюбопытствовал Конан.

— Их надевают танцовщицы, когда исполняют Танец Золотых Масок, — объяснил Тьянъ-по и удивился: — А для чего еще?

Конан пожал плечами.

— Никогда не знаешь, что скрывается за маской. Не слишком-то мне нравится вся эта затея.

Тьянъ-по внимательно посмотрел на своего друга.

— Ты становишься философом, Конан. Действи-

тельно, та пустота, что скрывается за маской, всегда таит в себе неизведанное. Но ты ведь пришел говорить со мной не о церемониях, не так ли?

— Да. — Варвар кивнул и огляделся. — Разве ты не предложишь мне рисовой водки или этого твоего чая? Я надеялся, что ты пожелаешь угостить меня и побеседовать о чем-нибудь, вроде бабочек над лотосами.

Тьянъ-по шевельнул бровями.

— В такое время суток я не пью водку и тебе тоже не советую. Что до чая, то в Пайрогии он просто ужасен. Пока он добирается из Кхитая до Бритунии, он успевает покрыться плесенью и потерять все свои чудесные ароматы. Так что я довольствуюсь водой.

— Лучше пей здешнее пиво, — посоветовал Конан. — Таков главный закон любого путешественника. Всегда пей то, что и местные жители.

С этими словами киммериец извлек из-под куртки гигантский кувшин с пивом. Как там умещался сей сосуд, осталось загадкой.

— Таково уж мое дао, — сообщил Конан пораженному кхитайцу. — Давай сюда чайные чашки. Будем разговаривать.

Испив первую чашу, маленький кхитаец разрумянился и проговорил:

— Чувствуя действие твоего напитка. Слушай же. Я поведаю тебе об апельсиновых деревьях...

Он устроился поудобнее, обложившись со всех сторон микроскопическими шелковыми подушечка-

ми, которых в беседке имелось превеликое множество, и заговорил нараспев:

— Жили на свете три брата-колдуна...

— В Кхитае? — уточнил Конан.

Тьянъ-по глянул на своего собеседника неодобрительно:

— Разумеется, в Кхитае. Не перебивай. Лучше внимай моей истории и оцени, насколько она изящна. Итак, эти трое братьев занимались своими магическими делами...

— Поджарить бы всех троих! — опять не удержался Конан.

Тьянъ-по даже подскочил на подушках:

— Будешь ты слушать или нет?

— Я буду внимать, учитель, — с притворным смиренiem произнес Коцан.

— Старший из братьев занялся работорговлей. Он покупал у бедняков их дочерей и превращал их в девиц для сладких утех. У этого старшего был особенный дар: взглянув на трехлетнюю девочку, он сразу мог сказать, вырастет ли она красивой. И он никогда не ошибался. Скоро о его чудесном умении знали уже все работорговцы округи, и к нему приводили маленький живой товар — для оценки. Таким образом, он богател и богател.

Второй из братьев любил странствия. Его интересовали чужие страны. Он обошел весь Кхитай, побывал и в Вендии и даже добирался, по слухам, до Турана. Он был также очень любопытен, поэтому подслушивал чужие разговоры. А для того, чтобы

его не обнаружили и говорили в его присутствии вполне свободно, он превращался в паука. В маленького такого, с виду вполне безобидного паучка, на которого никто и внимания не обращал. Забивался в уголок — и слушал, слушал.

Иногда ему делались известны какие-нибудь тайны, но чаще всего — незначительные обстоятельства чьей-либо жизни. Для него не существовало различий между важным и неважным. Он просто любил быть в курсе. И потом, вернув себе человеческий облик, он удивлял собеседника редкой проницательностью. Откуда было знать людям, что в обличье паука их теперешний сотрапезник вызнал всю их подноготную и теперь, можно сказать, держит их в кулаке!

Ему иногда удавалось таким образом провернуть забавные делишки. Точнее — делишки, которые сам он находил забавными. Потому что все остальные участники истории так вовсе не считали. Кто-то разорялся, кто-то заканчивал счеты с земной жизнью. Разваливались семьи, уходили из дома оскорбленные сыновья, убегали с первым попавшимся проходимцем дочери...

Колдуна все это чрезвычайно забавляло. Он называл это — «плести паутину».

Третий же брат был самым могущественным из всех. Он умел отделять свой дух от своего тела и воплощаться в разные материальные предметы. Например, в чаши, покрывала, драгоценности. Однажды, по слухам, он оставил свое тело и вошел в виде духа в роскошное ожерелье, которое кхитайский им-

ператор подарил своей новой наложнице. И что же? Ожерелье удавило бедную девушку в тот же вечер, а казнен был за это злодеяние ни в чем не повинный евнух!

И вот однажды случилось троим братьям-колдунам бродить вместе в поисках приключений. Они оказались в небольшом городке в самом центре Китая. Городок этот называется У-Хань, вряд ли ты там побывал, Конан. Он очень маленький. Впрочем, имеется там правитель, которого местные жители — из почтительности к его сану — именуют «государем».

Давным-давно, когда еще царили Лемурия и Атлантида, У-Хань вовсе не был маленьким городком. Это была столица могущественного царства. С тех пор многое изменилось, царство рассыпалось в прах, исчезли с лица земли даже гробницы его великих царей. Что же осталось? Осталась память.

В чем осталась память? Память осталась в слове. В имени.

Поэтому правителей маленькой У-Хани называют государями, а их дочерей — принцессами...

Трое братьев-колдунов остановились возле глухой ограды, за которой начинался сад правителя.

«Кто в этом саду, братья?» — спросил старший из братьев.

Средний тотчас превратился в паучка и вскарабкался на вершину ограды.

«Я вижу трех прекраснейших девушек! — воскликнул он. — Погодите, я должен послушать их разговоры!»

И он быстро побежал вниз, чтобы очутиться в саду, поближе к девушкам. Младший из братьев щелкнул пальцами, и ограда сделалась прозрачной.

Взорам братьев предстали три принцессы, одетые в желтый шелк. Они были тройняшками, рожденными в один час от одной матери. Их длинные волосы были забраны в высокую прическу, и только одна тонкая прядь ниспадала на шею. Эта шея... Вершина изящества! С тонкой ямочкой на затылке, с родинкой.

Да-да, у всех трех имелись родинки на одном и том же месте, возле ямочки...

Тьянъ-по облизнулся.

— Даже такой философ, погруженный в созерцание дао, как я, не может удержаться от вздоха при мысли об этих девушках-принцессах, Конан! Что уж говорить о колдунах, погрязших в самых ужасных человеческих пороках! Они тотчас захотели завладеть этой красотой. Брат-работорговец сразу же мысленно произвел оценку юных принцесс как если бы уже продавал их на рабском рынке. Вышла огромная сумма. И мысль о невероятно высокой стоимости красавиц только добавила ему вожделения.

Девушки непрерывно щебетали, разговаривая между собой о тысяче изящнейших мелочей, перебирая в словах то ленты, то украшения, то золотое шитье, то серебряные нити, то лепестки цветов, то крохотные чашечки для драгоценных сортов чая... В общем, брат-паук буквально утонул во всех этих прелестных подробностях.

Третий же брат думал о великой власти, которую дает обладание подобной красотой.

Собравшись вместе, братья стали спорить: каким способом захватить принцессу. Сперва они мирно разговаривали, но вскоре алчность и похоть взяли верх, и они принялись ссориться. Они кричали друг на друга, топали ногами, даже дрались, а затем принялись колдовать.

Они накладывали и снимали чары, бросались друг в друга заклятьями... Чтобы быть кратким, скажу сразу о том, чем все закончилось: все три принцессы были превращены в апельсиновое дерево.

— Одно? — спросил Конан.

— Вот именно, — кивнул кхитаец. — Ведь они родились в один час от единой матери. Когда один из братьев колдовал, другой толкнул его, и заклятье улетело в сад, а там девушки — на свою беду! — как раз стояли обнажившись...

— И что же стало с этим апельсиновым деревом? — спросил Конан.

— Если быть честным... — Тьянъ-по отвел глаза.

— Да уж, — настойчиво произнес Конан, — ты уж будь со мной честным, Тьянъ-по. Я ведь твой друг, в чем ты не раз имел случай убедиться.

— Надеюсь, — пробормотал Тьянъ-по. — Потому что это дерево... Словом... Ладно, расскажу тебе о том, что случилось дальше. Правитель У-Ханя повсюду разыскивал своих дочерей. Он дошел даже до императора и пал ему в ноги. Император обещал

помочь. В качестве дара правитель привез императору самое лучшее из всего, что имел.

Лучшим у правителя был сад. А в саду самым прекрасным было апельсиновое дерево. Его-то и преподнес безутешный отец императору в обмен на обещание помощи.

Император, естественно, ничего о происхождении дерева не знал. И когда он пожелал установить добрые отношения с королем Бритунии, то преподнес дерево ему; а король Бритунии торжественно вручил злополучное дерево господину Эмбриако, поскольку только тот располагает достаточно просторными оранжереями и достаточно умелыми садовниками, чтобы сохранить сей кхитайский дар для Британии.

— Стало быть, дерево находится в саду у господина Эмбриако? — уточнил Конан.

— Ты, мой друг, всегда улавливаешь суть, — проговорил Тьянъ-по со вздохом. — Одна из моих задач — разыскать это деревце и расколдовать его. Предполагается, что я сделаю это во время проведения церемонии. Теперь ты знаешь все, Конан.

— А что же братья-колдуны? — спросил Конан. — Неужели они так и оставили всякую попытку захватить девушек? Или в виде дерева эти красавицы стали им не нужны?

— Вовсе нет, — сказал Тьянъ-по. — Ты опять зришь самую сердцевину истории, Конан. Воистину, занятия каллиграфией идут тебе на пользу... Дай мне еще хлебнуть из твоего кувшина. Пить то же,

что употребляют и местные жители, — превосходный совет, киммериец...

— Оставим на время каллиграфию, — нетерпеливо сказал Конан, отбирая у Тьянъ-по кувшин. Он боялся, как бы маленький кхитаец не набрался прежде, чем завершит историю. А история начала казаться Конану все более и более любопытной.

— Братья. Да, братья-колдуны, — задумчиво заговорил Тьянъ-по немного заплетающимся языком. — Одно дело — украсть девушек, и совсем другое — утащить целое дерево. Проблема стала казаться им неразрешимой. Кроме того, они рассорились окончательно и разошлись в разные стороны.

Один, по слухам, отправился в очередное странствие...

— Погоди, — перебил Конан, — ты говоришь, пак. Не тот ли это странный кхитаец, что забрался в дом господина Фореза?

— Не исключено... — Глазки Тьянъ-по блеснули. — А ведь ты прав! В таком случае, второй брат — содержатель очень плохого борделя...

— Кто же третий? — Конан приподнялся и беспокойно огляделся по сторонам, как будто предполагал заметить третьего колдуна прямо перед собой, в саду.

— Этого мы не знаем... Итак, Конан, наша задача — отыскать дерево в саду у господина Эмбриако и снять заклятие с трёх заколдованных принцесс...

— Ужас, — вздохнул киммериец. — Опять полные руки работы. Как я этого не люблю! Тебе налить, дружище?

Закат застал могучего варвара и ученого кхитайца хором распевающими одну из тех песен, что не всякий наемник решится горланить, столько содержалось в ней скабрезностей и непристойных намеков.

* * *

Сад господина Эмбриако представлял собой воистину выдающуюся достопримечательность Пайрории. Многие любители необычного нарочно стремились свести знакомство с этим дворянином и получить от него приглашение, поскольку это давало им бесценную возможность ознакомиться хотя бы с частью коллекции диковин.

Одним из таких счастливчиков оказался господин Джунийе, купец из Хаурана. Этот коротконогий толстенький человечек с ухоженной, смазанной маслом черной бородой, обрамляющей круглое лицо, был представлен господину Эмбриако во время аукциона, на котором продавали изысканные вина.

Там были вина, заложенные во времена великих побед и плачевых поражений, вина, для которых давили виноград ножки выдающихся красавиц (бутылки были снабжены их портретами кисти известных мастеров), вина, в которые добавляли каплю крови казненного преступника (книжка с перечнем его злодеяний прилагалась к покупке) — и так далее. Все эти удивительные напитки были заключены в соответствующие сосуды, всегда прекрасной формы, поражающей воображение: в бутыли в виде

женского тела с отрубленной головой и отсеченными руками, в виде дракона, кусающего себя за хвост, в виде рыбы, обвитой водорослями, в виде капли, в виде цветочного бутона...

Словом, глаза у знатоков изящного так и разбегались. Самыми упорными покупателями оказались Эмбриако и Джунийе. Они по очереди вскакивали и называли все более и более высокие суммы, после чего бросали на соперника взгляды, полные безумной гордости или сумасшедшей ненависти. Страсти вскипали. Большинство из тех, кто пришел на аукцион, больше не дерзали предлагать цену, а вместо этого молча сидели на своих местах и созерцали битву титанов.

Наконец победа была поделена между противниками: часть вин досталась Джунийе, а две наиболее редкие бутыли перешли в собственность Эмбриако. После того, как торг был завершен, оба знатока тотчас перестали воспринимать друг друга как заклятых врагов и заключили вечный мир. В знак этого замечательного события Эмбриако пригласил господина Джунийе к себе в дом.

Сделавшись, таким образом, наилучшими друзьями, они приятно провели вечер, а на следующий день Джунийе вообще перебрался в дом к Эмбриако, чтобы они могли не разлучаться и вести непрерывные беседы за рассматриванием рисованных каталогов и живых экспонатов.

Иногда Эмбриако уходил по делам, и тогда господин Джунийе подолгу гулял в его волшебном са-

ду. Особенно привлекали купца деревья, среди которых имелось немало плодовых.

«Замечательно! — размышлял он, созерцая лиственные и хвойные кроны и украдкой поглаживая стволы — голые, покрытые чешуйками или мхом, похожим на шерсть. — Они и выглядят удивительно, и в то же время приносят пользу. Практический народ эти бритунцы. Надо будет и мне разжиться семенами. Надеюсь, Эмбриако продаст мне пару плодов по сходной цене».

Особенно привлекало его апельсиновое деревце, недавно привезенное из Кхитая. К этому деревцу Эмбриако питал, по его собственному признанию, особенную нежность. Оно представляло собой как бы три сплетенных ствола. Очень молодое, оно совсем недавно начало плодоносить. Уже появилась завязь. Нынешним летом можно ожидать плодов.

Деревце росло в кадке, зарытой в землю, так что казалось, будто оно произросло из бритунской почвы. Что, разумеется, противоречило законам реальности, поскольку в Бритунии апельсины в естественном виде встречаются.

Две изящных беседки обрамляли тонкий ствол, а крона как бы сливалась с кровлями этих хрупких строений. В одной из беседок имелись скамьи и столик для желающих посидеть и выпить, не прерывая созерцания. В другой стояли стеклянные шкафы, сплошь уставленные различными чудесными вещицами.

К этим-то шкафам и направился господин Джунийе. Никто не посмеет заподозрить в достопочтен-

ном купце обычного вора! Нет, он, разумеется, не собирался ничего красть. Этого не позволяли законы чести и гостеприимства. Однако посмотреть некоторые предметы поближе — в этом господин Джунийе отказать себе не мог.

Поэтому он осторожно вошел в беседку и открыл первую из стеклянных дверок.

Тонкое опахало из перьев неведомой птицы, расписанное яйцо, из которого через крохотную дырочку было удалено содержимое, так что осталась одна скорлупа, чучело странной ящерицы с шестью парами лап, больше похожих на присоски, — все это было удивительно, и Джунийе долго цокал языком и покачивал головой, рассматривая их и украдкой поглаживая толстым пальцем.

Затем его внимание привлек предмет поразительной красоты. Джунийе даже не понял, как это вышло, что он не заметил эту вещь сразу. В самом углу стеклянной полки стояла китайская золотая маска.

Она стояла на тонкой грани, не прикасаясь ни к стенкам шкафчика, ни к дверце. Поначалу Джунийе подумал, что эту маску поддерживают в таком положении тонкие нити, но нет, она попросту висела в воздухе.

— Но такого не может быть! — прошептал Джунийе. — Разве что она... волшебная.

От своего нового друга он никогда прежде не слыхал, чтобы тот имел пристрастие к чародейским вещицам. Господин Эмбриако всегда выс-

казывался в том смысле, что наилучшим волшебством он считает искусность человеческих рук. «Истинная магия — в ремесле, в фантазии художника, в его умении чувствовать материал и работать с ним», — разглагольствовал Эмбриако не далее как вчера.

Неужели этот господин все-таки хранит у себя в коллекции чародейские амулеты? Джунийе задумчиво огладил масляную бороду. Но маска уже полностью завладела его мыслями. Он не мог оторвать от нее глаз.

— Что скрывается за этой маской? — шептал купец из Хаурана. — Почему она так притягательна для слабого человеческого сердца?

Он осторожно коснулся металла. Золото оказалось теплым на ощупь и очень гладким, как шелковистая кожа любимой наложницы Джунийе. Он защмурился, представляя себе эту юную красавицу, готовую принять его в свои объятия.

— Боги! Что за дивная вещь! — пролепетал Джунийе.

Он даже не понял, каким образом маска оказалась у него в руках. Она, точно податливая женщина, прильнула к его ладоням, и вот уже купец рассматривает ее, близко поднеся к глазам.

Слепые глаза маски, красивого разреза, чуть раскосо посаженные, засматривали в самые глубины души Джунийе. Он застонал сквозь зубы. Из уголка его рта вытекла тонкая струйка слюны и сгнула в душистых курчавых зарослях умашенной бороды.

— Что там, за маской? — снова шепнул он. А затем, держа маску обеими руками, медленно поднес к своему лицу и приложил.

* * *

— Где господин Джунийе? — снова и снова спрашивал Эмбриако у слуг, однако те ничего не могли ему рассказать.

Вроде бы, Джунийе видели, когда он гулял по саду. Да, точно. Гулял по саду. Это подтвердила и служанка, которая занималась уборкой и на короткое время подошла к окну. Господин Эмбриако не стал выяснять, как долго сидела на подоконнике нерадивая служанка. Он выслушал ее рассказ и хмырился.

Садовник тоже не мог поведать ничего толкового. Господин Джунийе изумлялся апельсиновому дереву, привезенному из Кхитая. Этому господину настолько понравилось деревце, что он спрашивал, нельзя ли будет потом попросить у хозяина несколько семечек. Он, Джунийе, неплохо заплатил бы за них. Его очень интересовала возможность вырастить подобное деревце у себя, в Хауране. Садовник на это отвечал, что следует спросить у господина.

— Он пошел в беседку, хотел полюбоваться дикорастущими деревьями, — добавил слуга. — Я не думаю, чтобы такой важный господин что-нибудь спрятал.

Это он добавил, сам от себя не ожидая подобной дерзости, и втянул голову в плечи. Но ожидаемой оплеухи не последовало. Господин Эмбриако был

слишком обеспокоен происшествием. Он даже сказал:

— Да, я тоже подумывал о такой возможности... Многие знатные господа не могут устоять перед соблазном и делают попытки украсть у меня тот или иной поразительный предмет. Но вынести вещь из сада им не удается. Здесь ведь наложены чары, если ты не знал...

Чары были слабенькие. Ими пользовались некоторые богачи, которые слишком дорожили своими магическими предметами. Стоили эти заклинания очень дорого, поэтому прибегали к ним редко. Только в тех случаях, когда тот или иной предмет был дороже хозяину, чем деньги.

При попытке унести заколдованную вещь из сада поднимался страшный шум, на который сбегались слуги. Предмет изымали у провинившегося, мягко журили его и... как ни в чем не бывало принимали в гостях снова. Господин Эмбриако признавал за человеческой природой право на слабость и охотно прощал ее.

«Друг мой, — говорил он, как правило, багровому от смущения неудачнику-вору из высшего света, — что поделаешь! Была бы моя воля, я и сам украду бы у вас или у господина такого-то пару вещичек... Забудем же об этом досадном происшествии. Прошу вас, будьте моим гостем, как всегда!»

Но факт оставался фактом: господин Джунийе пропал из сада господина Эмбриако. Пропал бесследно.

А все вещи из коллекции оставались на местах.

Некоторое время Эмбриако ломал себе голову над этим непонятным происшествием, но затем его отвлекли новые заботы: слуги доложили о прибытии кхитайского мастера церемоний Тянь-по.

Маленький кхитаец вырядился очень торжественно, в белый шелковый халат, расписанный цветами и птицами. Господин Эмбриако встретил его по возможности вежливо, усадил за столик в беседке, откуда открывался вид на деревце и вторую беседку, где хранилась золотая маска. Принесли чай. Тянь-по, человек вежливый, пил бритунский чай не морщась и даже несколько раз похвалил напиток. Эмбриако был на седьмом небе. Он считал себя истинным знатоком восточных обычаяев.

— Я должен осмотреть сад вашей светлости, — пояснил Тянь-по. — Мне нужно точно представлять себе, где и как будет проходить наша церемония. Прошу вас, покажите мне ваши достопримечательности. Какие вещи должен увидеть король?

— В каком смысле? — уточнил Эмбриако.

Тянь-по улыбнулся.

— Я плохо выразил свою мысль! Прошу тысячу раз извинить меня.

— И одного раза будет довольно, но поясните, пожалуйста, что вы имели в виду.

— У вас есть наиболее драгоценные предметы, которые составляют гордость — вашу и Бритунии, не так ли? — проговорил Тянь-по. — Во время визита короля Аквилонии эти предметы должны изящ-

но и неназойливо попадаться ему на глаза. Не так ли? Я должен знать, какие экспонаты вашей коллекции избраны для этого. Мы расставим их по пути следования процессии, так что королей будет сопровождать непрерывное удивление.

— Вот оно что! — протянул Эмбриако. — Надо же! Я прочитал много книг, посвященных далеким странам, не говоря уж о том, что провел немало поворотов клепсидры в разговорах с путешественниками, и ни один из них не обмолвился и словом...

— Ничего удивительного, — перебил Тянь-по, вежливо улыбаясь. — Ведь все путешественники — известные лгуньи. Большинство из них не бывает дальше портowego борделя и местного рынка, где и залипают все те диковины, которые потом привозят в страны заката и продают знатокам за большие деньги. Процессия, которую я хочу организовать, имеет очень древнее происхождение. Такие шествия раньше возглавляли владыки древнего, давно погибшего царства У-Хань. Они называются Шествиями Непрестанного Удивления.

— Что ж, — сказал Эмбриако, — в таком случае, я должен показать вам мою коллекцию. Полностью доверяюсь вашему вкусу. Боюсь, я — из тех невежественных бритунцев, которые покупают все подряд и могут счесть за драгоценность какую-нибудь глупую, банальную вещь. Вроде золотой маски.

Он произнес это, руководствуясь тщеславием, поскольку намеревался не словами, но поступками доказать кхитайцу, что тот ошибается, считая людей

из закатных стран полными невеждами в экзотическом искусстве.

Тьянъ-по насторожился, но постарался скрыть свои чувства.

— У вас есть золотые маски? — спросил он.

— Разумеется! Разве наш праздник не будет называться Праздником Золотых Масок? — напомнил Эмбриако. — Неужели бритунский король затеял бы подобное торжество, не имея золотых масок?

— И они у вас настоящие? — продолжал настaignивать Тьянъ-по.

— Не знаю, не знаю, — Эмбриако пожал плечами с притворным смирением. — Я покупал их у людей, побывавших и в Кхитае, и в Вендии. Маски — самые различные. Моя последняя покупка, например, довольно забавна. Принес один забулдыга, наемник или что-то в этом роде. Потребовал два десятка золотых монет, но в конце концов мои охранники его избили, и мы сошлись на семи.

— О! — вежливо округлил рот Тьянъ-по. — И я могу увидеть эту маску тоже?

— Все, что захотите! — Эмбриако сделал широкий жест.

Тьянъ-по поднялся на ноги и проследовал за хозяином в беседку, где на него уставилась золотая маска. Она стояла в шкафу точно так же, как и вчера, то есть на самом ребре, не прикасаясь к стенкам.

— Изумительно! — восхликал кхитаец, приближая лицо к маске. — Я должен рассмотреть ее поближе.

Он наклонился над стеклом и начал водить над маской глазами, избегая, однако, прикасаться к ней. Неожиданно в прорезях маски мелькнули чьи-то глаза. Тьянъ-по замер. Он подумал было, что ему почудилось, но нет — кто-то потаенно взирал на него с той стороны маски.

«Кто там, за маской? — подумал Тьянъ-по. — Действительно! Вот загадка, разрешить которую под силу только мудрому в союзе с сильным».

Странное ощущение длилось всего лишь миг, а затем прошло. Но Тьянъ-по был уверен: маска заколдована, и за нею прячется некто. Некто очень недобрый, любопытный и алчный.

— Скажите, господин Эмбриако, — обратился Тьянъ-по к хозяину дома, — вы держите у себя в коллекции магические предметы?

— Нет, — отрезал хозяин. — Это исключено. Все вещи, которые собраны у меня, имеют только естественное происхождение. В этом смысл коллекции. Торжество мастерства человеческих рук.

— Понятно, — пробормотал Тьянъ-по, — Что ж, продолжим наш осмотр...

* * *

— Говорю тебе, неладно что-то у него с этой маской! — шептал Тьянъ-по Конану, когда друзья встретились в таверне.

Они сидели внизу, склонившись над кувшином вина, и разговаривали — то о деле, то о разных пустяках. Фореза нигде не было видно — пропадал в го-

роде, искал, где заработать или украсть. Конан не сомневался в том, что обнищавший нобиль закончит свои дни наемным убийцей. Самая подходящая работа для такого бездельника и негодяя, утверждал киммериец. Впрочем, Тьянъ-По был другого мнения. «Даже безнадежный человек может исправиться и в следующем воплощении оказаться превосходной лошадью или честной жабой, — заверял кхитаец своего друга. — Все зависит от правильного взгляда на вещи».

Конан даже спорить не пытался. Он знал, что в некоторых случаях Тьянъ-по лучше не возражать.

О своем походе в сад Эмбриако Тьянъ-по рассказывал киммерийцу с множеством утомительных подробностей. Поведал и о том, что видел то самое деревце. Для того, чтобы составить заклинание снятия заклинания кхитайцу требовалось время.

— Я ведь не колдун, ты понимаешь, — говорил он Конану. — Я разбираюсь в каллиграфии. Каллиграфия учит человека сопрягать смыслы.

— Что делать? — не понял Конан.

— Объясняю... Положим есть некая вещь. Кусок мяса. — Тьянъ-по взял из своей плошки кусок мяса на кости и потряс им в воздухе, после чего опустил обратно в плошку. — Есть слово, обозначающее эту вещь. И есть рисунок, обозначающий это слово. Связь между рисунком и вещью — таинственна и сродни заклинанию...

— Ясно, — проворчал Конан, которому ничего не было ясно. Он вытащил мясо из плошки своего дру-

га и принялся грызть. — Все равно ты не ешь мяса, — пояснил киммериец. — Зачем пропадать вкусной еде! Ты можешь довольствоваться парочкой иероглифов.

— Ты быстро учишься, киммериец, — сказал Тьянъ-по, улыбаясь. — Схватываешь все на лету.

— Таково мое дао, — сказал Конан, с хрустом разгрызая кость. — Вернемся к золотой маске.

— Из-за маски кто-то смотрел на меня. Кто-то очень злобный. И бесплотный. Но он желает воплотиться, я уверен, — сказал кхитаец.

— Любая бесплотная сволочь хочет воплотиться, — сказал Конан, гора красивой молодой плоти. Он вытянул под столом ноги, съело рыгнул и погладил себя по животу. — Лично я ни за что не хотел бы стать бесплотным духом и сидеть, спрятавшись за маской...

— Точно! — прошептал Тьянъ-по.

— Что? — удивился Конан. — Ты о чем?

— О бесплотном духе... Если апельсиновое дерево находится в саду Эмбриако, — а оно там, и я его видел! — то и колдуны-братья должны находиться не подалеку. Одного ты видел, он превратился в паука и умер. А другой, развоплощенный дух... Тот, младший, самый сильный из колдунов...

— Думаешь, это он прячется за маской? — Конан сразу подобрался. Блаженная расслабленность покинула варвара, он был готов действовать в любое мгновение.

— А кто же еще? — шепнул Тьянъ-по. Он огля-

делся по сторонам и опасливо вжал голову в плечи, как будто боялся, что дух окажется где-нибудь поблизости.

— Ну, мало ли на свете бродячих духов...

— Давай предполагать, что это он.

— Давай, — согласился Конан, опять расслабляясь и принимаясь ковырять в зубах огромным ножом.

— Положим, дух живет в маске...

— Положим.

— И сторожит апельсиновое деревце, в ожидании, когда он сможет воплотиться и расколдовать принцесс.

— Положим.

— Ведь если ему это удастся, то он завладеет сразу тремя сестрами...

— Ну.

— Слушая тебя, Конан, можно подумать, что тебе неинтересно! — рассердился наконец кхитаец.

Конан, который только этого и добивался своими нарочито лаконичными и равнодушными ответами, хмыкнул.

— Да ладно тебе злиться, Тьянъ-по. Конечно, мне интересно. Сразу три принцессы! С ума сойти.

— Продолжаю, — успокоился кхитаец. У него был легкий характер, и это как ничто другое помогало ему уживаться с киммерийцем. — Развоплощенный дух прячется в маске.

— Ты это уже говорил.

— Сторожит дерево.

— И это ты уже...

— Если ты будешь меня отвлекать, я скажу это и в третий раз! А теперь — задача для истинного ученика каллиграфа. Что нужно духу для того, чтобы воплотиться?

Конан напрягся, выпутил глаза, надул на шее жилы, побагровел и выговорил натужным голосом:

— Чтобы... воплотиться... духу требуется... живая человеческая кровь, господин учитель!

— Молодец! — улыбнулся Тьянъ-по.

Шумно выдохнув, Конан улыбнулся в ответ.

— Я понял, к чему ты клонишь, Тьянъ-по. Сегодня же попробую узнать, не пропадал ли кто-нибудь в Пайрогии. Бесследно. И, желательно, в саду Золотых Масок.

* * *

Еще один человек в Пайрогии хотел бы это знать. Звали этого человека — Форез. И интересовало его то же, что и Конана с другом: не было ли таинственных исчезновений в доме господина Эмбриако? Точнее: не пропал ли загадочным образом сам господин Эмбриако?

Поэтому как только стемнело, Форез пробрался к саду и очутился возле старого лаза, через который он вылезал на волю еще в давние времена, когда был подростком. Проникнуть в сад для него не составило никакого труда. Он пробежал по знакомым дорожкам, миновал несколько беседок и пышно разросшихся кустов, подстриженных в форме шаров, конусов и кубов, и остановился возле входа на кух-

ню. Неожиданно Форез ощутил печаль. Он понял, как соскучился по этому дому, по обширному саду, по всем этим таинственным тенистым закоулкам, даже по дядиной коллекции, которой здесь было подчинено все, включая распорядок дня.

— Не раскисать! — приказал он себе. — Еще не хватало, чтобы я тут распустил сопли! Я пришел убить. Я — наемник. Я — убийца. Я проделал долгий путь... И теперь я желаю завладеть моим наследством.

Он обошел дом кругом. В комнатах господина Эмбриака горел свет. Затем в окне мелькнул силуэт самого хозяина. Форез прикусил губу, чтобы не вскрикнуть от разочарования: итак, дядя жив-здоров!

Он скользнул в кусты и спрятался в глубокой тени. По дорожке сада, смеясь, прошла горничная. Сын садовника, негодный мальчишка, обнимал ее за талию, а она заливисто хохотала. При виде забав лакейской любви Форез почувствовал приступ дурноты. Его всегда раздражали слуги. Вечно крутятся под ногами, мешают, во все лезут, все запрещают и шпионят для дяди. Обо всем ему докладывают.

А сами... И как все это вульгарно, как неизысканно! Вот дочка графа Сабрана... Но о ней лучше не думать. Вычурная, холодная, глупая. И все же — сколько аристократизма! С каким достоинством она разделась, легла и закрыла глаза, предоставив Форезу свое прохладное белое тело!

Да. Лучше не вспоминать.

Дело превыше всего.

Форез дождался, чтобы шаги горничной и ее ухажера стихли, и прокрался в беседку, где хранилась золотая маска. Маска была на месте.

Несколько мгновений Форез разглядывал ее, и разочарование захлестывало его. Затем он резко распахнул дверцы шкафчика и схватил маску. Глядя в ее пустые глаза, он закричал:

— Кто ты? Почему ты ничего не делаешь?

Естественно, он не ожидал ответа. Но спустя миг в его голове прозвучал хриплый голос:

— Ты ошибаешься, смертный.

Форез едва не выронил маску.

— О чём ты говоришь? Кто ты?

— Я должен воплотиться...

— Мне все равно, что ты там должен! — рассердился Форез. На самом деле он не верил в то, что разговаривает с маской, и полагал, что происходящее — лишь плод его большого воображения.

— Я должен воплотиться, — повторил голос.

Затем Форез почувствовал, как чьи-то глаза смотрят на него с той стороны маски. Он перевернул ее. Пусто. Естественно, пусто. Что там может быть!

Но взгляд не исчезал. Голос молчал, однако чужое присутствие становилось все более ощутимым.

Неожиданно голос прошептал, мягко и вкрадчиво:

— Неужели ты не хочешь увидеть мир моими глазами? Надень маску! Взгляни на этот сад сквозь прорези... Стань МНОЮ!

Форез напряг мышцы, отчаянно отодвигая от лица золотую маску. Силы оказались слишком нерав-

ны. Локти Фореза сгибались сами собой, словно они вдруг размягчились и отказывались подчиняться. Он стиснул зубы, так что они заскрипели и начали крошиться. Маска неуклонно приближалась. С громким стоном Форез сдался, и маска упала на его лицо. Она приросла к коже.

И... ничего не произошло. Сперва Форез ощущал легкое покалывание, оно было даже приятным — вроде освежающего дуновения морского ветерка. Затем пришло состояние полного покоя. Форез глянул на свои руки и не увидел их.

— Где я? — спросил он мысленно.

Голос в его голове засмеялся.

— Ты теперь — это я. И еще один человек — тоже я. Понял? Скоро я сумею поглотить достаточно людей, чтобы воплотиться, и тогда...

— Идиот! — закричал Форез. — Ты развоплотил меня? Я теперь дух?

— Дух? Ты? — невидимого собеседника, казалось, страшно забавляло отчаяние молодого нобиля. — Великие боги, какой дух может быть у такого ничтожества, как ты! Нет, конечно. Ты теперь — никто. А вот я скоро обрету плоть, и тогда...

— Это я привез тебя в Британию. Ты должен был уничтожить совершенно другого человека, — заклинал Форез. — Прошу тебя, отпусти меня. Я покажу тебе свою истинную жертву. Ту самую, которая была предназначена для тебя изначально. Ты не должен был... ЗАБИРАТЬ меня!

Форез все еще надеялся найти с духом маски об-

щий язык и потому подобрал достаточно обтекаемое слово, но у духа имелось на сей счет совершенно иное мнение.

— Ты так до сих пор ничего и не понял, червяк? — прогремел голос. — МНЕ ВСЕ РАВНО, КОГО ПОЖИРАТЬ! Все вы для меня — просто корм! Ты, тот человек, или этот алчный купчишка из Хаурана, кто-нибудь еще...

— Отпусти меня... — жалобно повторил Форез.

Голос замолчал. Дух, заключенный в маске, явно не желал продолжения разговора.

* * *

Исчезновение Фореза не слишком обеспокоило Конана. А вот судьбой Джунийе, слуги которого несколько раз спрашивали о своем господине у слуг господина Эмбриако, решил заняться всерьез.

— Говорю тебе, дурья башка, — твердил привратник господина Эмбриако прислужнику господина Джунийе, — они с моим господином уже несколько дней только тем и заняты, что бродят по саду, кушают-выпивают, и говорят, говорят...

— Ты его видел? — напирал прислужник. Это был рослый тощий мужчина с растрепанной черной бородой, с нечистой тряпкой на голове, больше похожий на разбойника, чем на лакея. Джунийе ценил его за звериную преданность.

— Видел! — сказал привратник. — Вчера. Кажется.

— Господин всегда заходит домой после полудня, чтобы переменить одежду, — сокрушался прислуж-

ник. — Уверяю тебя, с ним что-то случилось. Он не мог изменить своей привычке.

Конан, слушавший этот разговор, подошел поближе. Оба слуги тотчас замолчали и уставились на верзилу варвара.

— Что тебе? — спросил привратник. — Шел бы ты своей дорогой!

— Ну вот еще! — возразил Конан. — Эта улица, на которой я стою, не принадлежит твоему господину, так что не распоряжайся там, где не смеешь.

— Что значит — «не смеешь»? — возмутился привратник. — Какой-то варвар будет мне указывать, что я смею, а чего не смею!

Конан решил не обращать на него внимания и заговорил с прислужником господина Джунийе:

— Говоришь, не вернулся вчера домой?

— Кто? — Прислужник выпучил черные глаза.

— Ну, этот твой хозяин, — пояснил Конан.

— Не твое дело... — Он пристальное посмотрел на Конана и внезапно переменил свое мнение о верзиле киммерийце. — Да. Господин Джунийе, купец из Хаурана, великий знаток редкостей и ценностей, щедрый и милостивый...

— Понятно, — Конан безжалостно оборвал поток красноречия. — Он ушел сюда и не вернулся?

— Именно.

— А сам господин Эмбриако — он дома?

— Во всяком случае, господин Эмбриако не покидал своих владений, — заявил привратник с горделивым видом.

— Пожалуй, я с ним побеседую, — объявил Конан.

— Стой! — всполошился привратник. — Ты никуда не пойдешь.

— В каком смысле? — варвар прищурился. Его синие глаза полыхнули веселым огнем. — Почему это я никуда не пойду?

— Потому что я запрещаю...

Привратник не закончил фразы. Конан взял его за локти и аккуратно переставил на другое место, освобождая проход. Прислужник Джунийе разинул рот от удивления — привратник был мужчиной довольно крупным.

Киммериец вошел в сад. Слуги, переглянувшись, благоразумно решили предоставить ему полную свободу.

Конан двинулся между стволами деревьев, скользя беззвучно и все время пропадая в тени, как будто был охотником и выслеживал пугливую дичь.

В саду было тихо. Ни людей, ни птиц. Только листья шелестели в вышине. Обманчивое спокойствие сада настораживало киммерийца еще больше. Обостренным варварским чутьем он улавливал присутствие магии, и это беспокоило его. Конан осторожно вытащил меч из ножен. Прикосновение доброй стали успокаивало.

Он обошел уже почти весь сад. «Может быть, стоит посидеть здесь и понаблюдать? — подумал он. — Ничего подозрительного на первый взгляд не попадается. Но это-то и подозрительно! Уверен, что

Джунийе пропал в этом саду не просто так. Была у бедняги очень важная причина, чтобы пропасть. И для господина Эмбриако будет лучше, если он не имеет к этой причине никакого отношения».

Конан уселся под деревом, откуда хорошо видны были две беседки. «Если хозяин сада устроил здесь эти беседки, — рассудил сам с собой варвар, — стало быть, рано или поздно он явится сюда отдохнуть, пить вино и беседовать...».

Дерево давало приятную тень. Сквозь узорные листья на лицо варвара попадали теплые лучики света. Пахло чем-то пряным. Подняв голову, Конан увидел, что на ветках уже созрели плоды. Он сорвал один из них, до какого дотянулся. Повертел в руках. Круглый, желтый, с резким ароматом.

Конан задумчиво очистил его и начал жевать. Сочная мякоть плода была сладкой и великолепно утоляла жажду. Конан похлопал дерево по стволу:

— Молодец, — похвалил киммериец, — отличная работа.

И снова начал следить.

В доме ожили и загадели слуги. Конан напрягся, вытягивая шею: кажется, там что-то случилось! Но спустя несколько мгновений даже плонул от жгучей досады. Случилось, как же! Горничную застали в объятиях какого-то лоботряса. Прямо в господских комнатах. Ах, какой ужас! Тьфу!

Шум скандала постепенно утих. Рыдания горничной удалились. Снова воцарилась сонная тишина. Легкий ветерок раздвинул листья, и перед глазами

Конана появился второй плод, такой же золотистый и сочный, как и первый. Конан потянулся было и за ним, но тут же замер: в беседку направлялся господин Эмбриако.

— Господин Джунийе, вы здесь? — звал он своего гостя.

Вот как! Стало быть, Эмбриако ничего не знает о том, что Джунийе пропал. Не перед соглядатаем же разыгрывает он комедию поисков гостя! Конан был уверен в том, что господину Эмбриако ничего не известно о присутствии в саду некоего киммерийца.

— Господин Джунийе! — еще раз повторил Эмбриако и вошел в беседку.

Конан подобрался поближе, чтобы лучше видеть.

Эмбриако остановился посреди беседки и, внезапно забыв о цели своих поисков, уставился на стеклянные шкафы. На губах хозяина поместья появилась довольная улыбка. Он разглядывал свою коллекцию. Ну конечно! Все коллекционеры — сумасшедший народ. Конан слыхал об этом и теперь получил отменную возможность убедиться во всем собственными глазами.

Эмбриако открыл дверцу шкафа и вытащил оттуда золотую маску. Уставился на нее влюбленно. Боги, какой болван!

Неожиданно выражение лица Эмбриако сделалось другим. Самодовольство сменилось недоумением, а затем пропал страх. Несколько раз Эмбриако вздрогнул, как будто боролся с кем-то невидимым, а затем, словно бы против собственной воли,

начал приближать золотую маску к своему лицу с явным намерением надеть.

Конан выскочил и метнулся к хозяину дома. Нельзя было терять ни мига. Киммериец не сомневался теперь в зловещем предназначении маски. Как дикий зверь, набросился он на Эмбриако и, ломая его сопротивление, вырвал маску из его рук. Мaska откатилась в сторону и замерла на траве.

Эмбриако тяжело дышал. Его била крупная дрожь, он весь был покрыт испариной, рот его безвольно распахнулся, из глаз градом текли слезы.

— Кто вы? — спросил он киммерийца. Слышно было, как стучат зубы Эмбриако.

— Кто я — неважно, а вот кто он? — Конан показал на маску.

— Не трогайте ее! — в ужасе вскрикнул Эмбриако. — Там... там такой страх! Там — смерть! Я видел ее глаза, и она хотела забрать меня!

Конан положил руки на плечи перепуганного дворянина.

— Сядьте. Я принесу вам плод. Тут у вас поблизости растет изумительное дерево, очень вкусные плоды. Сочные. Лучше винограда.

Эмбриако послушно уселся на траву, вытянув ноги и прислонившись спиной к резной деревянной колонне беседки.

Одним прыжком Конан подскочил к деревцу, сорвал второй плод и поднес его своему подопечному. Эмбриако жадно проглотил сладкие дольки и ощущил прилив сил.

— Мне гораздо лучше, — проговорил он. — Спасибо. Расскажите мне, кто вы.

— Друг китайского каллиграфа. Его спутник... э... телохранитель, — сказал киммериец.

Эмбриако успокоенно кивнул. События начали приобретать для него понятные очертания.

— Что вы увидели в маске? — настойчиво спросил Конан. — Ну, помимо своей смерти и прочих глупостей.

— Мне показалось... Нет, я не могу этого сказать! Вы сочтете меня сумасшедшим и не будете после этого серьезно относиться к моим словам.

— Не сочту. Говорите!

— У меня есть племянник, некто Форез, который почти наверняка пытается найти способ свести меня в могилу. Меня и еще нескольких нобилей, которые мешают ему получить наследство... Мне почудилось, будто я вижу в маске его глаза. Но это, конечно, абсурд! Там ничего нет, кроме пустых прорезей...

— Никогда не знаешь, кто скрывается за маской...

— Ты прав, смертный! — прогремел чей-то голос.

Конан резко развернулся и увидел, что золотая маска больше не лежит на траве — она парит в воздухе, никем не поддерживаемая. Эмбриако взвизгнул и исключительно быстро заполз в беседку.

Выставив перед собой меч и широко улыбаясь, Конан шагнул навстречу духу.

— Прочь с дороги! — рявкнул дух.

Конан не ответил. Он пытался понять, велик ли дух и насколько он силен. Размахнувшись, киммери-

ец нанес первый удар. Послышался скрежет, как будто меч соприкоснулся с камнем. Меч отскочил, а правую руку варвара пронзила острыя боль.

Оскалив зубы, Конан ринулся в атаку. Он крутил вокруг духа, изматывая его ударами. Дух пока что ничего не предпринимал, золотая маска плавала перед лицом киммерийца и скалилась мертвым ртом.

Конан лихорадочно соображал, где же у духа может быть уязвимое место. Пока что его главной задачей было не позволить духу атаковать его самого. И все же, когда дух решил броситься на противника, ставшего слишком назойливым, киммериец не успел отбить нападение. Невидимая рука крепко схватила его за горло. Конан упал. Теперь маска плясала в воздухе прямо над ним.

Пустые глазницы жадно шарили по могучему телу варвара. Конан отбивался, как мог, лягался с риском сломать ногу о невероятно твердое невидимое тело духа. Голос внутри маски опять ожила.

— Что, жалкий человечишка? Борешься за свою ничтожную жизнь? Какой в ней смысл, если она так коротка?

Тяжелая, как колонна, нога призрака наступила на руку Конана, и киммериец выронил меч. Но левой рукой он нашупывал у себя на поясе кинжал. Дух смотрел ему в глаза, и Конан видел, что господину Эмбриако не почудилось: в пустых глазницах появились глаза Фореза. Они пылали нечеловеческой злобой.

Извернувшись, Конан вонзил в них кинжал.

На сей раз клинок встретил податливую плоть. Раздался оглушительный, скрежещущий крик. Каменная хватка ослабла, дух выпустил Конана. Теперь маска металась, как обезумевшая пчела. Она носилась и подскакивала, несколько раз ударила о колонну и о ствол апельсинового дерева. И все время сад содрогался от пронзительного вопля, проникавшего, казалось, в самый мозг. Конан тяжело переводил дыхание. Оглянувшись, он увидел, что Эмбриако потерял сознание, и из ушей его вытекла струйка крови. Даже могучему киммерийцу было дурно от криков заключенного в маске духа, так что говорить об изнеженном аристократе!

С трудом поднявшись, Конан приблизился к трясущейся маске. Киммериец оскалил зубы:

— Я догадался, кто ты! — прошептал он. — Ты — третий брат! Ты — один из тех колдунов, которые заколдовали принцесс У-Ханя!

Маска не отвечала. Конан схватил ее за край, прижал к апельсиновому дереву и вогнал свой кинжал во вторую глазницу, пригвоздив маску к стволу.

Хлынула черная, зловонная кровь. Конан едва успел отскочить. Воздух под маской сгустился, а затем появилось тело. Оно извивалось и кричало — но кричало уже не дьявольским, а вполне человеческим голосом. За первым телом показалось и второе... Всего двое. Они как будто выпали из пустого пространства под маской. В одном Конан сразу узнал Фореза. А второй, должно быть, Джунийе.

Конан осторожно приблизился к жертвам духа. Мертвые — оба. Крик, который они издавали, звучал не из их уст — то кричала, прощаясь с миром, освобожденная от проклятия душа.

Маска содрогнулась в последний раз и затихла. Теперь это была просто золотая вещица, изготовленная с большим искусством.

Неожиданно с дерева упал плод. Видимо, его сшибло с ветки одним из тех сильных толчков, которые сотрясали дерево. Плод ударился о землю, покатился под горку, стукнулся о колонну беседки и лопнул. Конан смотрел на это с сожалением: больно уж вкусный!

И тут дольки плода начали раскрываться сами собой, точно лепестки цветка, и в самой его сердцевине появилась крохотная женская фигурка. Она вся была окутана прозрачным золотистым светом. На глазах Конана фигурка стала увеличиваться. Вот она уже Конану по колено, вот — по пояс... К тому моменту, когда господин Эмбриако застонал и начал приходить в себя, девушка достигла уже изначального своего роста.

Она оказалась хрупкой и тонкой, с фарфоровым лицом, раскосыми глазами. Тонкие пряди черных волос падали на ее узенькие плечи, а над ушами ее прическу придерживали зажимы в форме шарообразных соцветий.

Она осторожно шагнула вперед, пробуя землю босой узкой ножкой, такой крохотной, что это выглядело невероятно.

Желтый шелковый халат, в который была облачена девушка, потащился за ней шлейфом. Эмбриако открыл глаза. Принцесса растерянно улыбалась, разглядывая мир, внезапно распахнувшийся перед ее взором.

Конан вдруг похолодел. Он понял, что за дерево дарило ему тень и прохладу, пока он наблюдал за садом господина Эмбриако. Он понял также, чем были те плоды, которые они с Эмбриако слопали.

— Госпожа, — обратился Конан к девушке, старательно выговаривая кхитайские слова, — вот человек, который освободил вас от чар. — Он указал на Эмбриако, со стонами копошащегося на земле. — Отдайте ему свою любовь! Он этого достоин.

— А дух? — спросила девушка. — Он держал в плену меня и сестер...

— Ну, дух мертв, я полагаю. Во всяком случае, он не воплотился, — сказал Конан. — Так что об этом мерзавце можно забыть.

Он приосанился и с лязгом вложил меч в ножны.

— Мои сестры... — Принцесса огляделась по сторонам, явно растерянная. — Мы всегда были вместе. Где мои сестры, господин?

— Они... Мое сердце кровоточит, потому что они погибли из-за козней проклятого духа, — промолвил Конан, отводя глаза от прекрасного лица девушки. И тут же добавил: — Но вы, моя госпожа, уцелели, и это — величайшее счастье.

Слезы быстрыми потоками побежали по щекам девушки, однако она нашла в себе силы, чтобы

улыбнуться. Осторожно скользя по земле, девушка приблизилась к Эмбриако. Желтые шелковые рукава ласково коснулись щек бритунского нобиля.

— Меня зовут принцесса Лу, — прошептала она.

«В конце концов, — сказал сам себе Конан, — что бы он делал сразу с тремя? В Бритунии многоженство не поощряется!»

И тем не менее чувство вины не покидало Конана до самого вечера.

Содержание

Тайна замка Амрок. <i>Повесть</i>	5
«Отдай мне свою молодость!». <i>Повесть</i>	123
Иероглиф желаний. <i>Повесть</i>	163
Смерть в саду золотых масок. <i>Повесть</i>	263

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас

КОНАН И КХИТАЙСКИЙ МУДРЕЦ

Руководитель проекта Дмитрий Ивахнов
Серийное оформление: Дмитрий Виземский

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр-т Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.ASTRU.RU E-mail: astpub@aharu.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
copan@sp.ru

Издано при участии ООО «Харвест». АИ № 02330/0056935 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

Республикансское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
Республика Беларусь, 220013, Минск, пр. Независимости, 79. Заказ 2420.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир леденящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по
адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ —
«Книги по почте».

Издательство высылает бесплатный каталог.

Эти книги можно назвать фантастикой.

Точно с таким же основанием, как книги Борхеса, Мураками или Кортасара.

Эти книги можно назвать классической русской прозой. С тем же правом, как рассказы Чехова, Гоголя, Булгакова.

Эти книги можно назвать юмористическими. Так же, как книги Зощенко, Гашека или Марка Твена. Но все это — Леонид Каганов. Если вы его еще не читали, то вы, наверное, просто неграмотный.

Сергей Лукьяненко

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 20 000 названий книг самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертий Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнера, Андрей Воронин, Полина Дацкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 114б, стр. 2, т. 287-45-69
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское ш., 86, корп. 1, 2-й этаж
- м. «Братеево», ул. Паромная, 9, корп. 1, т. 342-26-67
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «Выхино», Самаркандский б-р, 17, корп. 4, т. 372-40-01
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Кантемировская», ул. Кантемировская, 16, корп. 1, т. 320-01-22
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Люблино», ул. Совхозная, 20, т. 358-21-59
- м. «Марьино», ул. Борисовские пруды, 46, корп. 2, т. 342-33-23
- м. «Молодежная», гипермаркет «Ашан», Марфино, т. 795-07-32
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Речной вокзал», Зеленоград, 3-й микрорайон, корп. 360, т. 536-16-46
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», ТЦ «Вэйпарк», 71-й км МКАД, 2-й этаж, т. 741-46-05
- м. «Речной вокзал», Химки, гипермаркет «Ашан», т. 981-45-27
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07

- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Тульская», Варшавское ш., 9, Тульская ярмарка, 5-й этаж, т. 737-03-77, доб. 40-20
- м. «Тушинская», ул. Митинская, 36, т. 753-48-52, доб. 122
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Шукинская», Строгинский б-р, 1/2, т. 750-38-77, доб. 111
- м. «Тушинская», 65—66-й км МКАД, ТК «Крокус Сити», 2-й этаж, т. 942-94-25
- м. «Рязанский проспект», Рязанский пр., 76, корп. 3, т. 170-11-82
- м. «Семеновская», ул. Шербаковская, 35, т. 363-32-26
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 16, стр. 1
- м. «Текстильщики», ул. Юных ленинцев, 37, т. 178-20-00
- м. «Медведково», г. Мытищи, Осташковское ш., 1, гипермаркет «Ашан»
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Вологда, ул. Герцена, 118, т. (8172) 75-43-22
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «TK», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 61, т. (3522) 46-29-22
- Курган, ул. Куйбышева, 109, т. (3522) 53-19-62
- Курган, ул. Пушкина, 108, т. (3522) 43-22-59
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Шадринск, ул. Комсомольская, 22, т. (35253) 5-02-18
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Курск, ул. Дзержинского, 86, т. (07122) 2-39-56
- Курск, ул. Гагарина, 2, т. (07122) 37-04-62
- Курск, ул. Сумская, 34/2, т. (07122) 32-42-11
- Курчатов, Коммунистический пр., 17, т. (07131) 4-12-84
- Железногорск, ул. Ленина, 16, т. (07148) 2-21-23
- Льгов, ул. К. Маркса, 4/33, т. (07140) 2-40-12

- Обоянь, ул. Ленина, 51, т. (07141) 2-23-79
- Рыльск, Советская пл., 6, т. (07152) 2-55-37
- Суджа, ул. Первомайская, 18, т. (07143) 2-29-75
- Шигры, ул. Красная, 42, т. (07145) 4-27-39
- Дмитриев, ул. Республикаанская, 10а, т. (07150) 2-26-57
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Н. Новгород, пл. Горького, 1/61, т. (8312) 33-79-80
- Орел, Рыночный пер., 5, т. (0862) 43-71-30
- Батайск, ул. Кирова, 8, т. (86354) 5-67-44
- Донецк, ул. Ленина, 24, т. (86368) 2-27-25
- Новочеркасск, ул. Московская, 10, т. (86352) 2-30-53
- Азов, Петровский б-р, 3, т. (86342) 4-09-95
- Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 84, т. (8632) 40-63-87
- Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 199, т. (8632) 64-90-24
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рыбинск, ул. Ломоносова, 1, т. (0855) 52-47-26
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Санкт-Петербург, Московский пр., 39/2, т. (812) 316-24-72
- Санкт-Петербург, Невский пр., 35, ст. м. «Гостиный двор»
- Смоленск, ул. Гагарина, 4, т. (0812) 65-53-58
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, пр. Ленина, 68, т. (3512) 63-01-01, 63-22-70
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Киров, ул. Комсомольская, 37, т. (8332) 54-38-91
- Киров, ул. Ленина, 88, т. (8332) 62-15-43
- Киров, ул. Пролетарская, 22а, т. (8332) 67-65-22
- Киров, ул. Ломоносова, 37, т. (8332) 25-35-77
- Кирово-Чепецк, пр. Мира, 41, т. (83361) 4-57-91
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Волжский, пр. Ленина, 6, т. (8443) 31-64-02
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Находка, ул. Гагарина, 8, т. (42366) 3-41-11
- Арсеньев, ул. Жуковского, 29, т. (42361) 4-40-28
- Артем, ул. Фрунзе, 69, т. (42337) 4-26-78
- Большой Камень, ул. Приморского комсомола, 14, т. (42335) 5-72-09
- Дальнегорск, ул. 50-лет Октября, 59, т. (42373) 2-20-33
- Дальнереченск, ул. Дальнереченская, 59, т. (42356) 2-54-52
- Партизанск, ул. Ленина, 16, т. (42363) 0-25-78
- Владивосток, пр. 10-летия Владивостока, 44, т. (4232) 36-28-79
- Владивосток, ул. Светланская, 43, т. (4232) 22-31-93
- Владивосток, ул. Русская, 5а, т. (4232) 34-11-41
- Владивосток, Океанский пр., 140, т. (4232) 45-38-02
- Астрахань, ул. Советская, 17, т. (8512) 22-58-78
- Таганрог, ул. Чехова, 49, т. (8634) 36-03-04
- Братск, ул. Крупской, 27, т. (3953) 42-02-88
- Великие Луки, ул. Гагарина, 19, т. (81153) 5-17-91
- Великий Новгород, ул. Менделеева, 1, т. (81622) 2-37-29
- Мурманск, пр. Ленина, 67, т. (8152) 45-51-78
- Нижний Тагил, ул. Пархоменко, 20, т. (3435) 41-14-88
- Нижний Тагил, ул. Космонавтов, 10, т. (3435) 48-09-33
- Нижний Тагил, ул. Первомайская, 32, т. (3435) 41-98-52
- Новоуральск, ул. Комсомольская, 23, т. (34370) 3-17-08
- Стерлитамак, пр. Октября, 43, т. (3473) 24-10-64
- Стерлитамак, пр. Ленина, 31, т. (3473) 20-87-45
- Стерлитамак, пр. Ленина, 30, т. (3473) 43-16-58
- Самара, пр. Кирова, 301, т. (8462) 56-49-92
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Пенза, пр. Победы, 4, т. (8412) 42-45-35
- Рига, ул. Краста, 70, т. (8-10-371) 7-812-644
- Оренбург, ул. Туркестанская, 23, т. (3532) 41-48-06, 41-18-05
- Нижний Новгород, ул. 50-летия Победы, 6/2, т. (8312) 74-01-29
- Ульяновск, ул. Железной дивизии, 6, т. (8422) 41-47-36
- Тольятти, ул. Ленинградская, 55, т. (8482) 28-37-68, 48-31-56
- Пенза, ул. Куйбышева, 21/48, т. (8412) 32-40-78
- Киев, ул. Красноармейская, 57/3, т. (8-10-38-044) 227-31-36
- Луганск, ул. Сосюры, 137, т. (8-10-38-064) 234-58-11
- Мукачево, ул. Пушкина, 2, т. (8-10-38-031-31) 5-46-81
- Черкассы, ул. Шевченко, 256, т. (8-10-38-047) 236-08-40
- Запорожье, ул. 8 Березня, 32, т. (8-10-38-061) 264-19-00

- Запорожье, ул. Гоголя, 155/2, т. (8-10-38-061) 264-19-00
- Донецк, ул. Ильича, 93, т. (8-10-38-062) 290-50-30
- Донецк, ул. Артема, 147а, т. (8-10-38-062) 290-88-99
- Харьков, ул. Донец-Захоржевского, 6/8, т. (810-38-057) 700-44-29
- Омск, ул. Бударина, 3б, т. (3812) 23-46-49
- Псков, ул. Пушкина, 1, т. (8112) 16-50-01
- Тюмень, ул. Орджоникидзе, 51
- Ульяновск, ул. Гончарова, 14, т. (8422) 41-65-12
- Ульяновск, пр. Гая, 76, т. (8422) 66-36-24
- Ульяновск, ул. Ворочая Михайлова, 41, т. (8422) 52-64-41
- Ульяновск, ул. Богдана Хмельницкого, 19, т. (8422) 48-40-13
- Самара, ул. Галактионовская, 130, т. (8462) 78-75-14, 32-74-44
- Самара, пр. Юных пионеров, 146, т. (8462) 59-45-52
- Тольятти, ул. Революционная, 60, т. (8482) 35-04-50
- Тюмень, ул. Республики, 155/1, т. (3452) 20-61-80
- Брянск, ул. Фокина, 31, т. (0832) 74-14-94
- Якутск, ул. Ярославского, 16/1, т. (4112) 42-40-27, 34-20-47
- Якутск, ул. Орджоникидзе, 5, т. (4112) 34-15-80
- Новосибирск, ул. Советская, 13, т. (3832) 23-35-20
- Новосибирск, ул. Бориса Богаткова, 262, т. (3832) 67-78-07
- Минск, пр. Машерова, 11, т. (8-10-375-17) 223-34-96
- Минск, пр. Франциска Скорины, 19, т. (8-10-375-17) 227-49-18
- Инта, ул. Куратова, 14, т. (82145) 6-05-93
- Томск, пр. Фрунзе, 102, т. (3822) 52-32-76, 52-33-35
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ **наст**оящие КНИГИ

САЈА О КОНАЊЕ

КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИНГАРЫ 74	КОНАН И ЖЕМЧУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРАЩА ТАРАННИИ 77	КОНАН И НЕФРОТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН И ГЛАВЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАНОВИ МОРЯ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81
КОНАН И ВЛЫДЫКА ЛЕСА 82	КОНАН И НАГРАДА НАЕМНИКА 83	КОНАН И АЕРИОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕЗДИЯ 85	КОНАН И ТРОН ВЕДЫН 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЯ 89	КОНАН И ВОЛЧЬЯ БАШНЯ 90
КОНАН И КЛЯТВА ВАРВАРА 91	КОНАН И СКИПЕР МАГА 92	КОНАН И ЗОЛОТАЯ ПАНТЕРА 93	КОНАН И АЕГЕНДА ЛЕМУРИЯ 94	КОНАН И ЯРСТЬ ТИТАНОВ 95	КОНАН И ТАИНА ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАБ ТАНКСМАНА 97	КОНАН И ПОХОД ОБРЕЧЕННЫХ 98	КОНАН И ЧАРЫ КОЛДУНЬИ 99
КОНАН ГЕРОЙ ХАЙБОРИИ 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ 101	КОНАН И ЗАЛОЖНИКИ РОКА 102	КОНАН И ПАГОДА СНА 103	КОНАН И РИВАЛ ЛУНЫ 104	КОНАН И АЛЫ СТИГИИ 105	КОНАН И ТЕМНЫЙ ОХОТИК 106	КОНАН И КАМЫКИ АСУРЫ 107	КОНАН И СУД БОГИНИ 108
КОНАН И щит ВЕНДИИ 109	КОНАН И АЛЫКИ АХЕРОНА 110	КОНАН И ЗАДОХНЯНИЯ ОСТРОВ 111	КОНАН И ДЕМОНЫ СТЕПЕЙ 112	КОНАН И ЧУДАВЫЙ ЮГА 113	КОНАН И УЗНИКИ КАМНЯ 114	КОНАН И КРАСНОЕ БРАТСТВО 115	КОНАН И ГЛАЗ ПАУКА 116	КОНАН И ЦЕЛЬ ОБОРОТНЯ 117
КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ 118	КОНАН И РЕКА ЗАБВЕНИЯ 119	КОНАН И ДОЛИНА ДИКАРЬЯ 120	КОНАН И ЗЕМЯ ПРИЗРАКОВ 121	КОНАН И ОРАКУЛ СМЕРТИ 122	КОНАН И СЛЯПОН ЖЕРЦ 123	КОНАН И НЕУДАЧНИК КОЛАПУМ 124	КОНАН И МОРОК ЧАЩИ 125	КОНАН И КРУГ ВРЕМЕН 126
КОНАН И ДОЧЬ ДРУИДОВ 127	КОНАН И УЖАС ХАРИИ 128	КОНАН И ВЛАСТИВА ШЕМА 129	КОНАН И РАЖУЩИЕ СВЯТИЛИЩЕ 130	КОНАН И ВОИН ИЗ ПРОРОКСТВА 131	КОНАН ПРОТИВ ЗОЛАР-САЛА 132	КОНАН И ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНА 133	КОНАН И ГЛЮТОМКИ АЛАЛОНТОВ 134	КОНАН И ТАСВЕЦЫ ДОБЫЧА 135
КОНАН И ЖИЦА ДЕРКЭТО 136	КОНАН И НАГАРНЫЙ ДЕРВИШ 137	КОНАН И КИТАЙСКИЙ МУДРЕЦ 138						

ISBN 978-5-17-046488-3

СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС